

ИЛЬЯ
ДВОРКИН

Костёр в сосновом Бору

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Илья
Дворкин

Костёр

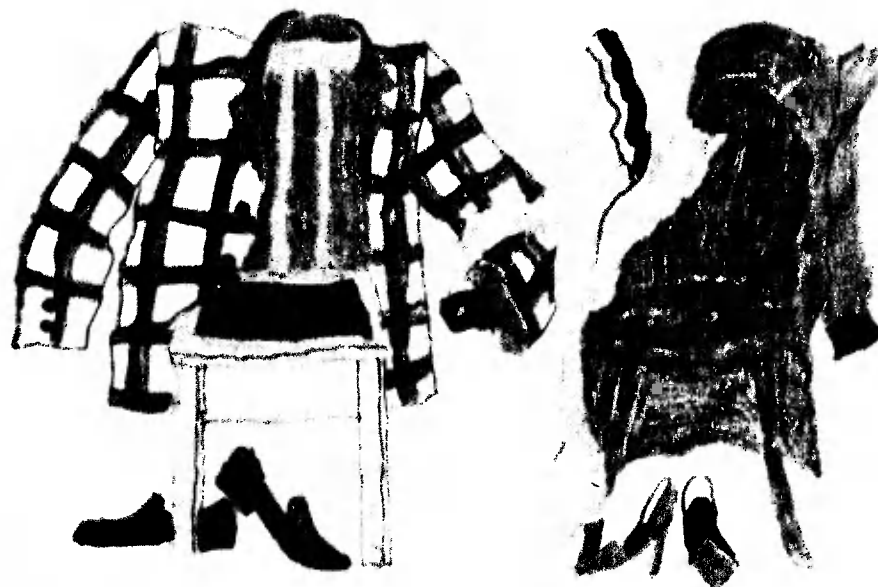
в
сопрово
Бору

ПОВЕСТЬ И
РАССКАЗЫ

РИСУНКИ
Е. МАРШАКОВОЙ

«Детская литература»
Ленинградское отделение
1989

Разговоры с папой и мамой

Митька размышлял.

Он размышлял о том, какие всё-таки странные люди эти взрослые. Ну папа, про него особый разговор, он вообще странный, даже взрослые про это говорят, даже мама. Он с самого детства Митьку приучил ко всяким своим розыгрышам и каверзным вопросам. На него непривычно как-то обижаться.

Но мама тоже хороша.

На днях стала заставлять Митьку мыть уши и пугает.

— Вот гляди, — говорит, — не пустят санитары в класс, будет тебе позор на целых три дня. С грязными ушами ты не октябрёнок, а поросёнок.

А того-то не знает, что теперь во втором классе санитаров нету.

Вообще-то они есть, конечно, только они называются по-другому, это третья звёздочка, называются они «Айболи-ты». Митька и говорит:

— У нас, — говорит, — теперь санитаров нету, они теперь звёздочка «Айболитов».

— Ну ты-то у меня наверняка в звёздочке «Бармалеев», — говорит мама и смеётся.

Потом видит, Митька плечом дёрнул, перестала смеяться.

— Ты, Тяша, на меня не обижайся, — говорит, — ты мне толком расскажи, что это за звёздочки такие, впервые слышу.

— Ну, понимаешь, мы же октябрята, должны делать всякие дела, ну эти — хорошие, мы соревнуемся — у кого пятёрок больше и этих самых дел. У нас шесть звёздочек, в каждой пять человек. Сколько всего будет? — задал Митька каверзный вопрос.

Мама задумалась. Мама у Митьки «гуманитарий с языком». А проще сказать, она английский язык изучала и теперь переводит книжки. Не в том смысле переводит, что портит, а в том, что английские книжки по-русски пересказывает.

И потому с таблицей умножения у неё неважно. Мама говорит, что у всех гуманитариев неважно.

Но одно мама (и, наверное, все гуманитарии на свете) знает твёрдо: пятью пять — двадцать пять.

— Погоди, погоди, — говорит мама, — значит, так: пятью пять — двадцать пять, а пятью шесть — это двадцать пять и ещё пятёрка — значит, тридцать. Тоже мне задачка! Я такие задачки, как орехи!

Мама сказала это очень гордо, но потом опечалилась, покачала головой:

— Многовато вас всё-таки! Как только с вами, обормотами, Таисия Петровна справляется — ума не приложу! Святая женщина! Мученица.

А Митька ей:

— Так у нас же теперь звёздочки! Теперь ведь с нами в десять раз проще! Почти никаких мучений, почти одна радость!

— Почему это вдруг? — спрашивает мама.

— А потому, что мы сами теперь с собой за дисциплину боремся целыми днями.

— Ну и как? Получается? — спрашивает мама.

— Вообще-то... вообще-то, если правду сказать, пока не очень... Но, я думаю, получится когда-нибудь!

— Я вижу, как у тебя получается, сама вчера в дневнике подписывалась под красивыми словами: «Безобразно

вёл себя на уроке. Ударил соседа по голове учебником „Родная речь“».

— Так я ж потому и ударил, — кричит Митька, — что боремся за дисциплину! Мы боремся не покладая рук, а это Филиппов болтает на уроке!

Мама засмеялась.

— Тяша, ты мой Тяша, чудак ты человек! Ну ладно, забудем. Ты-то сам в какой звёздочке?

— Мы «Светлячки».

— А что вы должны делать?

— Светить!

— Кому? — удивляется мама.

— Всем!!!

— Как фонарики, да?

— Опять смеёшься, — обижается Митька, — это же в переносном смысле, помогать, значит, всем, светить, в общем.

— Ну, свети, родной, свети! Это хорошо, когда тебе кто-нибудь светит...

Мама задумчиво улыбнулась и отошла.

А Митьке так захотелось кому-нибудь, сейчас же вот, немедленно посветить, что он пошёл и вымыл свою чайную чашку...

Собрание

Назавтра в Митькином классе было собрание. И там такое сказали, что у всех невольно пораскрывались рты.

Вот что там сказали. Пионервожатая, самая главная, сказала. Там и учительница была, Таисия Петровна, но говорила больше пионервожатая, очень много чего говорила, Митька даже устал слушать и принялся разглядывать свою любимую стенку. Он её всегда разглядывал, когда уставал слушать. Чудная была стенка! Вся в таких замысловатых трещинках, в таких линиях — одним глазом посмотришь: бодает коза какого-то пятнистого зверя с пятью ногами — вроде бы длинномордую собаку, вроде бы не собаку, а крокодил стоит на хвосте и его бодает коза. Другим глазом поглядишь: а там стоит на голове учительница ритмики Серафима Борисовна и в руках

держит ёжика. До того здорово — век бы рассматривал Митька эту чудную стенку.

Но вдруг до него долетела одна фраза главной пионервожатой:

— ...и пойдёте вы в поход без единого родителя. Совершенно самостоятельно.

Митька напрягся и вспомнил начало фразы.

— Пять звёздочек, кроме занявшей последнее место по итогам соревнования, пойдут в конце учебного года в настоящий лес, одни, совсем одни, только со мной и с Таисией Петровной. И пойдёте вы в поход без единого родителя. Совершенно самостоятельно. И будем жечь костры. И будем ночевать в палатках. И без единого родителя. И песни петь станем!

У Митьки, конечно, сразу же ушки на макушке.

— Не может быть, — говорит Мишка Хитров, рыжий, как огонь.

— Почему? — удивляется пионервожатая.

— Потому что так не бывает! — убеждённо говорит Мишка.

— Не бывает, а теперь будет!

— Не может такого быть! — заявляет Мишка и садится.

— А ты что хочешь сказать, мальчик? Ты выйти хочешь? — спрашивает старшая вожатая у Митьки.

— Нет! — обиженно говорит Митька. — Просто я согласен с предыдущим человеком Мишкой про то, что не может быть.

— Ребята, — говорит Таисия Петровна, — вы не сомневайтесь. Всё может быть. А в поход мы пойдём обязательно. Двадцать пять человек пойдут, а пять не пойдут. По итогам соревнования. Так что вы старайтесь. Чтоб итоги были замечательные.

— Но ведь жалко, — говорит Вика Дробот.

— Кого? — спрашивает Таисия Петровна.

— Ну этих... которые не пойдут. Все пойдут, а они не пойдут.

— Таковы условия соревнования, — говорит пионервожатая и разводит руками, — пусть стараются.

— Так ведь старайся не старайся, всё равно пятеро-то не пойдут, — упрямо говорит Вика.

И тут вскочил противный ябеда Лисогонов. И вообще уж какую-то ерунду сказал.

— А пускай, — говорит, — эта Вика в одну косичку заплетается!

— Это ещё почему? Это совсем не понятно, — удивляется Таисия Петровна.

— А потому, что она передо мной сидит и мне так больше невозможно бороться за успеваемость. Я хочу в поход, а с её двумя косичками — не ручаюсь за себя и за свои итоги!

Митька от возмущения даже встал из-за парты, кулаками погрозил.

— Видал, — говорит, — схлопочешь!

— Дмитрий, сядь, — говорит

Таисия Петровна. — Чем же тебе, Гошенька, помешали Викины косички?

Митька даже ногами заёрзал.

Гошенька! Убить такого Гошеньку мало из реактивной пушки!

— А потому! — говорит Лисогонов. — Ничего не видно из-за её косичек: слева бант, справа бант, а посередине человеческая голова! Хоть беги из класса!

— А это он потому, что она ему списывать не даёт, — говорит Нинка Королёва.

— А ты и бегать-то не умеешь, — говорит Мишка Хитров.

— Получишь! — кричит Митька.

А противный Лисогонов — будто и не слышит — демонстративно ковыряет мизинцем в левом ухе.

Такой тут крик начался — жуть!

— Тихо! Тихо! — кричит Таисия Петровна. — Так-то вы светите товарищу, Миша, Митя, Вика и Нина! А ещё «Светлячки» называются!

— Мы ему сперва засветим. Ябеда, — тихо шепчет Митька, — жалко, Лёшка болеет, а то б ещё веселее было.

— Вот что, — говорит Таисия Петровна, — раз некоторым ребятам мешают две косички с большими бантами, предлагаю, чтоб девочки заплетали волосы в одну.

На этом собрание закончилось.

Аперхук

Домой Митька пришёл с поцарапанным носом, но такой гордый, что сперва и рассказывать ничего не стал, только сопел да выпячивал грудь. И в зеркало на себя поглядывал искося.

После не выдержал.

Всё рассказал.

— Ну, лес — это мы ещё посмотрим, — говорит мама, — выдумки какие — без единого родителя! Таких крошек!

— Надавал тебе, я гляжу, твой дружок Лисогонов, — говорит папа, — ишь, чуть нос напрочь не оторвал.

— Что-о-о?! — кричит Митька. — Мне?! Лисогонов?! Надавал?!

— Угу, — говорит папа и поглядывает одним хитрым глазом из-за газеты, — прямо-таки даже навтыкал.

— С моим-то ударом?! — кричит Митька.

— С каким ещё таким ударом? — интересуется папа.

— С таким! У меня особый такой уж-ж-жасный удар есть — аперхук называется. Я теперь до того стал опасный человек! Меня теперь все бояться должны.

— Оно и видно, — смеётся папа, — чуть нос не оторвали... Вон, на одной ниточке висит, еле держится.

— А он царапается, как девчонка! У него ногти вперёд загнутые! А у меня аперхук! — Митька уже чуть не плачет.

Папа улыбается.

— Не надо, — говорит ему мама, — ну зачем ты его дразнишь. У человека аперхук появился, а ты сомневаешься. Но вообще-то, — говорит она Митьке и целует его в макушку, — если уж ты теперь такой опасный стал человек, тебе ни за что нельзя драться.

— Почему это? — удивляется Митька. — Совсем наоборот! Теперь-то я ему и покажу!

— Ты меня послушай, — говорит мама, — вот у тебя есть аперхук, а у другого нету, а ты с ним дерёшься. Это всё равно, как если бы у одного человека дубинка в руках, а другой безоружный и в очках, а первый второго дубинкой по голове. Хорошо это?

— Нет. Это нехорошо, — твёрдо отвечает Митька. — Только дубины-то у меня нету!

— А аперхук?!
— Это совсем другое дело!
— Да откуда он у тебя взялся, этот знаменитый аперхук? — спрашивает папа.
— Меня один парень научил. Здоровенный такой верзила — аж из третьего класса.
А папа улыбается.
— Аж из третьего? — переспрашивает.
— Да, — отвечает Митька, — и ничего смешного.
— Ну скажи мне, Тяша, почему ты так невзлюбил этого Лисогонова? Очень милый, по-моему, мальчик, — говорит мама.
— Милый?! — Митька даже подскакивает от возмущения. — Ну знаешь, мама! Милый! Он ехидный, как... как не знаю кто!
— Как ехидна, — подсказывает папа.
— Во-во, — соглашается Митька, — и язык мне показывает. И на Вику наядбедничал! И вообще... вообще у него какая-то противная морда лица!
— Не стыдно тебе такие грубые слова говорить — «морда»! — возмущается мама, но Митька видит, что она только притворяется сердитой, а самой смеяться охота.

История с фонтанчиком

Ужасная сегодня история произошла с Митькой на большой перемене. И нелепо как-то всё случилось, чуть ли не нечаянно.

Дело было так.

Вика Дробот говорит:

— Пить, — говорит, — охота — жуть... Как в пустыне Каракумы.

А Митька ей:

— А ты была в этой пустыне?

— Нет, — говорит, — не была. Мой двоюродный брат Виталий был.

— Ну и что он рассказывал? — спрашивает Митька с огромным интересом.

— Вот он и говорит: пить, говорит, охота — жуть.

— А верблюды у него были?

— Были. Целых пять. Четыре с двумя горбами, а один с одним.

— Ух ты, — говорит Митька, — калека, значит? Шакалы отгрызли?

— Нет, — говорит Вика, — он — дромадер.

— Кто-кто?

— Дромадер.

— А это кто?

— Не знаю, — говорит Вика, — так про него Виталий сказал: дромадер, и всё.

— Это его так звали, беднягу, — поясняет Митька, — отгрызли мерзкие шакалы один горб и убежали.

— Жалко, — говорит Вика.

— Ха! Ясное дело! А что ещё твой брат рассказывал?

— Он говорит: пить, говорит, там охота — жуть!

— Слушай, он что, твой брат, насос? — подозрительно говорит Митька. — Чего это ему всё время пить охота?

— И мне охота, — говорит Вика и чуть не плачет.

— Так пойдёшь к фонтанчику и попей! Во чудачка!

— Да-а! Попе-ей! А если он облива-ается, — говорит Вика и капает продолговатыми слезами.

Этого Митька, конечно, стерпеть не мог. Человек из твоей звёздочки погибает от жажды, как в пустыне Каракумы, погибает рядом с фонтанчиком для питья! Слыханное ли дело?

Ноздри у Митьки воинственно раздулись.

— А ну пошли, — говорит. — Кто обливается?!

— Севка из третьего «б». Ни на кого не обливается, а как меня увидит, так и сразу!

— Пусть только посмеет! — говорит Митька. — Не знаю даже, что я с ним сделаю! Идём, не бойся.

Дальше всё произошло так быстро, что Митька ничего и запомнить не успел.

Веером летела вода. Кричал Севка из третьего «б». А потом появилось разгневанное лицо учителя физкультуры Германа Петровича.

— Значит, хулиганишь, Огородников? — зловеще спросил Герман Петрович. — Значит, баню тут устроил? Душ? Ну, будет тебе сейчас самому баня! Ох и будет тебе головомойка!

И повёл Митьку к директору. И что потом было, что было!..

Даже говорить не хочется.

Наказание

Мама вернулась из школы мрачнее тучи. С Митькой и разговаривать не пожелала. Митька забился в угол дивана и сделал вид, будто читает книжку. А сам и не думал читать, не до этого ему было. Митьку мучили угрызения совести.

Он то и дело поглядывал из-за книжки на маму и тяжело вздыхал.

— Конечно, — говорит мама, — теперь некоторые будут пыхтеть, как испорченный паровоз. Некоторые хулиганы, про которых вся школа знает, какие они есть.

— Да я ведь нечаянно, — говорит Митька. — Я же одного только Севку окатить хотел. Чтобы он к Вике не приставал. А струя вывернулась и...

Но мама делала вид, что не слышит Митьки. Такой у неё был вид, будто Митьки вообще в комнате нет, будто он пустое место.

— Да-а, некоторые нашкодят, а потом, чтобы выкрутиться, начинают на своих товарищей наговаривать. Не знала я, что некоторые не только хулиганы, а ещё и ябеды.

— Я не ябеда, — кричит Митька, — я правду говорю!

— Да-а, жидковаты некоторые на расправу, — продолжает своё мама, — небось шкодливы как кошки, а трусливы как зайцы!

— Я не трусливый! — кричит Митька, и в носу его делается вдруг горячо и щекотно, а перед глазами всё дрожит и расплывается.

— Москва слезам не верит, — говорит мама неуверенным голосом.

— И пусть! И пусть! Я не собираюсь! — кричит Митька. — Я нечаянно! А Севку я правильно окатил! Мало ещё!

— Правильно? — зловещим голосом спрашивает мама.
— Да! Правильно! Он Вике пить не давал! А ей очень хотелось! Будто она в пустыне Каракумы!

— Ну что ж, — говорит мама, — нераскаившиеся преступники будут иметь дело с папой!

Вот такая вышла история.

Папа на этот раз не смеялся. И никаких разговоров говорить не стал. Он просто взял и отменил поход в цирк.

А всё из-за Севки, с загнутыми вперёд ушами.

Пение

Больше всех остальных уроков Митька любил пение. И вот как раз на этих уроках ему больше всего не везло. Это было до того обидно и непонятно, что и сказать нельзя.

Вот взять Алёшку Реброва, командира Митькиной звёздочки и лучшего Митькиного друга. Тот терпеть не мог пение, и петь не любил, и не умел, а у него за первую четверть пятёрка.

У Алёшки пятёрка, а у Митьки трояк. Никакой справедливости!

Митька с детства любил музыку. Особенно когда хором поют. И не какие-нибудь там «В лесу родилась ёлочка», а настоящие: «Орлёнок», например, или эту, где «сотня юных бойцов из будённовских войск на разведку в поля поскакала», — у Митьки всегда от этой песни мурашки по спине бегают. Да мало ли хороших песен!

Одна только беда, когда Митька начинает петь, все затыкают уши.

Митька так старается, поёт с таким чувством, всю душу вкладывает, и самому ему так нравится собственная песня, так нравится, а вокруг уши затыкают!

— Ох и здоровенный же он, наверное, был, — говорит папа.

— Кто? — спрашивает Митька.

— Медведь. Или даже слон.

— Знаю, знаю, — говорит Митька, — тот, кто мне на ухо наступил. Слышали уже. Не больно-то остроумно. Не нравится, не слушай.

Митька делает вид, что ему вовсе не обидно, даже улыбается, но на самом деле здорово ему обидно.

Но вообще-то Митька понимал своих слушателей, потому что, если он слышал, как другой кто-нибудь фальшивит, его просто передёргивало.

Вот какое странное дело — слышит человек всё абсолютно правильно, а как сам запоёт, народ разбегается.

Мама часто покупала Митьке пластинки, и он множество песен знал наизусть. Да что там песен — он чуть ли не целые оперы помнил.

Однажды мама купила две долгоиграющие пластинки с записью оперы «Князь Игорь».

Это было в четверг. А в пятницу вечером папа встал, пошатываясь, с кресла, обмотал голову полотенцем, как чалмой, будто он индус, и сказал больным голосом:

— Восемнадцать раз! Нет, девятнадцать! За два вечера девятнадцать раз прослушать арию Кончака! Это может убить лошадь. Владимирского тяжеловоза — наповал!

— Да ты послушай, — говорит Митька, — вот это место. Это князь Игорь поёт, вот это: «...смерть красна, мне не страшна она-а-а!» И ещё это...

— Нет!!! — закричал папа и затопал ногами. — Нет!!! К бабушке!!! На Петроградскую!!!

— Не кричи, пожалуйста, — говорит мама, — мы не в лесу.

— Да! Мы не в лесу! К великому сожалению! — говорит папа. — Мы всего лишь на репетиции в театре оперы и балета! Я с ума сойду!

— А мальчику нравится опера! — говорит мама.

— И бабушке! И бабушке тоже нравится! Бабушка обожает оперу, хор Пятницкого и ансамбль Моисеева! И она так давно не видела внука! Митяша, сынок, ты хочешь навестить бабушку? — спрашивает папа.

— Хочу, — мрачно говорит Митька. — Там на меня не будут топтать ногами.

— Да это я нечаянно, — говорит папа и начинает суетливо одеваться, — я сейчас... быстренько... Я тебя на такси...

Митька самую малость обиделся, но очень скоро обиду позабыл, потому что он любил ездить к бабушке. Она-то всегда с удовольствием слушала его пение, никогда не затыкала уши. Правда, петь для неё было тяжело, приходилось кричать во всё горло, потому что бабушка плохо слышала. Она никогда не затыкала уши, она просто выключала слуховой аппарат и улыбалась Митьке и кивала головой.

Утром в субботу папе стало стыдно за то, что он накричал вечером, и папа позвонил Митьке.

— Как дела? — спрашивает. — Поёшь?

— Пою, — говорит Митька.

— Что-то давно я не слышал оперу «Князь Игорь», — шутит папа, — спел бы мне, Митяй, что ли!

А Митька не понял, что с ним шутят, он обрадовался, растрогался даже.

— Ну вот! А вчера на меня топал, — говорит. — Ладно уж, я не злопамятный человек, слушай.

И спел папе оперу «Князь Игорь». По телефону. На основные арии он затратил один час сорок минут.

Мама потом рассказывала, что к концу оперы папа был голубоватого цвета и весь дрожал.

Но трубку не бросал, потому что после каждой арии Митька спрашивал:

— Ну как? Здорово?

— О-о-о! — отвечал папа.

И вот, можете себе представить, по пению у Митьки был трояк в первой четверти.

А как Митька старался! Громче всех в классе пел.

Если бы он не закрывал от наслаждения и старательности глаза, то, несомненно, заметил бы, что Варвара Савельевна, учительница музыки, всякий раз, поглядев на Митьку, кривится, будто у неё болит коренной зуб.

Митька очень удивился, когда однажды, прервав урок и песню, Варвара Савельевна задумчиво спросила:

— Скажи мне, Огородников, тебе никогда не доводилось слышать рёв сирены океанского буксира?

— Нет, Варвара Савельевна, — честно отвечает Митька, — не доводилось.

— А сирену пожарной машины ты слышал? — спрашивает.

— Да, — обрадованно кричит Митька. — Сирену раз пять слышал. Ох и здорово вопит!

— Нравится? — спрашивает Варвара Савельевна.

— Ещё бы! — говорит Митька.

— Понятно, — говорит Варвара Савельевна.

И заката Митьке трояк в четверти. И при этом ещё сказала:

— Исключительно за старание.

После этого Алёшка Ребров, командир звёздочки и лучший друг, отозвал расстроенного Митьку в сторонку и сказал:

— Ты хочешь идти в поход или не хочешь идти?

— Ясно, хочу! — говорит Митька.

— И я хочу. И все наши хотят. А ты своим трояком по пеню отбрасываешь всю звёздочку назад. Какие же у нас итоги будут, если мы даже по пеню трояки получать станем? Ну, я понимаю по русскому ещё или по математике!

— Что же я могу сделать? — говорит Митька. — Я же изо всех сил старался!

— Нет, — говорит Лёшка. — Если бы ты изо всех сил старался, она б тебе двойку вlepила!

— А сам-то. Молчал бы уж!

— В том-то и дело, — говорит Лёшка. — В этом весь секрет моего успеха.

— Какой такой секрет? — удивляется Митька.

— А такой! Все поют, а я не пою. Я только рот раскрываю. Понял? Представляешь, что было бы, если б мы с тобой вдвоём запели? Это страшно представить!

— Что же мне делать? — спрашивает Митька.

— Чудак человек! Я ж тебе говорю — пой молча! Только рот раскрывать не забывай.

Теперь уроки пения для Митьки стали настоящей мукой. Оказалось, что это ужасно трудно — петь молча. Все по-настоящему поют, а ты только рот разевай! Лёшка сказал, что для этого нужна почти нечеловеческая выдержка, и оказался прав.

Только ради того, чтобы в звёздочке были хорошие итоги, Митька терпел эту пытку. В конце второй четверти Варвара Савельевна сказала:

— Вот, дети, перед вами наглядный пример: Дмитрий Огородников. Человек взял себя в руки, постарался — и результаты налицо. Ставлю ему четвёрку.

Писательская горячка

Митьку выбрали редактором стенгазеты. И жизнь его чудесно преобразилась. Газета называлась «Октябрёнок». Название прекрасное, но во всех вторых классах газеты тоже так назывались, и Митька из-за этого переживал. Но сделать ничего не мог: название было написано на фанерном листе настоящим художником, а пониже были деревянные рамочки, куда вставлялись заметки.

Митька назначил своим заместителем и главным художником Лёшку Реброва, и работа закипела. Пожалуй, это была единственная стенная газета в школе, которая выходила каждый день и состояла исключительно из одних фельетонов. Только одна рубрика под названием «Короткая шутка» оставалась неизменной, потому что Митька сумел выдумать только одну шутку и она ему так нравилась, что ничьих других шуток он принимать не желал.

Шутка была такая:

«Мальчик спросил у папы:

— Знаешь, для чего над витринами магазинов висят полосатые тряпки?

— Не тряпки, а маркизы, — сказал папа.

— Ну, маркизы. Знаешь, для чего они висят?

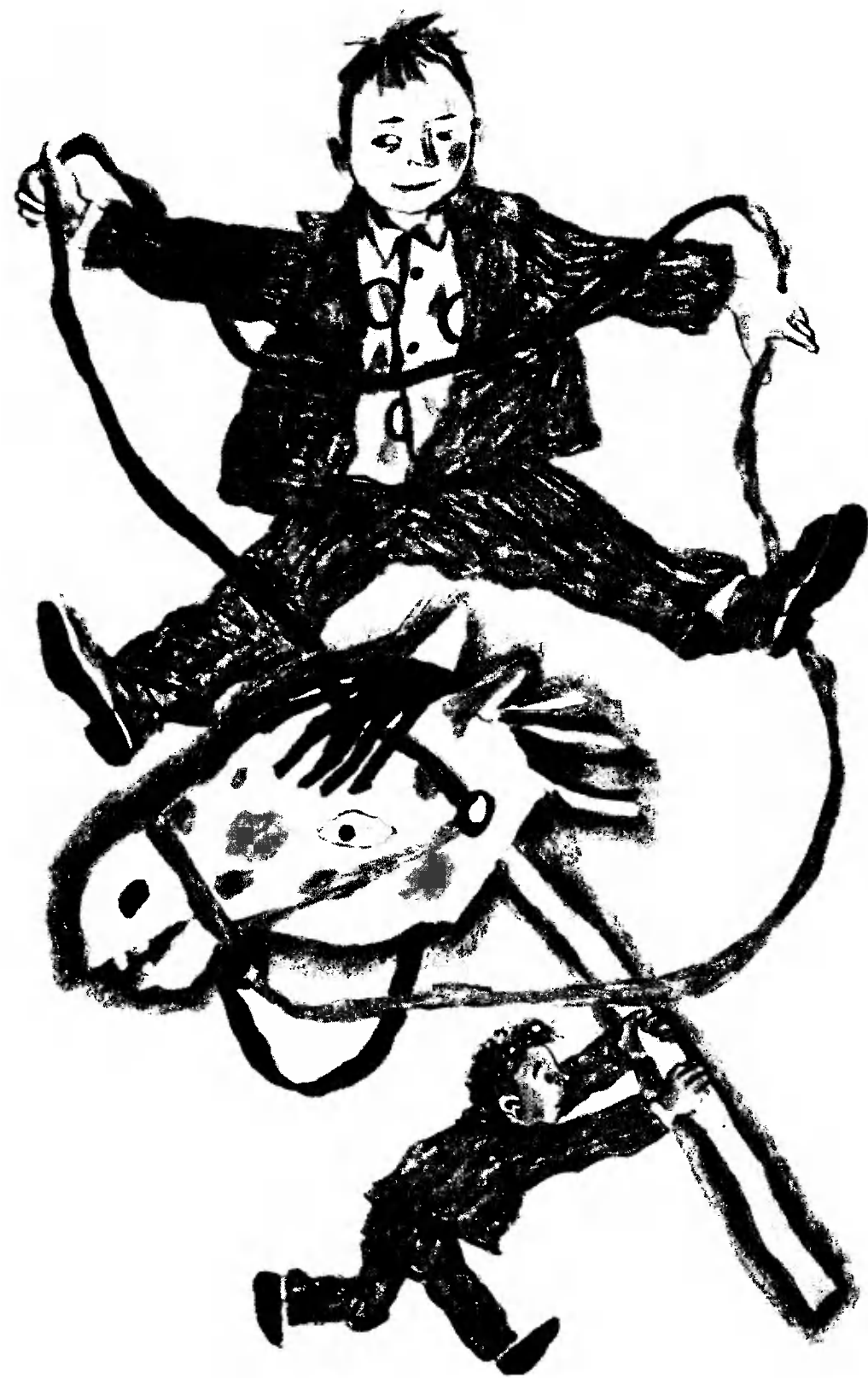
— Не знаю, — сказал папа.

— Чтобы стёкла не разбивались от солнечного удара, — сказал мальчик».

Митьке эта шутка нравилась потому, что разговор такой был на самом деле. Про солнечный удар Митька выдумал ещё в детском саду, а разговор этот был с папой. Причём тогда Митька и не думал шутить, он говорил всерьёз. Это теперь ему смешно, а тогда смеялся один папа.

А Лисогонов, про которого был написан фельетон под названием «Лихой наездник», где рассказывалось, как Лисогонов оседлал несчастного первоклашку и заставил себя возить, кричал:

— Погоди, погоди! Я на тебя тоже напишу! И шутка твоя дурацкая! У меня таких шуток есть сто штук!

— Вот видите, ребята, какая действенная вещь стенная газета. Печать вообще могучая сила, — говорит Таисия Петровна. — Я уверена, что теперь Гоша не будет обижать первоклассников.

— Погодите, погодите! Я про него тоже напишу! Как его к директору водили! Ага! Его водили, а меня не водили, — кричит Лисогонов, а сам чуть не плачет.

— Пускай пишет, — шепчет Митьке Лёшка Ребров, — мы его так отредактируем, что больше не захочет писать. Мама жаловалась папе:

— Просто кошмар какой-то! Он не даёт мне работать на моей собственной машинке! Целыми днями стучит, как дятел. Он заболел. Это называется писательский зуд.

— А это очень опасно? — серьёзно спрашивает папа.

— Чрезвычайно! — говорит мама. — Иногда человек не может излечиться всю жизнь.

— Так и стучит всю жизнь?

— Так и стучит! Всю свою сознательную жизнь! — отвечает мама.

— Но есть же, наверное, какое-нибудь лекарство от этой болезни? — спрашивает папа.

— Увы, увы! — говорит мама. — Только здоровый организм может победить эту напасть!

— Какое горе! Какое несчастье! — восклицает папа.

— Ладно, ладно, — говорит Митька, — смейтесь, смейтесь! Печать — это могучая сила! Вот заведу дома стенную газету да пропечатаю вас, тогда узнаете!

— Не губи! — кричит папа.

— А что ты сейчас пишешь? — спрашивает мама. — Над чем работаешь?

— Над циклом стихов работаю.

— О! Это интересно! — говорит мама. — Ты уже на стихи перешёл!

— А большой цикл? — спрашивает папа.

— Пока готово три стиха, но будет больше, — говорит Митька. — Прочитать?

— Конечно! — говорит мама и смотрит на папу.

— А может быть, не надо? — сомневается он.

— Тогда, может быть, мне лучше спеть что-нибудь из «Князя Игоря»? — коварно спрашивает Митька и видит, что папа вздрагивает.

— Нет, нет! Читай скорее свои стихи! — просит папа.

И Митька прочитал им свой первый поэтический цикл. Стихи были такие.

Стихотворение № 1.

Жил да был один непалец.
И жена его — непалка.
Он был маленький, как палец,
А она худа, как палка.

Стихотворение № 2.

Жил да был один китаец.
И жена его — китайка.
Он косой был, будто заяц,
А она была лентяйка.

Стихотворение № 3.

Жил да был один индеец.
И жена его — индейка.
Он был страшный проходимец,
А она копила деньги.

— Слушай, гениальные совершенно стихи, — говорит папа, — как это у тебя: «Жил да был один кореец и жена его — корейка...» Здорово!

— Нету у меня про корейца! — возмущается Митька. — Как же ты слушал?!

— Правда нету? Значит, мне показалось. Ты ихпусти под четвёртым номером.

— Теперь не могу.

— Почему это?

— Потому что это будет плагиат, воровство, значит. Только не простое, а поэтическое, — говорит Митька.

— Ты слышишь, мать? — говорит папа. — Это не ребёнок, а какой-то вундеркинд. Какие слова знает — «плагиат»! Что же дальше будет?!

— Страшно подумать! — говорит мама. — В таком возрасте, а уже и главный редактор, и фельетонист, а теперь и поэт!

— Опять смеётесь? — подозрительно спрашивает Митька.

— Что ты, Тяша! Ты очень смешные стихи написал, — говорит мама. — Только не обидятся ли на тебя индейцы?

— Так я же не про всех! И вообще это просто для рифмы.

— Хорошенькое дело! — говорит папа. — Значит, если тебе придёт в голову зарифмовать меня с крокодилом, рука у тебя не дрогнет? Смотри, как здорово: Михаил — крокодил.

— Нет. С крокодилом дрогнет. С крокодилом я тебя не буду.

— Ну, спасибо и на этом, — говорит папа. — Теперь я спокоен.

Оказалось, что писательский зуд вылечить всё-таки можно.

Мамина машинка сломалась. У неё отвалилась буква «о».

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь придётся писать с московским акцентом — через «а».

Но Митька через «а» писать не захотел. А раз печатать стало нельзя, писательский зуд у него кончился, потому что какой же интерес писать ручкой. Это получается всё равно что уроки делать.

А тут ещё Митьку из редакторов уволили. Переизбрали.

Потому что он никого не хотел печатать в стенной газете, у него и для своих-то фельетонов места не хватало.

Все возмутились и переизбрали.

Редактором назначили Саньку Филиппова.

Он стал всех печатать.

И теперь стенная газета во втором «а» стала выходить нормально, как и в других классах, — раз в месяц, а иногда и в два.

Разоблачение

Очень важным показателем в соревнованиях звёздочек был макулатурный показатель.

Это значит — кто больше принесёт бумаги.

За первое место целых десять очков полагалось.

Но на первое место «Светлячки» не рассчитывали.

Первое место прочно занимали «Помогаи». Потому что у «Помогаев» была Танюшка Савельева, а у Танюшки Савельевой папа работал в типографии.

Как только объявят сбор макулатуры, так «Помогаи» всей звёздочкой топают в типографию, берут целую кучу бракованной бумаги, и готово дело — первое место обеспечено.

А у «Светлячков» никаких ресурсов.

У Митьки, Лёшки Реброва, Нины Королёвой, Вики Дробот — только газеты да журналы. А много ли их за месяц накопится дома?! Да ещё и не всякий журнал родители отдадут.

Правда, выручал Мишка Хитров. У него мама продавцом работала в «Гастрономе», он у неё обёрточную бумагу и картонные ящики ненужные выпрашивал.

А так — хоть пропадай.

Однажды ужасный скандал произошёл. Викин папа перерыл огромную кучу бумаги — вся школа собирала, — чтобы найти две какие-то книжки.

Вика их сдала. Она выбрала дома самые старые, самые, по её мнению, ненужные книжки.

Когда её папа узнал про это, он чуть в обморок не упал. Хорошо ещё, что макулатуру не успели увезти со двора. Что было!

Викин папа набросился на гору бумаги и перевероршил её сверху донизу с фантастической быстротой.

Вика плакала. А он кричал:

— Варвары! Дикари! «Житие протопопа Аввакума» — в макулатуру! Первое издание «Сирано де Бержерака» на свалку! Варварка! Дикарка! погоди, придём домой, я тебе покажу! Я тебе привью уважение к книге!

Митька, и Лёшка, и Нина, и Миша — все помогали искать. Одна Вика не помогала, она была занята — плакала горючими слезами.

Викин папа нашёл свои книжки и ещё кучу других, как он говорил, чрезвычайно редких и ценных.

Он схватил все эти книжки в охапку и побежал к директору школы, даже про Вику забыл.

Вот что значит сбор макулатуры. Не шуточки.

Митьку и его друзей одно утешало, что на последнем месте были не они, а «Добрые хозяйюшки» во главе с главным врагом Лисогоновым. Уж так он орал, так не хотел быть «Доброй хозяйюшкой»! Он там один мальчишка, остальные девочки. Пришлось Таисии Петровне вмешаться. И то утихомирился он только тогда, когда его командиром назначили.

И вот «Добрые хозяйюшки» эти — на последнем месте по сбору макулатуры.

Лисогонову это до смерти обидно. Его звёздочка на первом месте по успеваемости, там, как нарочно, все самые закоренелые отличники собрались, а макулатура все показывает портит.

И вдруг — трах-тара-рах! Как гром среди ясного неба: «Добрые хозяйюшки» на втором месте, а «Светлячки» — на последнем. Нинка Королёва чуть не расплакалась. Она в этот раз целых восемь килограммов принесла, больше всех в звёздочке.

— Эх вы, — говорит, — а ещё мальчишки! Нам с Викой за вас стыдно.

— Мы за вас краснеем, — говорит Вика.

— Ха-ха! — кричит Лисогонов. — Теперь всегда так будет! Петушиное слово знаю! Пора на первое место перебираться.

— Слыхали? — спрашивает Митька. — Слово какое-то знает.

— Петушиное, — говорит Вика.

— Тут что-то не так. Что-то мне подозрительно это дело, — говорит Мишка Хитров.

А командир Лёшка Ребров ничего не сказал. Он только зубы сцепил крепче и желваки на скулах стал перекачивать.

И вот снова объявили сбор макулатуры. Митька весь дом обегал, но почти в каждой квартире жили мальчишки или девчонки, которым бумага нужна была самим.

И всё-таки худо-бедно, а семь килограммов он собрал.

А Мишка Хитров добыл целых двенадцать.

В общем, «Светлячки» превзошли самих себя.

Лёшка потирал руки и говорил:

— Эх, поглядим-посмотрим, какое у этой «Доброй хозяйюшки» Лисогонова лицо станет.

— Оно у него вытянется, — говорит Мишка.

— И позеленеет, — говорит Нина.

— Оно у него станет, как огурец, — говорит Вика.

— Скорее бы наступало завтра! — говорит Митька.

И вот завтра наступило.

Как обычно, дежурные старшеклассники взвешивали бумажные тучки, как обычно, к ним тянулась очередь, а родители норовили сдать без очереди — они спешили на работу.

Как всегда, выдавали талончики с цифрами, которые показывали, сколько ты сдал бумаги.

Когда «Светлячки» сложили свои талончики вместе, получилось у них аж сорок два килограмма. До звонка было ещё целых полчаса, и Митька с друзьями стали ждать Лисогонова.

— Послушаем, что у него за такое петушиное слово, — говорит Митька.

— Ой, мальчики, а вдруг правда? — пугается Нина.

— Ещё чего! Никаких таких слов не бывает, — говорит Мишка.

— А жалко, — говорит Вика.

— Внимание! — кричит Лёшка. — На горизонте появились «Хозяюшки»!

Лисогонов шёл во главе своих отличниц, и уже издали было видно, что бумаги у них немного.

Но дальше произошло удивительное дело, которое положило несмываемое пятно позора на голову Лисогонова и отбросило «Добрых хозяйшек» на самое последнее место в соревновании.

Лисогонов не пошёл сразу сдавать свою макулатуру.

Он сделал тайный знак остальным «Хозяюшкам» и пошёл их под арку и дальше в соседний двор.

— Куда это они направились? — удивлённо спрашивает Лёшка.

— Не знаю, — растерянно отвечает Мишка, — может, у них там тайный склад?

— Ох как интересно! — говорит Вика.

— Не вижу ничего интересного, — говорит Митька. — Пошли, посмотрим, что это они там делают.

— Только осторожно! — говорит Лёшка. — Как охотники.

— Или как разведчики, — говорит Нина.

«Светлячки» осторожно, на цыпочках пробрались в соседний двор и увидели там такую картину, что не поверили своим глазам.

Они смотрели, и справедливый гнев постепенно переполнял их сердца и души.

Потому что Лисогонов делал вот что.

Он развязывал тючки с макулатурой, брал кирпич, целая куча которых валялась рядом с ним, оборачивал его газетой, засовывал в середину пакета и вновь обвязывал пакет верёвкой.

Но мало этого!

После того как кирпичи были уложены, Лисогонов стал по очереди макать тючки в лужу!

— Ай да молодец! — говорит на весь двор Вика.

— Вот так умница! — кричит Нина.

Лисогонов от неожиданности вздрогнул и уронил пакет с кирпичом себе на ногу. Он завопил и хотел, прихрамывая, убежать, но ничего не вышло: Митька с Лёшкой вцепились в него намертво.

— Значит, вот какое у тебя петушиное слово, — говорит Митька, — ты просто нечестный человек, Лисогонов. Первый раз в жизни такого нечестного человека вижу.

— Давайте надаём ему по шее как следует, — предлагает Мишка.

— Трое на одного, да?! Трое на одного?! — вопит Лисогонов и вырывается, а все остальные «Хозяюшки» плачут от стыда, а может быть, от предстоящего позора.

— Нет, Мишка! Мы не будем лупить этого нечестного человека по шее! — говорит командир Лёшка Ребров. — Слишком это для него лёгкое наказание. Эка невидаль — по шее! Мы его накажем презрением! Иди, Гошенька, сдавай свою нечестную макулатуру, иди.

— Ну уж фига с два! — кричит Мишка Хитров. — А ну-ка вынимай свои кирпичи и выбрасывай мокрую бумагу!

— Правильно! — кричит Вика. — А ещё лучше — накажем его и презрением и по шее!

В тот же день в стенной газете появился грозный фельетон Д. Огородникова под названием «Чёрные дела „Добрых хозяйшек“».

Справедливость восторжествовала.

А «Хозяюшки» взбунтовались и прогнали Лисогонова из командиров.

Английский язык

Школа, в которой учится Митька, английская. То есть вообще-то она школа как школа, только английский язык начинают преподавать со второго класса, а в старших классах некоторые предметы учителя тоже объясняют на этом языке.

Митьке-то было просто — мама с ним ещё до школы занималась. Вернее даже, не занималась, а просто иногда разговаривала по-английски, а он запоминал. Это было как игра — весело и нетрудно.

А вот Лёшке Реброву английский никак не давался, да он ещё и не больно-то старался, не любил он этот предмет, и всё тут.

И потому Митьке поручили ему помогать.

— Смотри, — говорит Митька, — видишь, это «ручка», которой мы пишем. По-английски — э пэн.

— Понятно, — говорит Лёшка, — э пень.

— Какой ещё «пень»! Э пэн, а не «пень»! Неужели трудно?

— Чего уж тут трудного, — говорит Лёшка, — просто у меня воображение страшно сильно развитое. Знаю, что «ручка», а перед глазами поляна в лесу, а на ней здоровенный пень и вокруг него опять и муравьи по нему ползают. Язык сам и выговаривает про пень.

— Здорово, — говорит Митька с уважением, — у тебя воображение развито. Я так не могу. Я только тогда пень вижу, когда говорю «пень», а когда «э пэн», — ручку.

— Ничего, ты не расстраивайся, ты его развивай.

— Воображение?

— Ага! Ты воображай побольше, — советует Лёшка. — Человеческим возможностям практически нету никаких пределов.

— Ну да, скажешь! Попробуй вот подними этот шкаф. Есть у тебя такая возможность?

— Нету, — спокойно говорит Лёшка. — Но если я всю жизнь стану поднимать шкафы, то будет.

Митька вдруг захохотал.

— Ты чего хохочешь? — обижается Лёшка.

— Да я представил, как ты всю жизнь только и делаешь, что шкафы поднимаешь. Поешь — и за шкаф, поспишь — и снова за него.

— Чудак, — говорит Лёшка, — это ж я только для примера про шкаф. Человек что угодно может сделать, если крепко захочет. Так мой батя говорит.

— Это хорошо бы! — Митька на минуту задумывается, потом спохватывается. — Ну ладно, давай дальше, а то мы ничего не успели.

— Давай, — нехотя говорит Лёшка, и на лице его появляется такое скорбное выражение: давай, чего уж там! Начнём.

— Читай здесь, — говорит Митька и тычет пальцем в строчку.

— Здесь? Это просто: ТХЕ ТАБЛЕ!

— Что, что-о-о?! — Митька изумлённо вытаращивается. — ТХЕ ТАБЛЕ?! А здесь что написано?

— Здесь? Погоди-ка... Здесь: ВЕРУ, ВЕРУ МУХ!

— Ну знаешь! — взрывается Митька. — Ты что это, смеёшься надо мной?! Веру, веру мух! Это надо же! Вэри, вэри мач! Очень, очень хорошо — по-английски. И не тхе табле, а зе тэйбл! Стол, значит. Как тебе, Лёшка, не стыдно? Ты же ничегошеньки не учил! Будет тебе наверняка пара.

— Подумаешь! Когда мы вырастем, никаких языков не надо будет знать.

— Почему это? — удивляется Митька.

— А потому! У каждого человека будет такой крохотный коробочек. Электронный. Ты мне говоришь хоть по-турецки, а я коробочек к уху, а он мне по-русски всё, что ты сказал. Я про это в одной книжке читал. Коробочек этот называется: электронный переводчик.

— Не знаю, что там будет, когда мы вырастем, — кричит Митька, — а в поход мы из-за тебя не пойдём! Ещё называется командир! У балбеса Лисогонова и то четвёрка! А у нас из-за тебя никаких итогов не получится!

— Ах так!! — кричит Лёшка. — Из-за меня!!! Это мы ещё посмотрим! Человеческим возможностям практически никаких пределов нету! — кричит. — Я этот твой дурацкий английский — во! Пух от него полетит! Сам! И никакой мне помощи не надо!

В общем, в тот день чуть-чуть не поссорились закадычные друзья.

Ужасно Лёшка расстроился.

И Митька рассердился.

Но потом они остыли и перестали сердиться.

А на английский Лёшка налёг с таким остервенением, что трудный этот предмет поколебался немножко и сдался перед Лёшкой Ребровым. Лишнее доказательство, что человек чего угодно может добиться, если крепко пожелает.

День рождения

Странно всё-таки получается...

В первом классе Митька и не думал дружить с Мишкой Хитровым, с Ниной Королёвой и тем более с Викой Дробот.

Он только с Лёшкой Ребровым сразу подружился, потому что на Лёшку как поглядишь, так сразу понятно: парень он замечательный. Молчаливый такой, суровый и верный человек. Лёшка маленького роста, но упругий и плотный, как теннисный мячик. И что-то есть в нём такое, из-за чего любой самый отпетый драчун и задира десять раз задумывается, прежде чем пристать.

Может быть, это из-за Лёшкиных глаз: они у него серые, очень спокойные, даже какие-то холодноватые. Особенно когда Лёшка сердится.

Вот Митька вечно в разные истории попадает. То нос ему поцарапают, то шишку набьют, он бы и рад иной раз не ввязываться, но это никак невозможно.

А рядом с Лёшкой целый клубок тел может кататься на перемене, целая куча мала, а ему хоть бы что, будто его это и не касается.

Лёшка никого не боится.

Митька тоже не боится, но ему приходится это доказывать, а Лёшке не приходится, все и так верят. Большая разница.

Мишка Хитров — тот иногда просто бешеным бывает. Если его обижают, да если ещё ни за что ни про что, тогда держись!

Он будет до тех пор бросаться на обидчика, пока тот не убежит, — одно от Мишки спасение.

Нина Королёва девчонка спокойная, не стрекотуха, не визгуха, но всё время кажется, будто она не рядом с вами, а где-то далеко-далеко. Чему-то улыбается сама себе, о чём-то мечтает.

Спросишь её о чём-нибудь, она не сразу расслышит, рассеянно переспросит, будто возвращаясь издалека.

Митьку это очень сперва раздражало.

А Вика — та совсем другая. Она похожа на шуструю белку — прыгает всё время, бегают, во всё вмешивается, всё знает. Ей и с мальчишкой подраться — пара пустяков.

Когда её Митька дёрнул однажды за косичку, она не задумываясь так его портфелем по голове стукнула, что в ушах звенело.

Одно только плохо — поплакать любит. И что удивительно, плачет обычно безо всякой причины, просто так. Когда причина есть, когда её кто-нибудь обидит, тогда не плачет, а просто так — плачет.

Вот какие разные люди собрались во второй звёздочке «Светлячков». И неизвестно ещё, как бы пошли дела в звёздочке, как скоро сдружились бы все эти разные люди, если бы не одно происшествие. Дело было вот как.

В ноябре Вике исполнилось девять лет, и она пригласила всю свою звёздочку на день рождения.

Кроме них в гости пришли две девочки, с которыми Вика ещё в детском саду дружила, и мальчишка из соседней квартиры.

Такой прилизанный воображала.

А уж хвостун — слушать тошно. Он и на скрипке играет, и в бассейне занимается, и гантели по утрам поднимает, и отличник он, и то и сё.

Говорит Вика:

— Я, — говорит, — удивительной силы и отваги человек. Я иногда сам себе поражаюсь. Я, — говорит, — с моими качествами, наверное, стану охотником на диких зверей в дебрях Африки. На львов, наверное.

— На мышей и лягушек, — говорит ему Мишка Хитров.

— Фи, как глупо! — говорит мальчишка. — Я с грубиянами, тем более с рыжими, не разговариваю.

— Что ты сказал, — кричит Мишка, — а ну-ка повтори?!

И рыжие его глаза загораются рыжим огнём.

— Не надо, мальчики! — говорит Вика. — У меня день рождения, а вы...

— Пусть скажет спасибо твоему дню рождения, — говорит Мишка, — я б ему сейчас показал рыжего грубияна.

— И вам не страшно? — удивляется мальчишка. — Вы меня не боитесь?

— Ещё чего! — говорит Мишка.

— Странно, — пожимает мальчишка плечами, — очень, очень странно! Я ведь и с гантелями, и в бассейне...

И он отошёл в сторонку. Сел, задумался и только иногда головой качает — удивляется.

Вика живёт с папой. Мама её уже год в заграничной командировке.

А папа — театральный художник, высоченный такой, в круглых очках и очень весёлый. Только это потом уже понимаешь, что он весёлый, а сперва кажется жутко сердитым. У них странная квартира, двухэтажная. На второй этаж ведёт винтовая лестница, там у Викиного папы мастерская, там он рисует.

И вот только все ребята собрались, показывается на этой лестнице Викин папа да как закричит басом.

— Ага! — кричит. — Собралась орда татаро-монгольская! — Протягивает руку и откуда-то достаёт диковинное ружьё — с таким раструбом-воронкой на конце, как на старинных картинках. — Вот я вас сейчас из мушкета! — кричит. — Кто из вас «Три мушкетёра» читал?

Оказалось, один Лёшка читал.

— Эх вы, варвары, — говорит Викин папа. — Да я в ваши годы наизусть знал эту великую книгу! Или нет... не в ваши... чуть позже. Ну да ладно, чего скуksились? Вот вам, держите мушкет, развлекайтесь.

Потом он спустился вниз, и стало очень весело.

А вначале было, как всегда на днях рождения бывает, — все стеснялись, мялись, не знали, что делать.

Викин папа взял здоровенный лист фанеры и мгновенно нарисовал всех присутствующих. Да так смешно и похоже, что просто удивительно.

А Викин папа уже борьбу затеял. Прямо на полу, на толстом пушистом ковре.

Эх, куча мала!

Хохот, визг! Викин папа ворочался, как медведь, под мальчишками и девчонками и рычал страшным рыком.

Никого из родителей больше не было — полная свобода!

А когда передохнули — начался пир.

Пили лимонад и квас из старинных глиняных и оловянных кружек и закусывали пирожками с капустой. Все надели разные диковинные шляпы с перьями, Лёшка натянул громадные сапоги с отворотами, которые были почти с него ростом.

Всё было хорошо, пока Мишка Хитров не полез разглядывать старинный пистолет, висевший на стенке. Он стал ногами на батарее парового отопления, ухватился рукой за трубу-стояк и потянулся к этому длинноствольному пистолету.

Видно, батарея эта держалась очень непрочно, видно, у неё резьба, которой она к стояку укреплялась, совсем проржавела, потому что неожиданно она хрустнула, Мишка заорал благим матом, зашипела струя горячей воды, и вся комната окуталась паром.

Тонкая струя хлестала под напором и упиралась в стеллаж с книгами.

После того как Мишка заорал, прошло несколько секунд. Все растерялись и молча таращились на это безобразие.

Вдруг Викин папа вскрикнул, замахал руками и бросился к стеллажу.

— Книги, — кричит, — книги!

Он закрыл собою книги, и теперь струя упиралась ему в живот.

— Горячо, — кричит Викин папа, — уф, горячо! Варварство! А ещё двадцатый век! Горячо!

Мальчишки и девчонки перепугались, заметались совершенно бессмысленно.

А Викин папа пританцовывает на месте и кричит.

— Не слабо! — кричит. — Уф, горячо!

Первым пришёл в себя Лёшка Ребров.

Он вдруг схватил большую ковровую подушку, пригнулся и бросился с подушкой на струю.

Как на амбразуру дота, на пулёмётную очередь.

Он прижал подушку к трубе, навалился на неё, и струя исчезла — вода просто стала литься на пол.

Лёшка сразу стал мокрый и закричал:

— Уф, горячо! Вёдра тащите, — кричит, — тазы, кастрюли. Всё сюда тащите, а то будет потоп.

А пол уже здорово залило водой. Девчонки принесли из ванной два эмалированных таза, и они очень быстро наполнились.

Мишка Хитров и мальчишка-сосед их выносили и выливали прямо в ванну.

Митька схватил вторую подушку и тоже прижал рядом с Лёшкиной.

А девчонки стали гонять воду по полу тряпками.

Викин папа судорожно крутил диск телефона, громко кричал про всемирный потоп и вызывал аварийную команду.

Все были мокрующие с ног до головы, но никакой паники не наблюдалось.

Наоборот!

Все были очень серьёзные, сосредоточенные и отважные люди.

— Тряпки нужно выжимать в ведро, — кричит Мишка, — иначе вниз на соседей потечёт!

— Ведро нету! — кричит Вика.

— У нас есть! — кричит мальчишка. — Я сейчас! Мигом приволоку!

И вовсе он уже не прилизанный, а нормальный. Совершенно свой, хороший парень.

Он побежал за ведром, а потом была очень неприятная сцена. Даже писать не хочется.

Мальчишка через минуту вернулся с ведром, но за ним гналась его мама.

Она была очень большая, очень сердитая и очень атласная. В том смысле, что на ней был атласный халат, расписанный огромными розами.

— Безобразие! — кричала мама. — Ребёнок весь мокрый! Что здесь творится?! Что происходит?!

— Вы не волнуйтесь. У нас потоп! — говорит Викин папа. — Труба лопнула! Пустяковое дело!

— Немедленно домой! — кричит мама. — Николенька, ты слышишь? Или ты хочешь заболеть пневмонией, а может, и чем похуже!

— Никуда не пойду! — кричит Николенька. — Я здесь нужен! Я помогать должен!

— Нет, пойдёшь!

— Ни за что!

— Ах так! — кричит мама. — Посмотрим! И это называется днём рождения! Обливать детей! Это хулиганство!

Она схватила Николеньку за руку и поволокла к двери. Он упирался изо всех сил, но куда там! Такая здоровенная женщина! Ей бы в цирке работать с тяжестями. Она легко тащила сына и вдруг...

Вдруг он заплакал.

На секунду мама заколебалась, но потом потащила его ещё энергичнее.

— Ничего, ничего, — говорит, — успокойся! Хулиганство! До слёз довели ребёнка!

Хлопнула дверь, и всем стало так неловко, так стало плохо, до того жалко Николеньку, Кольку, хоть реви.

И тут Вика как заплачет.

— Зачем? Ну зачем она так! Он же живой! Живой человек! Живой же, — твердит, — а она его, как тряпчного.

И папа Викин растерялся, лицо у него сделалось несчастное, он голову опустил.

— Глупость какая, — бормочет, — какая-то глупость получилась, а не праздник. Проклятая труба!

Но тут он был не прав, даром что папа и взрослый совсем человек. Праздник получился что надо.

После этого дня рождения только и начали дружить по-настоящему Митька, Лёшка, Нина, Мишка и Вика — звёздочка «Светлячки». Если б только не эта история с Николенькой...

Но ребята поручили Вике в ближайшие же дни пригласить его в садик, что возле школы. Шайбу погонять, сыграть в прятки или ещё чего сделать.

Через полчаса приехали ремонтники. Отключили отопление, всё починили и уехали. А мальчишек и девчонок похвалили, что не растерялись.

А Викин папа собрал всех ребят в кучу, всем внимательно посмотрел в лица и сказал задумчиво:

— А не такие уж варвары, — говорит, — вы ничего себе орда, подходящая. Выросли-то как! Будто грибы под тёплым дождиком.

И непонятно было, говорит он про горячую воду или в переносном смысле.

Доброе дело

— Слушайте! — говорит на перемене Нина Королёва. — Никаких у нас нету добрых дел. Даже обидно. Я больше без добрых дел не могу.

— И я тоже! — говорит Вика. — Мы с Ниной больше не согласны без добрых дел!

— А где же их взять? — спрашивает Лёшка.

— Ты командир, ты и придумывай, — говорит Нина.

— Да! — говорит Вика. — Вы мальчишки, вы и соображайте.

— Соображать никому не вредно, — ворчит Мишка.

— А может быть, засчитать себе тот случай с батареей? — спрашивает Митька. — Довольно доброе дело. Спасли нижних соседей от потопа.

— Тоже мне — доброе дело, — фыркает Нина, — это просто дело, а не доброе. Мы с аварией боролись.

— Всё равно что с разъярённой стихией, — говорит Вика.

— Я вчера шляпу догнал, — неуверенно говорит Мишка, — с одного очень толстого человека шляпу ветром сорвало, и она прямо по улице — колесом. По улице Маяковского. Очень толстому человеку ни за что бы её не догнать, если б не я.

— Нет. Это не годится, — решительно говорит Нина.

— А я три дня назад помогал маме книжную полку пылесосить, — говорит Митька.

— Ты бы ещё засчитал себе позавчерашнее обувание ботинок, — усмехается Вика.

— А я брата каждый день в детский сад отвожу, — говорит Лёшка.

— И это не годится. И ещё я сама видела, как ты ему шалабанов по макушке нащёлкал, — говорит Нина.

— Так ведь за дело! — кричит Лёшка. — Он мои домашние тапочки к полу приклеил! Клеем БФ. Еле отодрал.

— Всё равно маленьких бить нельзя.

— Ну, тогда я не знаю, — говорит Лёшка. — Просто не могу своего ума приложить! Давайте все вместе думать.

— Давайте, — говорят все.

И все стали думать. И оказалось, что придумать настоящее Доброе Дело очень непростая штука.

Про прадеда

Когда надоедало играть в пятнашки, и в прятки, и шайбу гонять, и мяч, и бадминтон, ребята говорили Митьке:

— А теперь расскажи нам про деда.

Вообще-то Митьке он прадед, это Митькиному отцу он дед. Он так его и называет — дед. И очень его любит.

И Митька так называет. И тоже очень любит, потому что дед замечательный и удивительный человек. Пожалуй, ни у кого во всей школе такого деда нету.

Он живёт на берегу Чёрного моря, в красивом городе Сухуми. Это уже кое-что значит.

Но только это маленький пустяк по сравнению со всем остальным.

Дед такой огромный, сильный и весёлый — даже не верится, что он уже совсем старый человек. Ему целых семьдесят пять лет!

Представить даже трудно!

Дед умеет делать всё на свете!

Митькин папа говорит, что дед всему его научил: и плавать, и грести, и под парусом ходить, и доски строгать, и забивать гвозди, и шашлык настоящий жарить, и... даже трудно всё перечислить.

Он и Митьку многому успел научить, да только Митька редко его видит — один месяц в году.

Митькин дед музыкант.

Он играет на самой большой трубе в оркестре, называется — геликон.

Он такая громадная, что Митька, когда был маленький, в неё забирался весь целиком. Дед говорит, что и папа Митькин тоже забирался, хоть теперь в это и очень трудно поверить.

Вообще как-то трудно поверить, что взрослые тоже были маленькие, особенно если они твои родители.

А в молодости дед был матросом и побывал на всех морях и океанах, какие только есть на свете.

Сначала Митьке это удивительно было: дед, который живёт на берегу моря, купается редко, да и то только по вечерам, а потом, когда подрос и поумнел, он понял.

Дело в том, что дед от шеи и до пяток сплошь покрыт замысловатой, разноцветной татуировкой. Чего только на нём не нарисовано! Просто ходячий музей изобразительного искусства! Тут и пальмы, и обезьяны, и корабли, и кит с фонтаном, и кочегары уголь бросают, и орёл женщину несёт, и множество всякого другого.

Его так разрисовали в тёплых морях, на острове Таити.

Там живут самые знаменитые мастера по этому делу. Прямо на берегу острой морской раковины по живому телу. Бр-р-р!

Дед ужасно стесняется своей татуировки.

Стоит ему раздеться на пляже, народ так и сбегается. Поэтому он на пляж не ходит.

— Совсем я был глупый дурак, — говорит дед, — просто беспросветная темнота! И за глупость всю жизнь мучаюсь. И стыдно мне, и смешно. Да только ничего уже не поделаешь.

— Митька, а ты Расскажи, какой дед сильный, — просили ребята.

— Очень сильный, — говорил Митька.

...Когда ему было семь лет, произошёл такой случай. Митька с другими мальчишками гонял на набережной мяч. А дед в это время неподалёку, у лодочной пристани, что в устье мутной речки Бесследки, играл в домино, в «морского козла». Митька ударил по мячу и нечаянно попал в какого-то парня. Парень был высоченный, весь жутко расфуфыренный — в голубом костюме, красной рубашке и в жёлтых ботинках. Мячик его чуть-чуть задел, а парень рассвирепел, погнался за Митькой да как-ак даст ему пинка ногой. Так, что Митька полетел кувырком прямо в самшитовый куст. Митька, естественно, в рёв.

Тут подходит дед.

— Ты зачем же мальчонку этак, ногой? — спрашивает. — Такой здоровый мужик? И не стыдно?

— Катись, катись, старикан, — отвечает парень нахальным голосом, — а то во мне бурлит ещё злость. А в гневе я страшен.

— Вот ты, оказывается, какой невоспитанный человек, — печально говорит дед. — Бурлит, значит, говоришь? Ну пойдём, охладись.

И берёт парня за отвороты пиджака, легко поднимает и несёт к речке. Парень дрыгает ногами, вырывается, да не тут-то было! Дед подносит его к парапету и в речку — бултых! Вместе с голубым костюмом, красной рубашкой и жёлтыми ботинками.

А потом оборачивается к Митьке и ласково говорит:

— Иди, внучек, играй дальше.

— Слышишь, Митька, а Расскажи, какой дед храбрый, — просили ребята.

— Очень храбрый, — говорил Митька.

...У деда есть Георгиевский крест за давнишнюю войну с немцами и орден Красной Звезды за войну с фашистами. И ещё всякие медали: «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа». Он все эти места оборонял.

Когда Митька просит рассказать про войну, дед хмурится.

— Ну её в баню, ту войну проклятушую. Ничего в ней интересного нету. На войне страшно, там людей убивают до смерти, там грязь, кровь и мучения.

— Значит, ты на войне боялся? — спрашивает Митька.

— А как же! — говорит дед. — Ещё как боялся. Ты, внук, не верь, если кто говорит или пишет, что на войне не боялся. Все боятся. Только один боится и в бой идёт, а другой боится и от боя улепётывает, спасает свой родной организм. В этом и разница.

Но Митька-то знает, что дед бесстрашный человек.

Когда во время шторма перевернуло шлюпку с двумя мальчишками, никто не решился выйти из устья спокойной речки, где лодки стоят, в бурное море.

А дед решился.

И спас мальчишек.

У самого уже берега его лодку тоже перевернули волны, но он выбрался и мальчишек вытащил. Так и вынес их, держа под мышками.

Это всё на глазах у Митьки было. И ещё у множества любопытных людей.

Митька потом спросил у деда:

— А ты боялся там, в море?

— А как же! — говорит дед. — Конечно, боялся. Только тогда мне некогда было. Я побоялся немножко, а потом про это забыл.

Вот тогда-то Митька и разобрался кое в чём.

Он понял, что смелый человек не боится говорить про свой страх.

Это, наверное, только трусишки, да хвастуны, да дураки кричат на всех перекрёстках про свою бесстрашность и неслышанную отвагу.

— Митька, а Митька, расскажи, какой дед добрый, — просили ребята.

— Добрый, — соглашался Митька, — это все знают.

...У деда в доме живут три собаки: волкодав Чако, дворняжка Братец и белоснежный шпиц Тенор; шесть котов, которых дед называет одним именем — Мурзик; ёжик Ёжка и ворон Кирюша.

Всех, кроме Чако, который был куплен для охоты, дед подобрал ранеными или беспризорными.

Братца топить хотели, ворону Кирюше какой-то горе-охотник крыло прострелил, Ёжке какие-то паршивцы иглы подстригли, и была бы ему скорая гибель, если бы не дед. А шпиц Тенор потерялся, видно хозяин на пароходе уплыл. Тенор несколько дней сидел на самом конце пристани и выл тенором. И никого не подпускал, рычал и бросался. Все решили, что он бешеный и его надо застрелить. А дед не дал. Он с Тенором сразу как-то подружился, все даже удивились.

Бабушка всякий раз ворчит, когда дед приносит очередного найдёныша, но не очень сильно, привыкла. А дед только улыбается молча. Самое забавное — глядеть на весь этот зверинец, когда дед разговаривает со своими воспитанниками. Он усядется в саду на табуретку, а они стоят перед ним полукругом и слушают. Вообще-то звери живут между собой удивительно мирно, но иногда случаются ссоры.

И зачинщиками бывают, как правило, двое: Кирюша и Братец.

— Эх вы, — говорит дед, — вовсе вы бессовестный народ! Невоспитанные вы хулиганские разбойники! Ну что мне с вами делать! Уйти от вас насовсем? Уйду, пожалуй, от вас к другим, хорошим зверухам.

Когда дед начинает стыдить зверей, такие у них становятся печальные, понурые морды, что без смеха и глядеть невозможно.

А как услышат, что дед уйти от них хочет, сразу — кто выть, кто лаять, кто мяукать, кто каркать — прощения просят.

— Ладно уж, — говорит дед, — остаюсь, если даёте слово исправить ваше плохое поведение.

А этим летом у деда появился новый житель. И какой! Медвежонок! Пушистый, ростом с валенок, медвежонок Потап. Это Митька его увидел здоровым, весёлым и пушистым. А дед принёс его полумёртвого. Думал, и не выживет. Но у Потапа оказалось медвежье здоровье, выкарабкался.

Дед его в горах подобрал, на охоте. Медведицу, мать Потапа, видно, застрелили охотники, а медвежонок остался сиротой.

Когда дед его увидел, медвежонок рвали собаки. Они б его давно прикончили — огромные, свирепые пастушьи псы, но Потап забрался в колючие кусты и оттуда лапой, лапой по носам, по носам.

Когда дед его вытащил из куста, то еле отбил от собак. Они набросились на него, прокусили ногу в двух местах, изорвали штаны и ватник. Если б не Чако, неизвестно, чем бы всё это кончилось. Но у Чако разговор короткий. Он ростом с телёнка, а зубищи, как у крокодила, — он ими волку хребет перекусывает.

Медвежонок был весь в крови и почти не дышал уже. Целый месяц отлёживался. Дед его поил из соски молоком с мёдом. Когда Митька приехал, Потап был развесёлым, хитрющим и таким забавным зверёнышем, что в него сразу же все влюбились. И папа, и мама. А Митька — тот не отходил от него, даже спали вместе, в обнимку. Потапу прощались все выходки с людьми и зверьми, он был самым маленьким и чувствовал, хитрюга, что все его обожают.

То туфлю утащит и так её отделает острыми зубами, что приходится выкидывать. То в буфет заберётся в поисках варенья, тарелки переколотит. То подберётся к спящему Тенору или Братцу да как нападёт лапой! А она у него тяжёлая, медвежья, даром что маленький.

Дашь ему ириску, он, дуралей, в неё вцепится и склеит себе пасть — не раскрыть. Бежит к Кирюше, скулит, жалуется. Тот ему своим крепким костяным клювом принимает выковыривать коварную ириску и ворчит по-своему, по-вороньи. А Потап, нахал маленький, вместо благодарности тут же выдерет пару перьев из роскошного Кирюшкиного хвоста.

Но деда Потап слушался беспрекословно. И если дед его ругал, у медвежонок даже слёзы текли, так он расстраивался.

Вот какой у Митьки дед.

— Митька, а расскажи, какой дед умный, — просили ребята.

— Дед очень умный, — говорил Митька, — я вам потом много ещё чего расскажу. А теперь хватит, я устал.

— Придумал, — кричит Лёшка, — придумал!

— Что придумал? — спрашивают у него.

— Как что?! Дело! Думаю, доброе.

— Выкладывай, — говорит Мишка.

— Ну-ка, ну-ка, — говорят Нина и Вика.

— Послушаем, — говорит Митька.

— Дело такое: видали, как тётя Поля, нянечка, мучается, в целых шести классах полы моет?

— Видали, — говорят.

— Так что ж, мы безрукие? Сами за собой вымыть не можем? Сами намусорим, натопчем, свинюшник разведём, а тётя Поля убирает.

— Что ж, мы одни? — говорит Мишка. — Весь класс мусорит, а мы за ними убирай.

— За Лисогонова, значит, убирать прикажешь? — возмущается Митька.

— Да, да, за весь класс! Да, и за Лисогонова тоже! Дело не в том, за кого, а в том, кому помогаем, — говорит Лёшка, — а потом другая звёздочка, а после третья, четвёртая. Это вроде как бы почин. Мы вроде бы, значит, починатели.

— Зачинатели, — поправляет Вика.

— Пускай зачинатели.

— А как они узнают, что мы мыли? — спрашивает Нина.

— Как это как? — удивляется Лёшка. — Сами скажем. Бросим клич!

— Эх ты! — говорит Нина. — Ничего ты не понимаешь! Какое же это доброе дело, если про него на всех углах трезвонить. Мы всё сделаем и никому не скажем!

— Здорово! — говорит Митька. — Правильно. Так ещё и лучше. Пусть она нас украсит.

— Кто?

— Наша скромность.

— Пусть, — согласились все и поглядели друг на друга с нескрываемым уважением.

Правда, Мишка Хитров немного сомневался.

— Подумаешь, — говорит, — великое дело — полы вымыть. Вот если бы придумать что-нибудь такое, чтобы ого-го! Чтобы — во! Чтобы, знаете, ах!

— Вот и придумай, — обиделся Лёшка, — что ж ты не придумываешь?

Но Мишка зря беспокоился. Уже минут через пятнадцать после того как они взяли у растроганной тёти Поли швабры, тряпки и ведра с тёплой водой и приступили к мытью, он понял, что беспокоился абсолютно зря.

Может, это было и не совсем «ого-го!» и «ах!», но и пустяковым делом мытьё полов никак не назовёшь.

Парты двигать — раз! За горячей водой в котельную бегать — два! А этаж-то четвёртый! А воды-то уходит прорва! Выносить грязную воду — три!

Но, конечно, тяжелее всего было ~~мыло~~ мытьё.

Ребята даже представить себе не могли, сколько мусору скапливается в классе.

— Это надо же умудриться так насвинячить, — ворчал Мишка, гоняя тряпкой, намотанной на швабру, лужу.

— Будто нарочно! Никогда бы не подумал! — удивляется Митька.

— Варвары! Троглодиты! Самоеды! — ругалась Вика папиными словами.

— Теперь если увижу, кто мусорит, не знаю, что с ним сделаю, — грозился Лёшка.

— А ты под своей партий погляди, — сказала Нина.

— Да-а, все мы, оказывается, хороши!

На том и порешили.

А труднее всего было загнать воду назад в ведро.

Тут уж швабра не помогала! И на коленки не станешь — мокро. А поясница уже через пять минут начинает трещать, просто немеет вся от напряжения.

И мыть пришлось не один раз, а три. После первого раза только грязь размазали. Вот каким непростым делом оказалось простое дело — мытьё полов.

Но до чего же приятно было сидеть потом на учительском столе, болтать ногами, вдыхать свежий запах только что вымытого пола и любоваться делом рук своих!

А на следующий день, перед началом второго урока Таисия Петровна сказала:

— От имени всего класса я хочу поблагодарить звёздочку «Светлячков» за то, что все мы сидим в чистом, опрятном классе. «Светлячки», ребята, вчера сделали доброе дело, помогли тёте Поле и позаботились о всех нас — убрали

класс и даже вымыли полы. Предлагаю поставить им в таблицу соревнования десять очков.

— Кто наболтал?! — сердито шепчет Лёшка.

— Подумаешь, делов-то, пол вымыть! — говорит Лисогонов и бросает демонстративно смятую промокашку на пол.

— А ну подними! — тихо говорит Мишка и встаёт.

— Подними, хуже будет, — говорит Вика.

— Помни про аперхук, — шепчет Митька.

— Тихо, ребята. Гоша, конечно, пошутил. Ты пошутил, Гоша?

— Пошутил, — мрачно говорит Лисогонов и поднимает промокашку. — Я пошутил, а они не понимают моего чувства юмора. Даже смешно!

— Вот и хорошо, — говорит Таисия Петровна, — пошутили и хватит. Приступим к уроку.

С тех пор второй «а» убирает класс самостоятельно.

Варенье

Папа и мама ушли в гости. Папиному сослуживцу Бородулину стукнуло пятьдесят. Мама надела любимое серое платье, папа долго вывязывал галстук.

А Митьке было скучно и завидно.

Наконец папа укротил непокорный галстук, а мама оторвалась от зеркала.

— Чего это ты куksiшь, — говорит папа, — завидуешь чёрной завистью? Нас-то небось не повёл на Викин день рождения!

— Была нужда — завидовать, — говорит Митька, а сам всё равно завидует. — А здорово его стукнуло?

— Кого? — удивляется папа.

— Бородулина вашего.

— А-а! Ты слышишь, мать, какой у нас остряк-юморист объявился?

— Слышу. Ему бы для Аркадия Райкина писать.

— Ладно уж, идите, веселитесь, — мрачно говорит Митька.

— И пойдём, — говорят папа и мама.

Они ушли. Митька послонялся без дела по квартире,

попытался читать, но книжка попалась уже читанная, да и читать чего-то не хотелось.

Покрутил приёмник. Передавали что-то о коровах. Скукота.

Тогда он пошёл в ванную и напустил в ванну немного воды.

Он туда фикус поставил. Это был тропический остров Таити.

К нему плыли корабли — мыльницы.

И тут вдруг зазвонил звонок.

Он трезвонил без перерыва. Пока Митька шёл из ванной, пока открывал, он всё звонил, не переставая.

Митька отворил дверь... и никого не увидел. А в звонке торчала спичка.

— Это ещё что? — говорит Митька и растерянно озирается по сторонам. — Хулиганство какое!

Вдруг сверху послышалось хихиканье. Митька поднял голову и увидел... кого бы вы думали? Гошку Лисогонова, своего главного врага!

— Ты?! — спрашивает Митька.

— Ага, я. Испугался?

— Ещё чего! Почему я должен пугаться?

— Да, не испугался! А кто оглядывался с испуганным выражением лица? Кто слова бормотал? — спрашивает ехидно Лисогонов.

— Ничего я не с испуганным, а просто так. Ты зачем пришёл?

— А так, — отвечает Лисогонов. — Я к тебе в гости пришёл. Скучно.

Митька, конечно, здорово удивился, но виду не подал.

— Заходи, — говорит. — Мне тоже скучно.

— А ты что, один дома?

— Ага. Папа и мама в гости пошли к Бородулину. Его стукнуло.

— Как это — стукнуло? — удивляется Лисогонов.

— Да я шучу. Просто у него день рождения. Папа говорит: стукнуло пятьдесят. Вот я и шучу по этому поводу.

— А-а, понятно, — говорит Лисогонов. — А что мы делать будем? Чем заниматься?

— Наверное, надо тебя угостить чем-нибудь, раз ты гость.

— Это правильно, надо угостить, — говорит Лисогонов. — Это ты хорошо придумал.

— А чем? — спрашивает Митька.

— Откуда же я знаю? Ты хозяин, ты и знай.

— Может быть, котлетами?

— Ещё чего! — возмущается Лисогонов. — Кто же это гостей котлетами угощает?! Котлеты сами едят. А шоколад у тебя есть?

— Нету.

— А конфеты?

— И конфет нету. Сегодня две последние «Белочки» съел.

— Эх ты! Что же это ты? Мои любимые конфеты! А варенье есть?

— Есть! Варенье есть! Целая трёхлитровая банка есть, — кричит Митька обрадованным голосом.

— Ну ладно уж, тащи варенье, — соглашается Лисогонов.

И Митька принёс варенье. Они его столовыми ложками ели.

Красота!

Ешь себе сколько влезет. Никто не мешает. Никаких тебе блюдец, никаких розеточек.

Лисогонов ел так умело, так ловко зачерпывал, что завидно было глядеть. Зато Митька чаще лазал в банку.

— Как твоё здоровье, Гоша? — осторожно спрашивает вдруг Митька.

Лисогонов тут поперхнулся и подозрительно уставился на Митьку.

— Хорошее, — говорит. — А зачем ты вдруг спрашиваешь?

— Да это я так. Для поддержания разговора.

— А-а, для поддержания! Тогда понятно. Хорошее здоровье. Только иногда болит голова, колено, почки и ещё здесь.

Лисогонов неопределённо ткнул себя в грудь, значительно покачал головой и участливо поглядел на Митьку.

— А твоё как? — спрашивает.

Митька стал лихорадочно вспоминать, на что жаловалась его тётка Мария Григорьевна, когда приходила в гости.

— Моё тоже хорошее, — отвечает, — только ужасно мучает сердце, печень и ещё этот, как его... мочевого пузырь.

Лисогонов снова важно покивал, и они стали есть варенье дальше.

Минут через пятнадцать Лисогонов вдруг остановился и сделался красный как кирпич.

— Какое-то оно липкое, — говорит и икает.

— Потому что сладкое. Ты, Гошка, ешь его, оно малиновое.

Они ещё минут десять вяло шевелили ложками. Варенье в них больше не помещалось. Не лезло, и всё тут!

Лисогонов лизнул свою руку.

— У меня рука сладкая, — говорит.

— Испачкал, наверное, — отвечает Митька.

— Нет. Я весь сладкий. Насквозь. Руки, ноги, всё. У меня ботинки и те сладкие, к полу прилипают. Мне ходить трудно.

Митька лизнул одну руку, другую. Руки были сладкие, как варенье. Он испугался, но Лисогонову не сказал. Он побежал на кухню и куснул солёный огурец. Огурец был сладкий. Вот тут-то Митька по-настоящему перепугался.

Что же это такое делается? Значит, теперь всё будет сладкое? Ни горького, ни солёного, ни кислого — одно сладкое? Ужас какой!

Он вбежал в комнату. Лисогонов стоял пошатываясь и икал. А глаза у него были сонные и какие-то мутные.

— У меня огурец сладкий, — кричит Митька. — Пошли в ванную, помоемся, рот пополощем.

— Ага, — говорит Гошка. — Что я говорил? Насквозь! Обкормил меня своим паршивым вареньем!

— Зачем же ты его ел?

— Зачем, зачем! Как же не есть, если угощают. И теперь я сладкий на всю жизнь! Зачем только в гости к тебе пришёл!

Фикус плавал в ванной на боку, а вода всё лилась и лилась тугим жгутиком. Митька закрутил кран. Лисогонов в очередной раз икнул и плюнул в воду.

— Ты в ванну не плюй! Она океан, — говорит Митька.

— Океан, океан! Я б тебе показал океан, не будь я гостем! Нарочно обкормил меня.

— Это я бы тебе показал! Жалко, что ты гость!

— А ну покажи!

— И покажу!

Только Митька приготовился пустить в дело свой знаменитый аперхук, как вдруг снова звонок трезвонит. Митька побежал отворять и увидел маму с папой.

— Ты чего это на цепочку закрываешься? — спрашивает мама. — В дом не попасть.

— А вы уже насовсем вернулись?

— Нет, — говорит папа. — Мы подарок забыли. Сейчас уйдём.

— Слушай, папа, — шепчет Митька, — там у меня в ванной Лисогонов сидит. Мы немножко варенья съели, и теперь мы сладкие.

— Вывозились в варенье?

— Да нет же! Мы насквозь сладкие! Для меня солёный огурец и тот сладкий. И руки у меня сладкие и всё-всё!

Тут вдруг выбежала в прихожую мама с банкой в руках.

— Михаил, — кричит, — какой ужас! Они объелись! Целую трёхлитровую банку варенья почти целиком съели! У них будет заворот кишок!

Папа побежал в ванную и вынес Лисогонова. Гошка свесил голову и икал, не переставая, в очень быстром темпе.

— Я леденец, — бормочет, — нет, я лучше шоколадный. Это он, Митька, леденец.

— Тихо, — говорит папа. — И ты, мать, не плачь. Живы будут эти леденцы. Дай им английской соли побольше. Разведи в тёплой воде. А я сейчас «скорую помощь» вызову.

А Митька подумал, что, видно, очень скверная штука заворот кишок, раз мама плачет и «скорую помощь» вызывают. И наверное, у него уже начинается этот самый заворот, потому что чувство такое, будто в живот булыжник положили. Он сидел на диване рядом с Лисогоновым и старался к нему не прикасаться. Чтоб не слипнуться.

Прибежала мама, принесла две кружки английской соли.

— Пейте немедленно, — говорит, — а то помрёте.

Ого как не хотел помирять Лисогонов! Ого как вцепился в кружку, даже расплескал немножко! Митьке тоже не хотелось умирать, у него ещё всяческих дел на

земле было полным-полно. И жалко губить свою молодую жизнь зазя.

Он стал пить большими глотками. И сначала было сладко, потом горьковато, а после так горько, что слёзы из глаз покатались.

Митька тогда впервые понял, как это «плакать горькими слезами».

Затем приехал доктор. Кругленький такой, быстрый.

Он как мячик катался по квартире и смеялся, будто рассыпал стеклянный горох.

Сказал, что лечат объедал-сладкоежек правильно, и всё удивлялся, разглядывая банку.

— Это надо же! — говорит. — Три литра! Это, товарищи, достижение в планетарном масштабе! Это уметь надо. До чего способные дети пошли!

Взял Лисогонова за руку, пощупал пульс.

— Беги домой, — говорит, — только маму предупреди, что английскую соль пил, чтоб не пугалась.

И всё головой качал.

И Лисогонов пошёл к двери, потом оглянулся и говорит Митьке:

— Ты, — говорит, — Огородников, приходи ко мне в гости. Завтра или лучше послезавтра. Я тебя угощать стану. Солёными грибами. Только английскую соль с собой возьми, не забудь.

Кто-то голубя убил

Кто-то голубя убил. Какой-то совсем уж нехороший человек.

— Какой-то негодяй, — говорит Вика Дробот, — какой-то, можно сказать, подлый негодяй!

— Практически негодяйский подлец даже, — говорит Мишка Хитров и стискивает зубы от нахлынувшего на него благородного возмущения.

И надо же было такому случиться именно в этот день!

Закончилась третья четверть, каникулы начались. Второй день весенних каникул, но снег ещё не сошёл и здорово подмораживало — хоть на коньках бегай, хоть на лыжах.

Но почему-то ничего этого делать не хотелось, а хотелось просто так бродить и разговаривать.

Вторая звёздочка в полном составе слонялась по пришкольному саду и не знала, куда приложить свою энергию.

И ещё они были смущены, они испытывали неловкость.

Потому что впервые к ним пришёл в гости Николенька. Тот самый Колька, который сперва был очень противный, а потом, во время потопа, оказался парнем что надо.

Но смущались и испытывали неловкость Вика, Лёшка, Нина, Мишка и Митька не оттого, что пришёл Николенька, а потому, что Колька сам смущался и испытывал эту самую неловкость. Он считал, что на его чести лежит несмываемое пятно. Он считал, что навеки опозорен перед обществом. Он думал, что его считают дезертиром за то, что позволил увести себя, как маленького дошколёнка, во время наводнения.

Так они и бродили, смущённые, все шестеро по саду, а Николенька был мрачен и ходил с опущенной головой.

Наконец Митька не выдержал.

— Ты что, — спрашивает, — считаешь, что на твоей чести лежит несмываемое пятно?

— Да, — говорит Колька-Николенька.

— Значит, ты думаешь, — спрашивает Лёшка, — что навеки опозорен перед обществом?

— Думаю, — печально отвечает Колька.

— И что ты дезертир? — обращается к нему Мишка.

— И что дезертир, — говорит Колька и так низко опускает голову, что всем сразу становится ясно — сейчас заплачет.

— Глупости! — кричит Вика.

— Ты не виноват! Николенька, ты совсем не виноват! — шепчет Нина.

— Не называй меня Николенькой! — кричит Николенька. — Терпеть не могу! Колька я!

— Ты что ж думаешь, Колька, — говорит Лёшка и усмехается гордо и чуточку высокомерно, — ты что думаешь, мы бы пригласили тебя в наше общество, если б ты был дезертир и с пятном?

— Не пригласили бы?! — спрашивает Колька и весь светится.

— Ни в коем случае! — твёрдо говорит Лёшка.

— Ни за что! — подтверждает Мишка, а все остальные кивают головами.

— Значит, я не?.. — спрашивает Колька явно уже просто для того, чтобы его поугovarивали.

— Кончим этот разговор, — говорит Митька, — и начнём другой.

— Какой же это другой? — обиженно спрашивает Колька и надувает губы, потому что сидит в нём всё-таки где-то в глубине его старинное зазнайство, не до конца он его поборол.

— А такой! Другой — и всё!

— Ой, ребята, глядите! — вскрикивает вдруг Нина Королёва.

Все обернулись и увидели убитого голубя.

Он лежал на снегу — сизый, с зеленоватым отливом, а рядом валялись крошки.

Вот тогда-то и сказали свои суровые слова Вика и Мишка, те, про которые написано раньше.

Ребята присели вокруг голубя на корточки, разглядывали его и молчали.

— Ох попадись мне этот убийца! — говорит Лёшка.

— Из рогатки он его, видите? Прямо в голову, — говорит Мишка.

— Надо его похоронить. Давайте его закопаем, — предлагает Вика. — А то его кошки съедят.

И тут вдруг рядом с голубем появились две здоровенные ноги, обутые в кеды.

Ребята подняли головы и увидели взрослого совсем парня, чуть ли даже не из седьмого класса — физиономия круглая, щекастая, в веснушках, и улыбается во весь рот.

— Укокошили сизаря? — спрашивает.

— Это не мы, — говорит Нина.

— Ну и правильно! — говорит парень, не слушая никого. — От них один вред. Они гадят и портят памятники нашей старины.

И вдруг как заорёт!

— Пас! — орёт. — Пас! — и как двинет голубя ногой.

И повёл его, как футбольный мяч, только перья полетели.

— Мальчики, что ж он делает, балбес такой большущий?! — шепчет Вика в величайшем изумлении.

— Ты что делаешь? — кричит Митька.

— Пас! — орёт парень. — Пас!

— Стой! — кричит Мишка. — Оставь голубя, дубина!

— Кто это дубина? — спрашивает парень. — Это ты про меня сказал такое оскорбление?

— Про тебя. Дубина ты и есть! — бесстрашно говорит Мишка.

— Ах ты, козявка! — говорит парень, и лицо его делается как свекольный винегрет.

Он бросил голубя, неторопливо подошёл к Мишке и лениво так, будто нехотя, заехал ему в ухо.

Мишка так и покатился.

Вот это футболист сделал зря. Тут он совершил непоправимую ошибку, хоть и вырос ростом с небольшую каланчу. Плохо он знал Мишку и его друзей.

— Тут ты сделал непоправимую ошибку, — говорит Мишка и поднимается, потирая ухо, — плохо ты нас знаешь, дубина!

Мишка опустил голову и неожиданно ка-ак боднёт парня в самую середину его тела!

Парень согнулся напополам и захлопал изумлённо глазами.

А потом!..

Ох и рассвирепел же он!

— Ах так! — орёт. — Ты бодаться?! Ну, козявка, держись!

Он бросился на Мишку, но Лёшка успел подставить ногу, парень споткнулся и чуть не упал.

— И ты хочешь получить? — спросил у Лёшки и швыряет его в снег.

Митька, не раздумывая, прыгнул футболисту на спину, а Колька вцепился в ногу.

И началось!

Что было, что было!

Парень впал в настоящую ярость. Он расшвыривал мальчишек, ругался, вопил, но сделать ничего не мог — отшвырнёт одного, а на нём уже трое висят, вцепившись мёртвой хваткой.

А тут ещё девчонки — Вика и Нина — бегают вокруг и отважно швыряют в противника снежками.

Совсем ему глаза запорошили.

А потом раздался воинственный клич и откуда ни возьмись — Лисогонов.

— Наших бьют! — кричит.

Он бросился на подмогу и тут же полетел головой в сугроб.

Этого тоже не следовало делать, потому что мстительный Лисогонов тут же изловчился и укусил парня за левую коленку.

Тот заорал, как зарезанный, и рванулся вперёд, но тут же рухнул всем своим телом на землю. Потому что Митька и Лёшка потянули его за одну ногу, Мишка и Лисогонов — за другую, а Колька изо всех сил толкнул в спину.

Тут любой рухнет.

Впятером оседлали его, парень подёргался, поизвивался немножко и затих.

— Сдаёшься? — спрашивает Лёшка.

— Ещё хочешь? — спрашивает Колька.

— Мало тебе? — кричит Лисогонов.

Но тут парень вдруг захохотал. Лежит и хохочет во всё горло. Мальчишки даже растерялись от удивления.

— Ты чего это хохочешь? — подозрительно спрашивает Митька.

— Ну и молодёжь пошла, — говорит парень, — ну и разбойники с большой дороги!

— Сам-то хорош — голубей пинать ногами, — говорит Мишка.

— Неслыханно, — продолжает парень, — никакого уважения к старшим.

— А кто первый начал? — спрашивает Лёшка.

— Не-ет, — гнёт своё, никого не слушая, парень, — странная молодёжь пошла. В наше время не то было. Мы были не такие.

— Ты не крути нам головы, — кричит Лисогонов, — прямо говори: сдаёшься или не сдаёшься?

— Сдаюсь, сдаюсь, — говорит парень и смеётся, — слазьте с меня. А то расселись, как на диване. Никакого старикам почтения!

— То-то же! — говорит Лисогонов.

— Это у него смех сквозь слёзы, — говорит Митька.

Победители и побеждённый поднялись, стряхнулись и пошли в разные стороны.

Победители — хоронить голубя, а побеждённый — переживать своё поражение и размышлять о нравах нынешней молодёжи.

А больше всех повезло Кольке, бывшему Николеньке, — у него был поцарапан нос. И он шёл такой суровый и гордый, будто у него на носу была не царапина, а медаль или даже орден.

На лыжах

Ох и денёк же выдался, ох и денёк!

Небо было ярко-синее, будто только что умытое, солнце светило вовсю, и хоть морозец стоял градусов шесть, с крыш капала талая вода и с карнизов домов свисала бахрома длиннющих сосулек. Ясно было, что снег и сосульки доживают свои последние деньки — вот-вот нагрет запоздавшая весна и превратит остатки зимы в ручьи, ручейки, ручейки и просто в капель.

Был выходной день, народ вывалил на улицы погреться на долгожданном солнышке, и чем ближе подходили наши друзья к Финляндскому вокзалу, тем больше встречалось им людей с лыжами на плечах.

Вторая звёздочка плюс Колька, плюс Викин и Митькин папы дружно шагали через Литейный мост.

Настроение у всех было отменное. Солнышко припекало сквозь куртки, лыжи приятно давили на плечи, тяжёлые башмаки топали уверенно и бодро. Счастливый Колька со своей драгоценной боевой царапиной на носу даже пританцовывал от радости.

Мама ни за что не хотела отпускать его за город.

Викиному папе она не могла доверить своего единственного и обожаемого ребёнка. Это она сказала, когда Викин папа пошёл просить за Кольку.

— Я уже однажды доверила вам своего единственного ребёнка, — ехидно говорит Колькина мать, — и что из этого вышло? Вы чуть не сварили его живьём в кипятке! Он был мокрый с головы до ног и на следующий день чихнул три раза подряд! А теперь вы хотите заморозить его на этих лыжах до смерти. Нет, нет и нет! И ещё раз нет!

— Как знаете, — говорит сердито Викин папа, — только мне Кольку жаль. Он нормальный парень, а вы из него хлюпика делаете.

Викин папа разозлился.

— Всё, — говорит, — и не просите! Я больше с ней разговаривать не стану.

— А как же Колька? — спрашивает Вика.

— Он уже всё приготовил. И лыжи, и ботинки. Как же теперь? Ему же очень худо будет. Мы уйдём, а он останется, — это Мишка говорит.

В общем, все навалились на Митькиного папу, и он пошёл выручать Кольку.

Неизвестно уж, что он такое говорил, но через пятнадцать минут дверь Колькиной квартиры отворилась, вышел Митькин папа, а за ним Колькина мама — вся в улыбке и любимом атласном халате.

— Я читала ваши статьи, — говорит, — и вам я доверяю своего Николеньку. Вы человек серьёзный.

Митька не удержался и прыснул в кулак.

— Во даёт! — шепчет. — Серьёзный! Мама говорит, что он самый легкомысленный человек на свете.

— Это, значит, у твоего папы очень лёгкие мысли? — тоже шёпотом спрашивает Мишка.

— Да нет. Вроде бы мысли у него нормального веса. Легкомысленный — это в смысле беспечный и весёлый человек.

— А! — говорит Мишка.

— Ворона-кума! — говорит Митька.

Так при помощи авторитета Митькиного папы Кольку отпустили за город.

Когда вошли в широкие двери вокзала, все немножко оторопели, растерялись. Огромный зал был набит битком, а лыжи торчали густо, как лес.

Гомон стоял, смех, крики.

Было похоже, будто самые весёлые люди со всего Ленинграда собрались в этом зале и сейчас начнётся замечательный праздник.

А со всех сторон разноцветными потоками всё прибывали и прибывали к вокзалу лыжники.

— В воскресные дни, — говорит Митькин папа, — вокзал напоминает мне громадный насос. Он непрерывно высасывает людей из города и перебрасывает туда, где солнце, снег. Где деревья и пахнет хвоей. Здорово!

— Ага! — говорит Митька. — Он качает, качает, и скоро улицы обмелеют и никого не останется. Только пустые трамваи, автобусы и троллейбусы.

— Ладно, фантазёры, — говорит Викин папа, — вы тут стойте, держась за руки, и не потеряйтесь, а я возьму билеты.

С электричкой здорово повезло — с бою захватили целых две скамейки.

А вокруг стояли в проходах, сидели на рюкзаках, бренчали на гитарах, горланили всякие самодельные

песенки, разговаривали, хохотали самые весёлые люди Ленинграда.

— А что, — говорит Лёшка, — хорошо бы нам тоже придумать свою самодельную песенку. Нашу, второй звёздочки!

— Не слабо придумано, — говорит Викин папа.

— Тем более у вас есть собственный, почти что западашский поэт, — отвечает Митькин папа и подмигивает Митьке.

Митька покраснел и погрозил папе кулаком.

— Нечего, нечего увиливать, — говорит Вика, — надо выполнять общественные поручения.

И Митька стал выполнять. Он так погрузился в творческий процесс, что ничего не слышал до самой станции Комарово. Но зато придумал такую песенку:

Мы ребята «Светлячки»,
Трам-тир-ьям-тир-ьям!
Мы ещё не старички,
Трам-тир-ьям-тир-ьям!
А поэтому вперёд!
Ноги в руки и вперёд!
Отправляемся в поход —
Полный ход!
Через реки и леса,
Трам-тир-ьям-тир-ьям!
По горам — под небеса,
Трам-тир-ьям-тир-ьям!
Отправляемся в поход,
Ноги в руки и вперёд!
Полетим, как самолёт, —
Полный ход!

Поезд уже подходил к станции назначения, когда Митька отдал на суд слушателей своё свежеиспечённое произведение.

— Гм! — говорит Викин папа. — Не слабо, не слабо.

— Особенно вот эти строчки — трам-тир-ьям-тир-ьям, — ехидно замечает Митькин папа. — На грани гениальности.

— Ну и как хотите! Не нравится — и не надо!

— Что ты, Митька, замечательная песня! — кричит Нина Королёва.

— Только как это — «ноги в руки»? — спрашивает Мишка.

— Эх ты! — говорит Митька. — Ты серый, как туман. Это такая поэтическая вольность и для юмору. Это, если

перевести с поэтического языка на человеческий, значит: быстро!

— Ну если для смеху, тогда ладно, — соглашается Мишка. — А за туман схлопочешь!

Когда вышли на станции Комарово, все невольно зажмурились.

Снег сиял белизной, и ели казались совсем чёрными. А берёзы стояли будто стеклянные: каждая самая малая веточка была покрыта тонкой, прозрачной корочкой льда, ветер их чуть раскачивал, и они вспыхивали разноцветными точками, искрились на солнце.

За зиму глаза привыкли к четырём стенам, к улицам, огороженным домами, а тут вдруг такой простор! Просто дух захватывало.

— То ли ещё будет, — говорит Викин папа, — мы сейчас пойдём на Финский залив, тогда узнаете, что такое простор!

К заливу вели крутые заснеженные улицы.

По ним лихо скатывались люди на лыжах и финских санях.

— Ну уж дудки, — говорит Вика, — ни за что не поеду. Страх какой!

— Ни за какие коврижки, — говорит Викин папа.

— А я поеду! — говорит Нина и надевает лыжи.

— Правильно! — говорит Митькин папа. — Люблю отчаянных! Давай-ка, Ниночка, покажем этим трусишкам, что мы настоящие мужчины!

— И я! И я настоящий! — кричит Колька.

Они стали на лыжи да как ухнут вниз — только снежная пыль столбом. Колька на середине спуска упал, закувыркался, но упрямо встал и снова поехал. Снова упал, опять поехал и доехал.

Митька, Лёшка и Мишка переглянулись. Делать было нечего. Надо было решаться. Иначе позор на всю их дальнейшую жизнь.

Митька не видел, что случилось с Лёшкой и Мишкой. Лыжня стремительно рванулась ему под ноги, и он полетел вниз.

В ушах сразу засвистал ветер, выжал слёзы из глаз, а тело часто-часто затряслось на бугорках и ухабах. Митька присел как можно ниже — его этому учил папа, — палки держал так, чтобы они свободно волочились чуть позади, взбивали концами пушистые облачка снега.

Пару раз он чуть не упал, судорожно взмахнув руками, но удержался и потом долго-долго, почти до самого Приморского шоссе, ехал по ровному месту, по инерции.

И было это так чудесно, что и сказать нельзя.

Потом подошли остальные.

Лёшка и Мишка были в снегу с головы до ног, но гордые, счастливые, победившие собственный страх.

Вика и её папа несли свои лыжи на плечах и ничуть этим не смущались, а потому их и дразнить не было никакой охоты.

Перешли через шоссе и выбрались на залив. Вот тут был простор так простор! До самого горизонта лежало плоское белоснежное пространство, будто расстелили какую-то великанскую простыню. Слева, вдалеке поблёскивал золотом купол Исаакиевского собора и качались в небе дымы заводских труб.

А впереди, далеко-далеко, снег был густо усыпан какими-то чёрными точками. Будто мухи облепили кусок сахара.

— Рыболовы, — говорит Викин папа, — вот туда и отправимся. Поглядим на подлёдный лов. И у меня есть для вас сюрприз.

— Какой! — у всех сразу ушки на макушке.

— А такой. Много будете знать, скоро состаритесь. Придём на место — узнаете.

И пошли. Только снег под лыжами повизгивал. Вот тут Викин папа и показал класс. Он сразу же всех обогнал на своих долгих ногах. В одном месте ветер сдул снег со льда, лыжи сразу же стали разъезжаться на скользкой, будто полированной поверхности.

— Глядите, — кричит Викин папа, — делайте, как я!

Он расстегнул куртку, распахнул её, взяв руками за полы, и куртка превратилась в парус. Все тоже распахнули. Ветер дул с берега. Он упруго толкал в спину, и лыжи сами, всё быстрее и быстрее, покатались вперёд.

Такого Митька ни разу ещё не испытывал — летишь бесшумно и легко как птица. Или как призрак, если они есть, конечно.

Потом снова начался снег с лыжнёй, за снегом опять лёд, и когда Митька глянул вдаль, то рыбаки из чёрных, едва заметных точек превратились в людей, неподвижно сидящих на ящиках и складных брезентовых стульчиках.

Рыболовы сидели неподвижно, нахохлившись, уставясь в круглые лунки, проверченные во льду. Лунок было много, некоторые бесхозные, чуть подёрнутые тонким ледком или запорошённые снегом.

И тут Викин папа преподнёс свой сюрприз.

Из внутреннего кармана куртки он вынул ложку, похожую на решето — всю в дырках. Этой ложкой выгреб из ближайшей лунки мокрый снег, и лунка таинственно зачернела стылой водой. Заглянешь в неё, и мурашки по спине забегают — что-то там делается, в этой тёмной глубине?

Из того же кармана появилась короткая зимняя удочка и спичечный коробок, полный рубиново-красных, извивающихся червячков-мотылей.

Викин папа ловко насадил несколько штук на крючок, и мотыли стремительно скользнули в воду.

Ловись рыбка, большая и маленькая!

Ловили по очереди, но увы... оказалось, что рыбка вовсе не имеет желания попадаться на крючок. Она была или очень хитрая, или очень сытая.

Митька держал удочку и злился. Поплавок неподвижно застыл в лунке и не собирался тонуть.

«Небось плавают там и смеются над нами. На одном конце червяк, на другом конце кто? То-то же!»

— Нету здесь никакой рыбы. Ни одного самого завалящего ёршика нету, — говорит Митька, — поехали, хватит.

— Эх вы, — говорит Вика, — рыбаки-неумейки. А ну-ка давай сюда удочку, увидишь, как надо ловить!

Все засмеялись, стали над Викой подшучивать. Она и сама шутила.

— Только нацепите кто-нибудь этих червячков, — говорит, — а то я их боюсь.

— Да ты хоть раз в жизни рыбу ловила? — спрашивает насмешливо Мишка, который считал себя крупным знатоком рыболовства.

— Не ловила, а что? Подумаешь! Дело не в умении, а в природном таланте. Глядите, что сейчас будет!

А дальше произошло такое, что все глаза от изумления вытаращили.

Просто поверить трудно, если не видел своими глазами!

Не успела Вика опустить леску с наживкой в лунку, как поплавок резко дёрнулся и утонул.

— Тащи, — кричат все, — клюёт!

— Кто? — спрашивает Вика. — Где? — И заглядывает с любопытством в лунку. — Ой, а куда делся мой поплавок?

— Быстрее! — кричат все. — Подсекай! Уйдёт!

Мишка не выдержал ужасного нервного напряжения, схватил леску и потащил, потащил, потянул, часто перебирая руками.

И вытащил здоровенного, в полторы ладони, окуня.

Окунь был полосатый, крепкотелый и упругий, с алыми плавниками и хвостом. Он подпрыгивал на снегу и сердито разевал широкую жадную пасть.

Все завопили от восторга, каждому хотелось потрогать добычу собственными руками, одна Вика боялась прикоснуться к окуню.

— Эх ты, — кричит Мишка, — трусиха! Не бойся, он не кусается!

И знаете, что ему ответила Вика? Прямо-таки отрезала с таким гордым, надменным выражением лица.

— У нас, — говорит, — разделение труда: один ловит, а другие трогают. И ещё болтают глупости.

Мишка тут же и прикусил язык. А что ей скажешь, если потом все по очереди ещё около часа простояли над лункой, замёрзли даже, но больше ничего не поймали?

Вика свою добычу одному постороннему мальчишке подарила, который сам поймал трёх ёршиков, а на окуня глядел жадными глазами, как кот, которого не кормили три дня.

Хороший денёк выдался! Замечательный денёк, превосходный!

Воспитанники

В Митькиной квартире довольно давно уже поселился ёж. Вернее, он не сам поселился — его Митька поселил.

Ёжик был серый, остроносый и жутко любопытный — так и совал свой пронырливый нос во все щели, когда думал, что его никто не видит. Если до него дотрагивались, он мгновенно прятал голову, растопыривал иголки и становился похож на кожуру конского каштана, про которую говорят, что она похожа на ежа.

Митька ему построил дом в прихожей из картонной коробки, но ёжик жить там не захотел. Он предпочитал ночевать в папиных ночных туфлях.

— Ой! Ой! — кричит по утрам папа. — Ой!!!

Митька вскакивал с постели и бежал вынимать ежа из туфли.

— Это в конце концов невыносимо! — заявляет в один прекрасный день папа. — Что за вредное животное! Если ты не можешь воспитать из него приличного ежа, я сам буду с ним бороться.

И папа стал бороться. Пока что методами гуманными и человеческими. Только ёжик его победил в этой борьбе. Это был удивительно упрямый и целеустремлённый зверь. Папе пришлось ходить дома в старых резиновых тапочках, а новые меховые туфли отдать ежу.

А папа ругал Митьку, будто это не ёж, а Митька спал в его туфлях.

Но это ещё было хорошо, если бы ёжик спал по ночам. Гораздо чаще именно ночью ему приходила охота погулять.

Даже удивительно, до чего громко этот маленький зверь гулял! Сначала он топал медленно-медленно, потом всё быстрее и быстрее. Пок! Пок! Пок! Будто маленький конь. И пыхтел при этом сосредоточенно и сердито. Может, он гимнастикой своей, ежиной, занимается, кто знает? Темно... Потом ёжик шёл на кухню и начинал там что-нибудь передвигать и сбрасывать. Как бабахнет чем-нибудь об пол, все просыпаются и подсакивают в кроватях. Все, кроме Митьки. Он про ночные похождения ежа знал понаслышке, потому что спал как убитый.

Утром мама глотала пирамидон и стонала.

— Нет! Это не квартира! — говорит. — Сумасшедший дом! Вот теперь этого колючего домового завели! Потом питона приволокут, потом анаконду, потом саблезубого тигра... Жизни совсем нет, хоть из дому беги!

Все эти разговоры действовали на Митьку очень угнетающе.

И маму жалко. И папу. И ёжика... Хоть разорвись на три неравные части.

Ёжик выросал в проблему.

И когда Митька узнал про Лёшкины огорчения, он даже обрадовался.

Лёшка пришёл в школу с красными глазами и, если бы это был не Лёшка — человек с железным характером и бесстрашной душой, можно было бы подумать, что он плакал.

Такая мысль промелькнула на миг в Митькиной голове, но он тут же отверг её как совершенно нелепую.

— Ты чего это такой? — спрашивает он у Лёшки.

— Какой это такой?

— А такой — малость пришибленный, печальный такой, — говорит Митька.

— А-а ну её! Приехала на мою голову! — отвечает Лёшка и в сердцах так машет рукой, что учебник математики с грохотом падает с парты.

— Кто приехал? — спрашивает Митька.

— Да бабка Люба же! Бабка моя двоюродная из Мариуполя. Приехала и сразу...

Лёшка так сжал челюсти, что зубы скрипнули. Глаза его покраснели ещё больше, и Митька вдруг ужасно перепугался. Видеть плачущим Лёшку? Нет, это было выше его сил!

Он схватил своего командира за плечи и начал трясти.

— Ты чего? — кричит. — Ты чего это? Что случилось?

— А то! Она моего Гошу в мусоропровод спустила, — шепчет Лёшка. — «Развели, — говорит, — гадов, ядовитых, с кровати встать боязно!» Будто не знает, что ужи не ядовитые. Гоша спал себе, а она его вместе с коробкой — раз! — и спустила.

— Ой ты!.. — говорит Митька. — А Шип как же?

— А Шип в это время гулял. На своё счастье. Только она и Шипа спустит. Я её боюсь. Подстережёт и спустит. Просто не знаю, что и делать! Я сегодня утром две чашки молока в мусоропровод вылил... Гошка ведь, знаешь, как молоко любит. Да только... Как подумаю, что он там сидит одинокий, в темноте и грязи и ничего не понимает — за что его так, просто хоть самому в тот мусоропровод прыгай.

— Ну дела... — тянет Митька, — ты бы хоть объяснил ей, что ужи полезные и вообще...

— Объяснишь ей... Никого не слушает, только и делает, что шепчет целыми днями и крестится. Выпрашивает чего-то у своего бога.

— Крестится?! — изумляется Митька. — Чего ты её не перевоспитываешь?

— Ха! Ты скажешь! Старая она. Папа говорит, что её уже никак переделать невозможно. Я ей объяснил позавчера, что бога нету, что я это точно знаю, так она меня ка-ак щипанёт! У нас в доме теперь мрачно стало, не смеётся никто... Хоть и нехорошо про свою двоюродную бабку так говорить, только лучше б она поскорее уехала в свой Мариуполь!

Лёшка голову повесил и сосредоточенно ковырял носком ботинка пол.

Никогда ещё Митька не видел своего друга таким растерянным. И он понял, что необходимо сейчас вот, немедленно, что-то придумать.

— Ну вот что, — решительно говорит Митька, — надо спасти Шипа! Мои родители тоже не очень-то довольны Ёжкой, папа два раза уже наступал на него босой ногой. Конечно, никуда спускать его они не собираются, но всё равно... Давай их в школу принесём, а? И будет у нас свой живой уголок.

— Я уже про это думал, только не знаю, что Таисия Петровна скажет. Вдруг не позволит?

— Таисия Петровна?! — кричит Митька. — Чего ж она не позволит? Звери, можно сказать, в смертельной опасности, а она не позволит? Никогда не поверю! Давай с ребятами поговорим.

На следующий день Таисия Петровна вошла в класс и оторопела. На её столе стояли три клетки — одна с жёлтым чижом, вторая с рыжей белочкой, третья с двумя хомячками; два аквариума с рыбками и две картонные коробки: круглая из-под шляпы — с ужом Шипом, прямоугольная из-под туфель — с ежом Ёжкой. Картонные коробки были закрыты крышками, а в крышках проделаны дырки для воздуха.

— Что это? — спрашивает Таисия Петровна. — Откуда?

— Это наш живой уголок, — говорит Митька, — вторая звёздочка берёт над ним шефство.

— Это почему же вторая? — кричит Лисогонов. — Ишь какие — вторая! Другие тоже хотят!

— А что ты принёс в живой уголок? — спрашивает Вика.

— А вы мне сказали? Вот возьму съезжу в воскресенье к бабушке в Тосно и козу приведу, тогда узнаете!

— Козу?! — спрашивает Таисия Петровна и опускается на стул, вся очень бледная лицом.

— Подумаешь, козу! — фыркает Нина Королёва. — Мне папа обещал обезьянку из Сингапура привезти. Вот напишу ему, чтоб не маленькую, а гориллу, тогда узнаешь.

— Гориллу?! — шепчет Таисия Петровна.

— Ага, — говорит Мишка Хитров, — а я видел объявление, что продаётся шестимесячный крокодильчик. Вот мы накопим денег и купим — дело решённое, раз вторая звёздочка берётся.

— А я ещё и поросёнка могу! — кричит Лисогонов.

— Крокодилы, гориллы, бегемоты, бизоны, мамонты... — шепчет Таисия Петровна.

— Не, мамонта никак, — объясняет ей Мишка, — мамонты почти все вымерли.

— Мамонта никак? — спрашивает Таисия Петровна. — Ну и на этом спасибо. А где же мы, по-вашему, будем держать весь этот зоосад?

— Как где? Вот здесь! Мы уже всё придумали, — говорит Лёшка.

В углу класса, рядом с доской, была дверца. А за ней — то ли стенной шкаф, то ли маленькая каморка. А там лежали счёты, указки, мел, акварельные краски и прочие нужные вещи.

— Вот сюда лампочку вверх, видите — патрон, — говорит Митька, — а эту полку уберём. Сюда поставим клетки, а сюда аквариумы. Здесь будет гнездо для ужа, а для белочки мы колесо сделаем — пусть бежит.

— Колесо? — спрашивает Тайсия Петровна. — Да, колесо... Только я должна посоветоваться с директором.

Она ушла, и её не было очень долго. Вернулась она покрасневшая, у неё даже причёска чуть растрепалась.

— Ну вот что, — говорит, — даёте слово, что живой уголок не будет мешать занятиям?

— Даём! — кричат все.

— А даёте слово, что сами будете ухаживать за зверушками, убирать за ними и не отвлекаться на уроках?

— Даём!

— Ну, смотрите! Нам даётся испытательный срок. Если сдержите слово, живой уголок останется, а если подведёте меня...

— Не подведём! — кричат. — Ура!

— Козу привезу! — орёт Лисогонов.

— Крокодила! — кричит Мишка Хитров.

— Никаких коз! Никаких крокодилов, — пугается Таисия Петровна. — У нас нет для этого подходящих условий! А всех лесных птиц и зверушек мы возьмём с собой в поход, в лес. И там выпустим на волю. Согласны?

— Ура! Согласны!

— Тогда вот что: эти зверята теперь ваши воспитанники. Ухаживать за ними будут все звёздочки по очереди. Начнут «Светлячки», потому что инициатива принадлежит им, — говорит Таисия Петровна. — А теперь все по местам, начинается урок.

Внуки и внучки

Весна вдруг хлынула в город. В парках над влажной землёй поднимался пар, и казалось, что травинки и всяческая прочая зелень прямо на глазах лезли из этой земли поближе к солнышку.

А солнце пекло всерьёз.

С улиц исчезли шубы, меховые шапки, варежки и зарядило в глазах от ярких плащей, платочков, шляп, лысин и причёсок самой разнообразной формы и цвета. Лужи высохли, во дворы пришёл футбол.

— У меня просто ноги чешутся, так поиграть охота, — говорит Митька Нине Королёвой.

— Так нельзя сказать — «ноги чешутся», — говорит Нина.

— Почему это нельзя? Могу я сказать: руки чешутся дать, допустим, Лисогонову по шее?

— Можешь.

— А почему «ноги чешутся» нельзя? — спрашивает Митька.

— Потому что некрасиво! — твёрдо отвечает Нина. — Будто у тебя чесотка.

— Слушай, — изумляется Митька, — ты, по-моему, сумасшедшая! При чём здесь чесотка, если мне охота в футбол сыграть?!

— Ну и играй себе! Только не чешись.

— Ах так! Я тебя серьёзно спрашиваю, а ты смеёшься?!

— Скандал в благородном семействе, — встречает ехидный Лисогонов. — Слышал, слышал, на кого у тебя руки чешутся!

— Так я же сказал «допустим». К примеру сказал, — смущается Митька.

— Знаю, знаю, — говорит Лисогонов и делает оскорблённое лицо, — сначала к примеру, а потом не к примеру. Почему-то про Лёшку ты не сказал «допустим». Не-ет, видно, зря я вас всех спас от того дылды, который голубя пинал!

От такого нахальства Митька даже поперхнулся.

— Что-о? — спрашивает. — Ты нас всех спас?

— А то нет! От вас бы пух и перья полетели, как от того голубя, если бы не я!

— Ну знаешь, Гошка, — говорит Нина, — ты просто хвастун!

— Да мы без тебя ещё и лучше бы справились. Только под ногами путался, — кричит Митька.

— Ах так?! Путался, значит, — зловещим шёпотом говорит Лисогонов и даже бледнеет от обиды. — Ну погодите, погодите! Пусть только на вас кто-нибудь нападёт ещё! Путался, а?!

— Да будет вам! — говорит Лёшка. — Ты это, Митька, зря. Несправедливо.

— А чего ж он хвастает?! — кричит Митька.

Но в это время в класс вошла Таисия Петровна и старшая пионервожатая. Все встали, поздоровались, и спор сам собой прекратился, чему Митька был очень рад, потому что чувствовал себя не очень-то правым.

Лицо у пионервожатой было серьёзным, даже, можно сказать, торжественным.

— Дорогие ребята, — говорит старшая пионервожатая, — всё ближе и ближе один из самых главных праздников нашей страны. И наступит он ровно через две недели. Какой это праздник?

Ну тут, конечно, весь класс закричал:

— День рождения Владимира Ильича!

— Правильно! — говорит пионервожатая. — Но для вас этот день будет особенно торжественным. Пожалуй, в вашей жизни такого дня ещё не было, потому что двадцать второго апреля большинству из вас повяжут на шею вот такой галстук, цвета алой крови, пролитой за свободу лучшими людьми нашей Родины. Повяжут достойным. Но нам, мне и вашей учительнице Таисии Петровне, очень хочется, чтобы все вы оказались достойными чести стать в ряды юных ленинцев. Я знаю, что вы стараетесь, я вижу этот лист бумаги на стене и на нём итоги соревнования ваших звёздочек. Итоги, прямо скажу, неплохие, мы довольны вашим классом. Вам всё предстоит впервые — первый сбор, первая пионерская линейка, первый пионерский костёр! Но для того чтобы стать настоящим пионером и на призыв «Будьте готовы!» от всего сердца ответить «Всегда готовы!», мало просто хорошо учиться и достойно вести себя. Надо ещё быть политически грамотными людьми. Скоро среди октябрят нашей школы будет проведён конкурс на лучшее знание истории пионерского движения. Готовьтесь к нему, не ударьте лицом в грязь.

— А какие вопросы будут? — спрашивает Вика.

— Вопросов будет много. Ну например, такой: когда день рождения пионерской организации?

— Кто ж этого не знает, — говорит Вика, — девятнадцатого мая тысяча девятьсот двадцать второго года.

— Молодец! А когда ей присвоено имя Ленина?

— В тысяча девятьсот двадцать четвёртом году, — говорит Вика.

— А когда основана газета «Пионерская правда»?

Вика задумалась, подёргала себя за косичку, покраснела так, что капельки пота на носу выступили, и прошептала:

— Я не знаю.

— А кто знает? — спрашивает пионервожатая.

— По-моему, в тысяча девятьсот двадцать шестом году, — говорит Мишка Хитров.

— Нет, не в двадцать шестом, а в двадцать пятом, — тихо говорит крохотная, незаметная девочка Лиза Морохина из Лисогоновской звёздочки.

— Съели? — шепчет Лисогонов.

— Просто молодцы! — говорит вожатая. — Буду очень рада, если ваш класс победит в конкурсе.

— А как же! Конечно, победим, — снова встречается Лисогонов, — только я себе другой галстук повяжу, не такой, как у вас.

Тут весь класс просто ошалел от изумления. Тихо-тихо стало. А вожатая так растерялась, что слова вымолвить не могла. Лицо её покрылось красными пятнами, брови нахмурились.

— Что ты сказал? — спрашивает. — Другой галстук повяжешь? Как же это?

— Не такой, — упрямо говорит Лисогонов, — не шёлковый. Я ситцевый повяжу, бабушкин. Первые пионеры шёлковые не носили, они ситцевые носили. Бабушка свой до сих пор хранит. Она мне обещала его передать. Она сказала — это будет как... как эстафета.

— Ну что ж, — улыбается вожатая, — дело в конце концов не в материале. Тогда и вправду ситцевые носили. Время было трудное, не до шелков. А это здорово, что у тебя бабушка из первых пионеров! Она в каком году вступала?

— В двадцать втором. Я же говорю: первая.

— Вот это да! — восклицает вожатая. — А ты не можешь пригласить свою бабушку в школу, на торжественную линейку?

— Отчего ж не могу, — говорит Лисогонов и весь раздувается от важности. — Конечно, могу! Моя она бабушка или чья?

— Ну что ж, — говорит вожатая, — не забудь! До свидания, ребята. Готовьтесь.

И она ушла.

Весь класс Гошку Лисогонова окружил, все его расспрашивают о знаменитой бабушке, а он грудь колесом выгнул, ходит гордый и всё на Митьку поглядывает.

— Ну что, — спрашивает, — чешутся у тебя руки или уже не чешутся?

— Не чешутся, — говорит Митька, — только ты не больно-то задавайся. Ты ведь ещё не твоя бабушка.

— Неважно, — говорит Лисогонов, — я её внук. Такие внуки, как я, на дороге не валяются.

— Ну ладно, уважаемые внуки и внучки, — смеётся Таисия Петровна, — садитесь по местам. Просклоняем существительное «внук», а потом проспрягаем глагол «валяться».

В воскресенье пошли всем классом в цирк, на утреннее представление. Столько народу было, будто весь город собрался.

А лишние билетки ещё у моста через Фонтанку спрашивали.

Нина, Мишка, Вика и Митька, конечно, сидели рядом. Места у них были замечательные, у самой арены, в третьем ряду.

До чего же всё-таки замечательная штука — цирк!

Гремит музыка, пахнет влажными опилками, сияют прожектора, а ловкие и сильные люди вытворяют на ваших глазах немыслимые совершенно вещи да ещё улыбаются при этом, будто всё, что они делают, совсем не трудно, а просто, весело и интересно. Будто каждый так сможет.

Почти целых три часа праздника! Красота!

Белоснежные кони танцевали вальс, кланялись, становились на колени.

И всё это по приказу тоненькой девушки — дрессировщицы с длинным бичом, которым она никого не била, а только хлопала, будто из пистолета стреляла.

Потом акробаты-прыгуны показывали свои фантастические прыжки и воздушная гимнастка вертелась на трапеции под самым куполом.

Жутковатое это зрелище!

Представьте: тревожно рокошет барабан, зрители умолкают, и вдруг артистка срывается вниз головой, цирк дружно ахает, а она уже висит как ни в чём не бывало, зацепившись за перекладину пальцами ног, и улыбается, и шлёт воздушные поцелуи восторженной публике.

Но главным героем представления был, конечно же, клоун.

Чего он только не вытворял!

Передразнивал артистов, потешно падал, с него слетали невероятных размеров башмаки, он запутывался в собственных ногах — никак не мог их пересчитать.

И всё с таким серьёзным, старательным лицом, что зрители просто стонали от хохота.

А у Митьки заболел живот и напала икота.

Клоуну с таким же уморительно серьёзным видом помогал маленький ослик, с серой замшевой мордой и печальными глазами.

Ишачок упирался всеми четырьмя ногами, когда клоун тащил его на арену, брыкался, ходил на задних ногах, громко кричал.

А самый весёлый номер был в конце представления.

Клоун притащил упирающегося ишачка, поставил его на середину арены и показал зрителям большую коробку конфет и карманные часы величиной с дыню. А потом он пронзительно закричал:

Дорогие зрители!
Прокатиться не хотите ли?
Вот стоит ослик —
Уши да хвостик!
Кто на нём усидит —
Тот храбрец и джигит!
Вот часы, вот приз —
Одну лишь минуту
Не брякайтесь вниз.

Все настороженно молчали и переглядывались.

— Ну что же вы! — кричит клоун. — Неужели никто из вас не любит конфеты?

— Любим! — кричат все в один голос.

— Так выходите же, удалцы-храбрецы! Продержитесь на этом скакуне одну минутку, и конфеты ваши! — подзадоривает клоун.

Сперва никто не решался попробовать. Зрители посмеивались, переглядывались, толкали друг друга локтями, но желающих не находилось. Стеснялись. Тогда клоун стал стыдить.

— Какой стыд! Какой позор на ваши головы, — кричит. — Неужели здесь не найдётся ни одного смелого человека?! Испугались маленького ишачка!

И вдруг сидевший рядом с Митькой большой, усатый человек поднялся с места, подкрутил ус и надменно сказал:

— Кто испугался?! Я испугался?! Арчил Коберидзе испугался?! А ну подайте мне этого жалкого ишака, и вы увидите, что я сейчас с ним сделаю!

— Давай, давай! — кричит клоун. — Милости прошу! Наконец нашёлся храбрый человек! Ай, ай, пропали мои конфеты, плакали горючими слезами.

— Эх, опередили! — шепчет Мишка Хитров и с досады хлопает кулаком в ладонь.

— А ты когда-нибудь верхом ездил? — спрашивает Вика.

— Подумаешь! Делов-то — на ишаке прокатиться! — говорит Мишка. — Упустил! Сейчас бы конфеты лопа! Этот-то, ясно, заберёт их, слышали — Коберидзе его фамилия, грузин, значит. Грузины — они все наездники.

Ишачок спокойно стоял и ждал. Когда доброволец подошёл к нему, все засмеялись — ишачок был такой маленький, а человек толстый и важный.

— Одну минуту? — спрашивает.

— Одну, дорогой! Только одну маленькую, совсем коротенькую минуточку, и можешь угощать друзей конфетами.

— Эх дурак я, дурак. Упустил! — шепчет Мишка.

— Ты безумный человек, кацо! Ты не знаешь, кто такой Арчил Коберидзе! — гордо говорит доброволец.

— Так ты и есть сам Арчил Коберидзе, — с притворным ужасом говорит клоун и подмигивает зрителям. — Ой, пропала моя глупая голова! Пропали мои конфеты!

— Ах подмигиваешь? Смеёшься? Ничего, ничего, сейчас плакать будешь! — кричит Арчил Коберидзе.

И он вскочил на ишака.

Что тут началось!

Ишачок вдруг заподпрыгивал сразу на четырёх ногах, будто это были не ноги, а пружинки.

Вместе с ним заподпрыгивал наездник.

Потом ишачок лихо взбрыкнул и наездник, нелепо взмахнув руками, шлёпнулся на арену.

Он сидел, недоуменно хлопал глазами, а цирк покатылся со смеху.

Клоун встал на голову, подрыгал ногами, потом прыжком поднялся и сделал сальто.

— Ах, ах! Какой нехороший, какой скверный ишак! — кричит клоун. — Можно сказать: просто какой-то невоспитанный осёл! Сбросил такого джигита, как тебе не стыдно!

— Иа, иа! — говорит ишак.

— Ах так! — кричит Арчил Коберидзе. — Сейчас ты увидишь! Сейчас все увидите!

Он азартно сорвал с себя пиджак, снял шляпу и в ярости швырнул их на бортик арены.

Ишачок спокойно и равнодушно стоял на прежнем месте и жевал губами, будто ничего не произошло.

Арчил Коберидзе осторожно подкрался к нему сзади, прыгнул на спину и схватил руками за уши. Теперь, как ни взбрыкивал ишачок, как ни подпрыгивал, ничего у него не получалось. Клоун держал в руках секундомер и кричал:

— Ай, молодец! Джигит! Двадцать две секунды! Двадцать четыре! Ай, пропали конфеты! Двадцать девять! Тридцать!

— Видишь, кацо! — кричал джигит.

— Вижу, дорогой! Вижу!

— Теперь понял? — спрашивает Арчил Коберидзе.

— Понял, понял! Пропал я! — причитает клоун.

— То-то же! Я — Арчил Коберидзе! — говорит Арчил Коберидзе.

— Эх! Плакали мои конфеты, — говорит Мишка Хитров. — Упустил!

И тут присмиривший было ишачок разбежался изо всех сил, а наездник скакал на нём победителем и даже исхитрился помахать зрителям рукой.

Но ишачок вдруг остановился на всём скаку, и Арчил Коберидзе, перелетев через его голову, шлёпнулся со всего размаху на арену. Что было!

Цирк просто стонал от хохота.

У многих слёзы текли и животы разболелись.

А клоун вдруг вскочил на ишачка и спокойно уехал с арены.

На этом представление окончилось.

Когда отсмеялись всласть и уже пробирались меж рядами к проходу, Митька неожиданно сказал:

— Не нравится мне это... Хоть и смешно.

— Смешно, — говорит Вика, — только жалко.

— Жутко смешно, — кричит Мишка. — Вон этот Арчил Коберидзе идёт! Какой-то он понурий...

— Будешь тут понурий, — говорит Митька.

— Когда все смеются над тобой, — добавляет Нина.

— Подумаешь, — говорит Мишка, — сам виноват. Зачем полез?

— Зачем, зачем! — кричит Митька. — Он думал, что сможет! Он же не знал, что этот осёл такой опасный ишак! Сам-то, думаешь, усидел бы?

— Кто?! Я?! — кричит Мишка. — Уж будь здоров! Жалко, не успел.

— Не хвастай, Мишка! — говорит Вика. — Слушать неприятно.

Они уже вышли в коридор.

Направо был буфет, дальше — раздевалки. А налево висела плотная занавеска и над ней надпись: «Посторонним вход воспрещён».

— Глядите-ка, — говорит Мишка, — что-то там, наверное, жутко интересное, давайте заглянем?

— А надпись? — спрашивает Нина.

— А-а! Подумаешь! Мы в щёлочку!

Ребята осторожно раздвинули занавес и в тускло освещённом коридоре увидели двоих людей. Они что-то рассказывали друг другу и весело смеялись.

Вдруг Митька выпустил занавеску и принялся так хохотать, что чуть на пол не сел.

— Ты чего это? — испуганно спрашивает Вика. — Ты не заболел?

— Эх мы! Эх и обвели же нас! Эх и надули! — в восторге приговаривает Митька и хохочет — не остановиться ему.

— Да кто?! Кто?! — спрашивают все.

— Клоун с этим самым Арчилом! — говорит Митька. — Во, глядите, видите, это они там разговаривают!

— Точно! — говорит Мишка. — А Коберидзе ус отклеивает, видите? Значит, никакой он не Коберидзе.

— Значит, нас... — растерянно спрашивает Нина.

— Точно! Поняла? — кричат все.

— Ну здорово! Ох и здорово же, мальчики!

— Тогда всё это в десять раз смешнее, — говорит Митька.

— Тогда да!

Ключ

Митька, Мишка и Лёшка учились стоять на голове.

После цирка Мишка будто с ума сошёл. Он решил сделаться акробатом и каждую свободную минутку норовил стать на голову. Но одному ему скучно было стоять и глядеть на мир в перевёрнутом виде. Поэтому он к друзьям своим привязался.

— А ещё друзья, — говорит, — у меня уже вся спина в синяках, а вы не поддерживаете.

— Почему же спина, если ты на голове стоишь? — спрашивает Митька.

— А вот попробуй, тогда узнаешь! Может, во мне великий акробат притаился. Меня поддерживать надо, если я дарование.

— Ну ладно, пошли, раз дарование, — говорит Лёшка. — Зрители нам не простят, если загубим.

Они пошли в самый конец школьного сада на лужайку под огромным тополем, и Мишка стал их учить.

Надо было согнуться углом, упереться головой в землю и сильно оттолкнуться ногами. Мишка говорил, что это проще простого.

Р-р-раз! И стоишь на голове!

Но получалось совсем не так.

Р-р-раз! И не стоишь на голове. Только ноги чуть-чуть подпрыгнули.

Р-р-раз! И лежишь на спине — смотришь в небо.

Митька чуть себе шею не свернул, даже хрустнуло что-то. И про Мишкины синяки сразу стало понятно.

Потом пошли домой.

— Это ничего, что не получается, — жизнерадостно говорит Мишка, — вы на свои синяки плюньте.

— Лучше я на твои, — ворчит Лёшка.

— Главное — тренировка! — кричит Мишка. — Каждый день теперь будем сюда ходить!

Митька с Лёшкой переглянулись. Они молчали.

У Митьки так болела шея, что не поворачивалась, а у Лёшки скрипела нога и норовила сама собой уйти в сторону.

Но дело не в этом, а в том, что у самого дома выяснилась неприятная вещь — Митька потерял ключ.

Он стоял перед собственной запертой квартирой и третий раз выворачивал карманы.

Но ключа всё равно не было. Видно, выпал, когда Митька учился стоять на голове.

Он со всех ног бросился в сад... и чуть не столкнулся с папой.

— Ты куда, Митяй, несёшься, как реактивный? — спрашивает папа.

— В сад, — говорит Митька.

— А ты уже обедал?

— Ещё нет.

— Кру-угом! — командует папа. — Обедать, марш!

Папа размахивал пакетами в обеих руках и прыгал через три ступеньки.

Митька за ним еле успевал.

— Ну-ка, Тяша, открывай быстренько, — говорит папа, — я голоден, как сто волков.

Митька снова стал выворачивать карманы. С унылым выражением лица.

— Что это ты пыхтишь-вдыхаешь? — спрашивает папа. — У тебя ключ есть?

Митька отвернулся, ковырнул площадку носком ботинка и ничего не ответил.

— Посеял? — спрашивает папа. — Это уже третий, кажется?

— Второй, — говорит Митька.

— Ох и растяпа! Уму непостижимо! В кого ты только такой уродился, хотел бы я знать?

Папа засмеялся, передал Митьке все пакеты и сунул руки в карманы. Он долго и тщательно искал, шептал что-то и снова принимался искать.

А потом как-то странно поглядел на Митьку и улыбнулся.

— Ну дела, Митяй! Как же мы в дом-то попадём?

Ох и обрадовался же Митька.

— И в кого я только такой уродился? — кричит, а у самого рот до ушей.

— Ты чему радуешься? — спрашивает папа. — Ты не больно-то веселись! Влетит нам обоим от мамы, ох и влетит!

Они вышли на улицу, стали ждать маму.

Смешно! Стоят под своими собственными окнами, а домой не попасть.

Окна на втором этаже открыты настежь, а дома грибной суп и котлеты.

Митьке вдруг так есть захотелось, что слюнки потекли.

— Ох и есть же охота! — говорит.

А мамы всё нет и нет.

Вдруг Митька хлопнул себя по лбу — совершенно гениальная мысль пришла ему в голову.

Это же проще пареной репы! Надо залезть в окно и открыть дверь изнутри!

Благо, возле самого окошечка проходит водосточная труба. По ней забраться — пустяковое дело.

Но папе эта мысль показалась не очень гениальной.

— Ну-ну, — говорит, — не выдумывай! Шею сломать хочешь? Ещё чего — по трубам лазать!

Но сам подошёл к трубе и подёргал.

— Крепкая, — говорит и задумчиво смотрит на окно.

— Можно? — спрашивает Митька.

— Нет, нет! Это опасно, — говорит папа и снова дёргает трубу. — Вроде крепкая.

А мамы всё не было.

— Ну вот что, Митяй, — говорит вдруг решительно папа, — держи пакеты, а я попробую туда забраться.

И папа полез по трубе.

Митька стоял внизу и говорил ему, куда ставить ногу.

Потом рядом с ним остановились два старичка с авоськами. Потом мороженщица с тележкой. Потом студент с чертежом под мышкой. Потом моряк с трубкой. Потом... Потом.... Целая толпа собралась.

И все давали папе ценные советы и указания.

Папа был совсем уже близко от окошечка, когда кто-то ка-ак засвистит. Митька оглянулся, а это милиционер. Он пробрался сквозь толпу, постучал согнутым пальцем по трубе и сказал:

— А ну-ка, гражданин, слазьте!

— Да вы не беспокойтесь, — говорит папа, — я уже почти добрался!

— Вот это меня и беспокоит, — отвечает милиционер. — Немедленно слазьте, а то засвищу!

И как засвистит! У Митьки даже уши заложил!

Папа подумал немного и стал спускаться. Такой свист человеку вынести невозможно.

Только он спрыгнул на тротуар, а милиционер его за руку — хват, под локоток.

— Пройдёмте, — говорит, — гражданин.

— Куда? — спрашивает папа.

— В отделение милиции. Выясним, что вы за птица.

Тут Митька не выдержал.

— Это не птица никакая! — кричит. — Это мой папа!

— Понимаете, — говорит папа и краснеет. — У нас ключа нет.

— Понимаю, — говорит милиционер, — откуда же ему взяться. И-их, и не стыдно мальчонку-то в такие дела впускать.

— В какие такие дела? — удивляется папа.

— Известно, в какие, — говорит милиционер, — в тёмные. Пройдёте!

— Поймали голубчиков? — спрашивает вдруг остроносая шустрая старушка. — А ишшо в шляпе, — говорит, — это надо же ж — при белом свете дня такое!

Митька вцепился в папин рукав и от возмущения и от растерянности просто онемел.

Вдруг слышит — мамин голос. Мама пробиралась сквозь толпу и тревожно спрашивала:

— Что произошло? Кого поймали?

— Мазуриков опасных, — отвечает старушка, — кого ж ещё?!

— Мама, мама, это нас поймали, — кричит Митька, — меня и папу!

Толпа расступилась, и мама увидела Митьку с папой.

Она так испугалась, что сделалась белая с голубоватым оттенком.

— В чём дело, — спрашивает громким шёпотом. — Боже мой, что вы такое натворили, неугомонные?!

Папа ещё больше покраснел, ничего не ответил, только отвернулся с возмущением.

А милиционер козырнул — откашлялся и докладывает.

— Я, — говорит, — этого гражданина, — и показывает на папу, — с трубы снял.

— С трубы?! Господи, с какой ещё такой трубы?!

От изумления глаза у мамы в два раза больше стали.

— С водосточной, — говорит милиционер, — этот гражданин вон до того окна добирался.

— Ясное дело, — говорит старушка, — а ишшо в шляпе! Грабитель!

— Собственной квартиры, — бурчит папа.

Мама поглядела на своё окошко, потом на папу с Митькой, потом снова на окошко да как начала хохотать! Милиционер сперва удивился, потом улыбнулся, а потом тоже как захохочет. Понял, видно.

И все засмеялись. Стоят и смеются. Один папа не смеялся.

Но потом улыбнулся и он. Глупо ведь стоять и не смеяться, если смешно.

А Митька взял его под руку и маму под руку и повёл домой. Есть суп с грибами и котлеты.

21

Приняли!

Сегодня приняли вторую звёздочку, приняли «Светлячков» в пионеры!

В пионеры их приняли!

Митька пришёл домой тихий, задумчивый, какой-то плавный.

У него был повязан красный галстук, и он двигал шеей осторожно, будто нёс на голове широкий стеклянный сосуд, наполненный до самых краёв водой, и боялся её расплескать.

Дома было торжественно. Белая скатерть постелена — хрустящая, крахмальная. В прозрачном бульоне плавали золотистые звёздочки, а к нему любимые Митькины пирожки с мясом. Маленькие с коричневой хрустящей корочкой, тающие во рту.

И цветы в вазе.

И голубцы в сметане.

Но всё это Митька заметил потом, а сперва не замечал.

Он только себя замечал, мелькающего в зеркале, — торжественного, с пунцовым галстуком на шее и алыми, горящими щеками.

Вот и свершилось!

Папа не отпускал обычных своих шуточек. Он сидел в кресле, без газеты в руках, и задумчиво, чуть печально поглядывал на Митьку.

А мама хлопотала, расставляя парадные голубые тарелки, и тоже поглядывала на Митьку.

— Ну чего вы, — смущённо говорит Митька, — такие...

— Какие? Какие мы, Тяша? — спрашивает мама.

— Ну, такие... молчаливые совсем. И переглядываетесь.

— Вырос ты, Митяй, — говорит папа задумчиво. — Здорово ты вырос. Вот уже пионером стал...

— Выходит, мы уже старые... Сынище-то какой! Пионер! А давно ли... Миша! А давно ли мы... — говорит мама и странно так улыбается, будто хочет заплакать.

— В том-то и дело, — говорит папа, — будто вчера... Помнишь, я ещё галошей Оську Барбака на линейке по голове стукнул за то, что он тебя за косичку...

— Помню, — говорит мама. — А они теперь галош не носят...

— На линейке?! — поражается Митька. — Как же можно?

— Да понимаешь, старик, — смущается папа, — как-то всё было... Тёмный коридор... нас как сельдей в бочке — школа маленькая, в три смены учились, толкались, торопились... А всё равно запомнили. Я этот день до сих пор помню. Я как раз накануне хлебные карточки потерял. Хорошо ещё, конец месяца был... Но я не из-за карточек запомнил — из-за клятвы. Это была первая моя клятва, которую я давал. А вы?

— Мы тоже давали, — тихо говорит Митька.

— А мурашки по спине бегали? — спрашивает папа.

— Откуда ты знаешь?! — поражается Митька.

— Я, брат, всё знаю, — говорит папа. И он снова странно как-то переглянулся с мамой и задумался.

А Митька пытался вспомнить этот день во всех подробностях и никак не мог. Слишком он волновался.

Помнил только торжественные лица третьеклассников, построенных в каре — квадратом, вернее, даже не торжественные, а разные — взволнованные, чуть испуганные, помнил чистый серебристый голос горна, сухую дробь барабана и звенящий голос пионервожатой.

«...Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину...» — нараспев говорила она. Помнил оглушающий стук своего сердца, мгновенно пересохший от волнения рот и собственный глухой, непохожий голос, слившийся с голосами своих товарищей: «...перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину...». И мурашки, бегущие по спине, и покалывающие в кончики пальцев морозные иголки. Как же можно в такой миг кого-нибудь галошей по голове?! Уму непостижимо!

В те мгновения Митька бесконечно любил всех на свете: товарищей своих, Таисию Петровну, маму, папу — всех.

А потом он услышал непонятные звуки, скосил глаза и увидел, что Вика Дробот плачет.

— Ты чего? — спрашивает Лёшка. — Что с тобой?

— Я не знаю, мальчики! — шепчет Вика. — Я ничего не знаю! — И улыбается сквозь слёзы.

И Митька понял, что это не слёзы, а будто бы грибной дождик, когда светит солнышко и не понятно, откуда он взялся, — лёгкий и весёлый. Он вдруг неожиданно стал очень многое понимать про себя и про других людей, будто на глаза надели волшебные очки.

А потом тот самый семиклассник, с которым была великая битва из-за голубя, подбежал к Митьке, повязал ему на шею прохладный, приятно скользкий по подбородку галстук, ласково ткнул кулаком в бок и шепнул:

— Носи, победитель!

И другим ребятам повязали галстуки. И о чём-то говорила бабушка Лисогонова, совсем непохожая на бабушку, — весёлая и молодая.

Но Митька ничего уже не слышал. Он слушал самого себя, и что-то внутри у него трубило и бухало, как духовой меднозвонящий оркестр. И Митька знал, что не забудет этот день всю свою долгую будущую жизнь.

Пожар

По профессии Митькин папа журналист, а по призванию — народный умелец.

У него и друзья все умельцы.

Митька людей из этого племени по глазам узнаёт в любой толпе. Глаза у них с какой-то сумасшедшинкой.

Когда папе приходит в голову очередная идея, мама срочно начинает хлопотать о командировке, потому что жизнь в это время в доме становится затруднительной.

Стоит только вспомнить знаменитую эпопею с табуреткой.

Когда папа решил, что для нормального существования семье необходима сделанная его руками табуретка, Митька демонстративно стал сушить сухари, угрожая сбежать из дому куда-нибудь на границу с Монголией или даже дальше.

Дом переполнился самыми разными столярными инструментами: рубанками, фуганками, кнопками, шерхебелями всякими, а древесина была представлена во всём своём многообразии от морёного дуба до сандалового дерева.

Всюду были стружки, опилки, обрезки досок, а в кухне на газовой плите булькал, распространяя неслыханное зловоние, клей, который папа варил по собственному рецепту, — из коленной чашечки ископаемого мамонта.

Ему эту чашечку прислал с полуострова Таймыр старый приятель, тоже народный умелец.

На сиденье пошла инкрустированная перламутром столешница старинного столика.

Через полтора месяца табуретка была готова.

И тут оказалось, что у неё одна ножка длиннее остальных.

Папа её подпилит, и тогда она сделалась короче других.

Тогда папа подравнял остальные, но первая непонятным образом вновь стала самой длинной.

Папа озадаченно оглядел своё детище, хотел расстроиться, но передумал и улыбнулся.

— Прекрасно! — говорит. — Вышло даже лучше, чем я замышлял! Зачем нам табуретка, если есть прекрасные стулья. Смешно! А вот скамеечка для ног в каждом доме необходима.

Он уселся поплотнее в своё любимое кресло, прицелился, положил ноги на бывшую табуретку... и она благополучно развалилась.

В этот день было воскресенье, мама уехала в гости к подруге и папа решил вывести ацетоном ржавый подтёк в ванне.

Митька лежал на диване в узком коридорчике и читал любимую свою книжку про капитана Немо, а папа чистил ванну.

Причём этой благоуханной жидкости у него была полная литровая бутылка и ещё одна такая же стояла в углу ванной комнаты.

Папа чистил ванну с размахом, как истый умелец. Потом раздался мелодичный звон, запах резко усилился и Митька понял, что одной бутылки уже не существует.

За спиной его раздалось пыхтение и невнятное бормотанье.

Затем послышалось чирканье спичек и тут же гулкий непонятный хлопок. Но Митька не обернулся — как раз в это время капитан Немо схватился с громадным осьминогом.

За спиной топот и сопенье резко увеличили темп, и всё это на фоне непонятного гула.

Но Митька всё ещё не оборачивался, хоть и начал смутно подозревать неладное. Наконец читать уже стало невозможно, потому что глаза ел дым.

Митька поднялся с дивана и обнаружил, что в квартире пожар.

Ацетон горел свирепо и весело — тяга в ванной была отличная, — пламя аж гудело. Помимо ацетона горели: пластмассовая шторка, посудная полка, деревянный ящик аптечки и два старых стула с мягкими сиденьями, подвешенные к водопроводному стояку.

В этом дыму и пламени метался папа, бессмысленно махал руками и что-то нечленораздельно выкрикивал. Что-то вроде: «Кыш! Кыш!»

Он вдруг выскочил в коридорчик, весь закопчённый, в прожжённой и грязной бывшей голубой пижаме, захлопнул за собой дверь в ванную и сообщил Митьке шёпотом:

— Горим!

Потом увидел его перепуганное лицо и утешил.

— Это ничего, ничего! — говорит. — Главное, мамы дома нет! Это здорово, что её нет! Сейчас всё само прогорит, ты не бойся! — И вдруг нервно захихикал: — Нет, ты гляди — горим! Цирк какой-то. Можно сказать, полыхаем!

В это время раздался сильный взрыв и стало понятно, что от жара лопнула вторая бутылка ацетона.

Дверь начала трещать и коробиться. А из вентиляционного окошечка с металлическим жалюзий вылезли острые языки пламени и стали вкрадчиво лизать обои, а один, самый нахальный, умудрился лизнуть папино ухо.

Папа с воплем отскочил, дверь распахнулась, и вот тут Митьке стало по-настоящему страшно, просто сердце захолонуло.

В ванной был ад крошечный. Гудящий жарким пламенем, изрыгающий густые клубы дыма ад.

— Я вызываю пожарных, — дрожащим голосом говорит Митька и хватает телефонную трубку.

— Вызывай! — кричит папа.

Митька набрал ноль-один.

— Не вызывай! — бросается к нему папа и нажимает на рычаг.

— Сгорим ведь, — кричит Митька.

— Тогда вызывай!

Набрал ноль-один.

— Стой! Не вызывай! — Папа снова стучит по рычагу.

— Но почему?! Почему?! — кричит Митька во всю глотку и видит, что папино ухо стало похоже на оладью — на ухе волдырь.

— Стыдно... — тихо признаётся папа, — может, оно само... как-нибудь прогорит...

И тут Митька почувствовал себя очень взрослым и очень решительным.

— Стыдно ему! Небось дом поджигать не стыдно, — ехидно говорит он. — Хватит! Вызываю пожарную команду!

И он набрал ноль-один.

— Пожар! — пугает он собеседника каким-то писклявым, не своим голосом. — Горим! Просто ужас какой-то!

— Не выдумывай! — лениво отвечает трубка и даёт отбой.

Секунду Митька ошалело глядел прямо перед собой, потом вновь, срывая ноготь от нетерпения, набрал ноль-один.

— Безобразие! — вопит. — У нас пожар! Мы горим, а вы...

— Перестань хулиганить, девочка, — строго говорит трубка. — Это тебе не шутки!

Девочка! Митька просто дар речи потерял от негодования.

Тут за дело взялся папа.

— Вы нас, конечно, извините за беспокойство, — говорит он интеллигентным голосом, — но мы и вправду, в некотором роде, э... горим!

Митька уже не видел папу. Он даже собственной руки не видел — такой дым. У него слёзы катились градом. И он решил действовать сам, потому что неторопливость пожарного дежурного его насторожила.

Он распахнул окно и двери.

Ведро в доме было одно — мусорное. Он схватил его, высыпал мусор прямо на пол. Но ведро не поместилось между кухонным краном и раковиной. И тогда Митька бросился через лестничную площадку к соседям.

На его суматошный звонок дверь открыла соседка. Он оттолкнул её, удивлённую, бормотнул извинения и бросился к ванной комнате.

В ванной весь в мыльной пене сидел сосед Макар Гаврилович — у него был банный день.

Митька зачем-то щёлкнул каблуками и сообщил:

— Горим!

И зачерпнул мусорным ведром воду из ванны.

У соседа изумлённо вытаращились глаза, он поджал ноги и испуганно прошептал:

— Ты чё?! — шепчет. — Ты чё?! Ошалел?!

Митька увидел мельком своё отражение в зеркале — вид его был ужасен. Впечатление такое, будто им чистили дымовую трубу. Но до вида ли тут было! Митька вбежал к себе в квартиру, с размаху выплеснул воду в огонь и дым.

И так раз десять — от соседей к себе, пока в ванне не кончилась вода.

Всякий раз, прежде чем зачерпнуть, Митька, совершенно непонятно почему, щёлкал каблуками, как какой-нибудь гусар или даже кавалергард, и извинялся перед Макаром Гаврилычем.

А тот сидел, поджав ноги, и стыдливо прикрывался мочалкой.

И пожар погас.

Остался только дым и ещё пар.

— Говорил тебе — не вызывай, — говорит тут назидательно папа. — Ну что мы пожарным скажем? Только зря людей побеспокоили! Беги вот теперь встречай. Скажи — всё в порядке, пускай едут обратно.

Митька побежал на улицу. Тут к нему бросились Нина Королёва и Мишка Хитров.

— Ой, Митька! — говорит Нина. — Это у вас пожар?

— У нас! — гордо отвечает Митька.

— Какой же ты страшный! Всё сгорело?

— Нет. Погасили, — отвечает Митька.

— Эх ты, — кричит Мишка и чуть не плачет от зависти, — а ещё друг называется! Не мог позвать!

— Да некогда, понимаешь, было, — оправдывается Митька.

— Некогда! Эх ты, Митька. Дождидайся теперь следующего пожара! Не думаешь ты о друзьях, тебе бы только самому удовольствие получить, — ворчит Мишка.

Но тут во дворе появилась пожарная машина. Две машины. С воем могучих сирен.

— Всё! Уже всё! Погасили! Поезжайте обратно, я сам погасил, — радостно кричит Митька и машет руками.

На него — ноль внимания.

Все пожарные в зелёных касках, а командир в никелированной. Он отстранил Митьку могучей рукой и стал отдавать короткие приказания.

Мгновенно развернулся серый шланг, набух второй. Из машины, как живая, вылетела серебристая лестница, к восторгу зевак, пожарные полезли в Митькино окно.

Туда же направили тугую струю воды. Раздался звон бьющихся стёкол.

— Стойте! — орёт Митька. — Перестаньте.

Он схватил наконечник брандспойта и рванул его из рук пожарного.

Струя ударила по толпе зевак, несколько человек повалились, как кегли, остальные с воплями разбежались.

— Стоп! — приказывает блестящая каска. — Кто таков?

— Хозяин, собачий сын! — кричит какой-то мокрый как мышь старичок. — Сперва пожары зажигают, после по людям водой холодной! Безобразия!

— Почему мешаете работать? — строго спрашивает командир.

— Да ведь не горит уже! Погасили! — кричит Митька плачущим голосом. — Там дым один остался, а вы туда водой!

— Поглядим! Ведите!

И Митька повёл его к себе домой. Двое пожарных, влезших в окно, деловито растаптывали полуобгоревшие стулья, которые были подвешены к водопроводному стояку.

Меж ними метался мокрый, закопчённый, оборванный папа и смущённо извинялся.

Командир в блестящей каске тщательно осмотрел ванную, велел выбросить тлеющую посудную полку.

Потом насмешливым, протяжным взглядом посмотрел на папу, на Митьку и усмехнулся.

— Мда-а! — говорит. — Погорельцы! Хороши! Штрафануть бы вас рубликов на пятьдесят для острастки.

Папа согласно закивал головой, начал хлопать себя по воображаемым карманам, но пожарный жестом остановил его.

— Ладно, — говорит, — на первый раз прощается. До свидания... коллеги!

И он ушёл.

А папа подошёл к Митьке, обнял его за плечи и усадил на диван.

— А всё-таки мы молодцы, — говорит, — не растерялись. Особенно ты не растерялся. Знаешь, я начинаю думать, что из тебя, может быть, даже что-нибудь и получится в будущем. Что-нибудь такое приличное. Возможно даже, человек.

Несчастье

И вот всё рухнуло! Всё было кончено! Столько старались, соревновались, добивались неслыханных показателей, и всё рухнуло из-за глупой случайности. Вот уж не повезло так не повезло!

Даже Лисогонов, на что уж явный враг, и тот был потрясён жестокостью, с которой судьба обрушилась на несчастных «Светлячков».

Рыдала Вика — виновница несчастья. Она рыдала от того, что виновница. Рыдала Нина из солидарности с Викой и ещё от обиды.

Кусали губы и мужественно сдерживали слёзы Митька, Лёшка и Мишка, но в душах их было смятение, и внутри себя они никак не могли примириться с крушением своих надежд. В горе своём они даже унизились до того, что принимали соболезнования и выслушивали всякие утешительные слова.

Все их жалели.

Одна только первая звёздочка «Помогаев», может быть, втихомолку радовалась.

Потому что «Помогаи» заняли в соревновании последнее место и по всем правилам в поход идти не должны были. А теперь, после всего случившегося, они шли, а «Светлячки» оставались дома. И всё из-за этого нелепого случая.

Но надо рассказать по порядку, иначе непонятно.

Всё было прекрасно. Ничто не предвещало беды. «Светлячки» перешли в четвёртый класс без троек, и были они теперь не звёздочка, а пионерское звено.

А как всякому человеку понятно, пионерское звено совсем не то, что малышовая октябрятская звёздочка. Взрослые люди, с них спрос другой.

Это и сказала старшая пионервожатая при директоре школы, когда выносила своё решение о суровом наказании «Светлячков».

И они приняли это решение гордо и мужественно.

Только Вика рыдала, потому что виновница.

Так вот. Ничто не предвещало беды, а, напротив, предвещало одну только радость.

В соревнованиях у них было прочное второе место с отрывом в целых семь очков от «Добрых хозяюшек». Хоть Лисогонов и кричал, что это несправедливо, и ещё слово такое выкопал — «произвол». Он четыре раза пересчитал очки, и всякий раз «Светлячки» были впереди.

Два дня оставалось до конца учебного года. Всего два коротеньких весенних, удивительно тёплых денёчка, потому что было уже почти лето.

И четыре дня до того жданного целый год знаменательного числа, когда двадцать третий пионерский отряд, как теперь называется 3-й «а», а практически уже 4-й «а», должен был отправиться в поход.

В первый пионерский поход, в лес, с ночёвкой и без единого родителя. Уже заготовлены были рюкзаки, полные всем необходимым, пригнаны по фигуре лямки, заряжены свежими батарейками электрические фонарики, свёрнуты по-солдатски, в скатки, байковые одеяла и, самое главное, были улажены все спорные вопросы с родителями, которые никак не могли понять, как это без них можно ночевать в страшном и тёмном лесу.

А родители сопротивлялись до последнего.

Вот примерный перечень того, что должно было обрушиться, по их мнению, на несчастных, незащитных детей:

1. Железнодорожные катастрофы.

2. Грозы и ливни.

3. Тёмный лес:

а) можно заблудиться,

б) можно провалиться,

в) можно ушибиться,

г) глаза выколоть,

д) попасть в лесной пожар,

е) свалиться с дерева.

4. Разбойники и прочие злые люди.

5. Волки и медведи.

6. Речки и озёра.

7. Сырая земля.

8. Недоброкачественные консервы.

9. Эпидемии:

а) чумы,

б) холеры,

в) энцефалита,

г) сибирской язвы.

10. ... и т. д. и т. п.

В большинстве случаев только вмешательство Таисии Петровны помогало преодолеть эти непреодолимые препятствия. А тут ещё с Колькой-Николенькой пришлось возиться.

Он решил во что бы то ни стало отправиться со своими друзьями «Светлячками». А его атласная мама решила во что бы то ни стало воспрепятствовать этому. Ни уговоры «Светлячков», ни уговоры Митькиного папы (а Викин и пытаться не стал, знал, ещё хуже будет, если он вмешается) не помогали.

Тогда Колька объявил голодовку и проголодал целых четыре часа, но его мама применила коварный приём: она пустила в ход слёзы — и от голодовки пришлось отказаться.

Ничто не помогало.

И опять же — только вмешательство Таисии Петровны решило Колькину участь.

«Светлячки» поклялись ей, что Колька-Николенька человек достойный, рассказали ей о его геройском поведении во время потопа и в битве с семикласником, и она поверила своим ученикам, пошла и победила непреклонную Колькину маму.

За что «Светлячки» уважали Таисию Петровну ещё больше. Хотя больше уже, казалось бы, и нельзя было.

И вот всё рухнуло!

Можете себе представить? И это после того, как были пройдены столь неслыханные испытания, о которых говорилось выше!

А всё из-за шестиклассников.

Это они изобрели и успешно испытали водяные бомбы.

Делалась бомба просто: брался развёрнутый тетрадный лист, складывался таким особым образом в трёхгранный кулёк, туда заливалась вода, и готово дело!

Когда такую бомбу сбрасывали с третьего этажа, она с восхитительным звуком шмякалась об асфальт и взрывалась брызгами.

Просто какая-то эпидемия началась с этими бомбами!

Но «Светлячков» она не коснулась. Тем обиднее было то, что произошло. Вика даже не сама эту злополучную бомбу сделала. Ей её тот самый Севка из третьего «б» подарил, тот, с загнутыми вперёд ушами, из-за которого Митька попал однажды к директору на расправу.

Просто какая-то зловещая фигура был этот Севка! Одни от него неприятности! Он дал Вике бомбу, и тут уж, конечно, невозможно было удержаться, чтобы не швырнуть её в окно.

Попробуйте удержитесь, если сможете. Вика не удержалась.

И надо же было, чтобы в это время под окном проходил тот самый скандальный старичок, которого Митька окатил из брандспойта.

Просто фантастика какая-то, как везло этому старичку на водные процедуры!

Пять миллионов жителей в Ленинграде, а бомба упала на голову этому старичку.

Если быть точным, не на голову, а на плечо, но это особого значения не имеет, потому что окатило его здорово. Что тут сделалось!

Старичок поднял такой крик, такой скандал, что и рассказать трудно. А когда всё звено в полном составе, с рыдающей Викой во главе, предстало перед ним в директорском кабинете, он узнал Митьку.

— Я нечаянно, — шепчет Вика сквозь слёзы, — простите меня, я не нарочно.

— Это заговор! — кричит старичок. — Никакого прощения! Требую сурового и примерного наказания.

— Честное пионерское, я не нарочно, — говорит Вика, рыдая.

— Один из брандспойта хлещет, другая из окна обливается! Одна шайка-лейка, — бушует старичок. — Требую сурового наказания!

Директор и старшая пионервожатая извинились от имени школы перед пострадавшим и обещали примерно наказывать виновных. И наказали. Примернее уж некуда.

«Светлячков» не взяли в поход.

Один за всех, и все за одного.

Костёр в сосновом бору

Когда Митька и Лёшка посвятили в свой план всех остальных, наступила какая-то странная, громкая тишина. Громкая потому, что каждому слышно было, как бухает его сердце.

Всё опальное звено плюс Колька-Николенька стояло в дальнем углу школьного сада, под тем самым тополем, где недавно ещё Мишка тренировался на акробата, и молча таращились друг на друга.

И глаза у всех горели фиолетовым огнём, а у Мишки рыжим.

— А если родители узнают? — шепчет Колька.

— А как? — говорит Лёшка.

— А потом? Потом-то узнают? Со мной мама не знаю даже, что сделает, — шепчет Колька.

— Потом пусть! Потом можно чего хочешь вытерпеть! — говорит Митька. — Главное, понимаешь, чтобы сейчас не узнали.

— Ох и здорово! — шёпотом кричит Нина Королёва.

— Вот это да! Блеск! — криком орёт Мишка.

— Ой, мальчишки... — говорит Вика Дробот и, как обычно, начинает капать слезами.

— Что такое? Ты чего это? — спрашивает Лёшка.

— Ой, мальчишки... А я уже всё папе рассказала, — плачет Вика, — он обещал в школу пойти, попросить...

— Эх ты! — кричит Мишка. — Опять всё из-за тебя срыгается!

Но тут Вика в голос! Лёшка нахмурился, что-то про себя прикинул, рубанул рукой воздух.

— Тихо! — говорит. — И ты, Дробот, не реви! Тут что главное? Быстрота и натиск тут главное! А ну пошли к твоему отцу!

— Зачем? — спрашивает Вика сквозь слёзы.

— Затем. Надо его задержать, чтобы не ходил в школу. Нас всё равно простить невозможно. Только план провалится. Мы придём и скажем, что нас простили и берут в поход.

— Нет, — говорит Вика, — так я не могу. Это будет враньё.

Лёшка задумался. И все задумались. А потом Мишка говорит:

— Правильно — это будет враньё. Только это будет враньё не на всю жизнь, а на один день. Потому что, — говорит, — завтра утром, перед тем как из дому уйти, ты своему папе оставишь на видном месте записку. И там всё расскажешь. Мы тоже подпишемся. И тогда уже вранья не будет, а будет правда.

— Ух ты, — говорят все с облегчением. — Во Мишка! Во голова!

Все засмеялись будто бы радостно, все задвигались, но как-то не слишком весело, а суетливо, потому что в душе каждый был не очень-то уверен, что из вранья так просто сделать правду.

Но так уж хотелось в поход, таким он был долгожданным — целый год о нём мечтали, что каждый немножечко поборолся сам с собой и укору совести победил. Или сделал вид, что победил. Для самого себя.

Викин папа распахнул дверь, пропустил ребят в комнату и заулыбался. В руках он держал кисть, а штаны его были перепачканы краской — Викин папа работал.

— Ага! Явились, малолетние преступники! — говорит. — Ну ладно уж, можете плясать, потому что я...

— Не надо! Уже не надо никуда ходить! Нас и так простили и берут в поход! Ладно уж, говорят, только чтоб в последний раз обливать прохожих, — перебивает его Лёшка до того неправдивым голосом, что самому ему и всем остальным стало противно.

Викин папа удивлённо вскинул брови и уставился на Лёшку. Потом по очереди поглядел в глаза каждому. И каждый не выдержал, опустил голову.

— Вот оно что, — каким-то странным голосом говорит Викин папа. — Вот оно, выходит, какие дела! Амнистия вам, значит, вышла, прощение то есть...

— Ага, прощение, — говорит Лёшка и делается такого же цвета, как собственный галстук на шее, а глядя на Лёшку, краснеют и все остальные.

— Да-а, — тянет Викин папа, — не знал я, что вы такие...

— Какие? — спрашивает Митька, и сердце у него обмирает.

— Такие... невиновные теперь люди, — усмехается Викин папа и поворачивается к ребятам спиной. — Ну

что ж, — говорит он не оглядываясь, — счастливого вам пути. Идите, гуляйте пока, мне работать надо.

И ребята тихонько, на цыпочках вышли. И как-то неловко им было глядеть друг на друга.

Сбор для всего отряда был назначен у подъезда школы в восемь часов. «Светлячки» плюс Колька пришли в половине восьмого. Только не к подъезду, а под арку дома, что напротив школы. Одеты они были по-походному, с рюкзаками за спиной. Правда, вид у них был совсем непривычный — лица хмурые, невыспавшиеся какие-то.

— Записку оставила? — спрашивает Мишка Хитров.

— Оставила, — отвечает Вика.

— Ну вот что, — деловито говорит Лёшка, — нам нужен связной. Без связного мы пропадём. Он нас должен со всем отрядом незаметно связывать, чтоб никто не догадался. Кто в нашем классе самый хитрый?

— Ясно кто, — говорит Мишка, — Лисогонов, ух какой хитрющий.

— Правильно! А в нашем звене самая незаметная Нина Королёва. Вот и надо, чтоб она с Лисогоновым связалась и всё ему объяснила.

— Это почему же я самая незаметная, — обижается вдруг Нина, — моя мама говорит, что у меня глаза, как фонарики!

— В темноте, что ли, светятся? — деловито спрашивает Лёшка. — Так это не как фонарики, а как у кошки.

— Дурак! — говорит Нина. — Не буду я связной, раз незаметная.

— Чудачка, — объясняет Лёшка, — а кто же будет? Митьке нельзя — он Лисогонова вареньем обкормил и фелетон на него написал. У Вики, гляди, свитер какой полосатый, в глазах рябит. А у Мишки на голове будто костёр разложили. Они же заметные очень, поняла?

— А ты?

— Я?! — возмущается Лёшка. — Звеньевой я или не звеньевой? А командир командовать должен.

— Всё равно ты самая красивая, — выпаливает вдруг Митька, и сам пугается своих слов, и пятится, и прячется за Мишкину спину.

Нина вдруг заулыбалась во весь рот, потрянула головой так, что волосы разлетелись, и говорит:

— Ладно! Я согласна! Я пойду! Сейчас же!

— Сейчас ещё рано, — говорит Лёшка и важно отдёргивает рукав свитера, будто у него там часы.

Ох и обрадовался же Лисогонов, когда узнал об оказанном ему доверии!

То есть это он сперва обрадовался, а потом так расстроился, что даже слёзы на глазах выступили.

— Эх, — говорит, — живут же люди! Тайнственной жизнью. А я тут иди со всеми, как баран, безо всякой загадочности!

— Зато ты будто бы лазутчик, будто бы связной, как у партизан, — утешает его Вика.

Тут Лисогонов снова обрадовался и напустил на себя такой таинственный вид, какой ему полагалось по новому званию.

Сперва всё шло как по маслу. Только Таисия Петровна вела себя странно. Она задержала выступление отряда на целых двадцать минут и всё время нервно поглядывала на часы. Потом вздохнула тяжело и сказала:

— Обиделись, наверное. Ну что ж, ребята, двинулись в путь!

А кто обиделся и на кого, Лисогонов и все остальные так и не поняли. И весь отряд зашагал к станции метро «Площадь Восстания».

А вслед за отрядом, осторожно лавируя среди прохожих, на некотором расстоянии кралось наказанное звено «Светлячков».

Отряд в метро — и звено в метро. Отряд на Финляндский вокзал — и звено за ним. Отряд в электричку — и звено в электричку, только в другой вагон. А перед этим подбежал таинственный Лисогонов и загадочно сообщил, что билеты надо брать до станции Зеленогорск.

Всё шло хорошо. Только когда ещё спускались по эскалатору, Кольке показалось вдруг, что далеко позади мелькнула долговязая фигура Викиного отца.

Он тут же сказал об этом, все с испугом оглянулись — никого нет, стоят стеной незнакомые люди.

— Эх ты, — говорит Лёшка, — что ж он, под эскалатор провалился?

— Значит, ошибся, — с недоумением пожимает плечами Колька.

— Паника на корабле, — говорит Митька.

Все засмеялись, одна Вика притихла и всё оглядывалась — уж она-то своего отца знала получше других — как-никак десять лет знакомы.

Но и она ничего подозрительного не заметила.

Когда электричка тронулась, через каждые несколько минут стал появляться взволнованный Лисогонов и шёпотом сообщать новости, «держаться в курсе», как он говорил. Но никаких особых новостей не было, потому что всю дорогу отряд распевал песни.

Лисогонов сообщил: пионервожатая не смогла поехать, потому что в этот день выходила замуж. И это была единственная стоящая новость. Раньше все думали, что из-за болезни не поехала.

Бегал Лисогонов, бегал и чуть не добегался до беды.

Его Таисия Петровнахватила. Зная беспокойный лисогоновский характер, кинулась по вагонам искать.

Еле-еле успели присесть, спрятаться за высокие спинки сидений.

Таисия Петровна осмотрела близорукими глазами вагон, никого не увидела и пошла по проходу.

Тут, правда, у Лисогоновахватило ума вскочить и броситься ей навстречу.

Он заработал выволочку и больше не появлялся.

Самое неприятное началось на станции Зеленогорск.

Вышли из электрички, благополучно прошли подземным переходом под платформами к автобусным остановкам. И тут выяснилось, что к озеру Красавица, куда направлялся отряд, ходит только один автобус № 415 и ходит редко.

Только Мишка успел это разузнать — подходит этот самый автобус и туда с шумом и гамом начинает садиться весь отряд.

Что делать? Ждать следующего? А если потом не найти будет ребят на этой самой Красавице, на которой никто из звена не был? А если заблудятся? А если...

— А чего это мы должны бояться, — говорит решительно Лёшка, — они сами по себе, мы сами по себе. Автобус общий. Айда, ребята!

— С какой стати бояться! — кричит Митька.

— Общий автобус! — говорит Колька.

— Побежали! А то он сейчас тронется! — кричат Мишка, Нина и Вика.

Ввалились в автобус и тотчас же наткнулись на Таисию Петровну. Она торопливо пересчитывала ребят — не остался ли кто.

И вдруг — нате вам! Является наша отверженная пятёрка с Колькой в придачу. Таисия Петровна просто остолбенела, а потом вскрикнула что-то непонятное и давай тискать ребят, и смеяться, и целовать, и слёзы у неё на глазах выступили.

— Милые мои, — говорит, — хорошие! Как же вы здесь оказались совсем одни? А я думала, вы обиделись и потому не пришли!

— Как же мы могли прийти, если нас не взяли в поход, — резонно отвечает ей Митька.

— Как это не взяли? — удивляется Таисия Петровна и смотрит на Вику. — Вас же простили! Я ведь с твоим папой вчера разговаривала, Вика! Всё ему сказала! Как же он мог промолчать?!

Тут пришла пора ошалеть от изумления нашим ребятам.

— Постойте, постойте, — говорит Митька, — теперь мне понятно, почему он на нас так странно глядел и разговаривал таким необычным тоном голоса! Он же всё знал! Знал, что мы ему врём!

И тут все поглядели на Мишку Хитрова, который придумал, как легко из вранья делать правду. Тот попятился.

— Вы чего? Чего это вы? — говорит. — Я один виноват? Да?

— Бросьте вы ссориться, ребята, — говорит Таисия Петровна, сразу почуввав неладное, — главное, мы опять все вместе, весь наш класс, и ещё главное — никто не потерялся.

И тут автобус тронулся, и все прилипли к окнам.

Ах что за чудо было это озеро Красавица! Вот уж кому не зря было дано такое имя.

Огромное, спокойное, в крутых песчаных берегах, поросших высоченными корабельными соснами — из любой хоть сейчас делай мачту.

А в воде те же сосны, только вниз головой. И получается, будто два леса — один в небо тянется, другой ныряет в озеро.

А вокруг смолой пахнет и свежей водой, а под ногами толстый слой рыжих скользких иголок.

Место для стоянки выбрали прекрасное — на большой

поляне, рядом с крутым спуском к воде. Обрыв был из мельчайшего жёлтого песочка. Хочешь — кувyrкайся вниз, хочешь — беги гигантскими шагами, увязая в рыхлом, мягком песке чуть не до колен.

Естественно, каждый тут же испробовал способ, который ему по душе.

Даже Таисия Петровна не удержалась — прыжками спустилась к озеру, зачерпнула лесной воды в ладони, умылась и засмеялась от радости. Купаться было ещё нельзя — вода была холодная, и потому все занялись самым серьёзным делом — стали ставить палатки.

Тот, кто никогда не ставил, думает — легко. Митька и сам сперва так думал, пока не попробовал.

Их звену плюс Кольке досталась большая палатка — на четверых взрослых, и прежде чем её поставили, пришлось здорово попотеть. Часа два, наверное, ставили и потели. Чуть все не переругались.

— Ты куда тянешь эту верёвку, — кричит Колька, который неожиданно опять вдруг превратился в Николеньку и стал командовать, стоя в стороне, — тяни в другую сторону! Да раздёргивайте, раздёргивайте! — кричит. — Эх вы, неумейки!

Наконец Митька не выдержал.

— Ты вот что, Николенька, — говорит он нехорошим голосом, — иди-ка сюда, я сяду верхом на твои могучие отгантелей плечи и привяжу верёвку повыше к этой сосне.

Колька как услышал, что его назвали Николенькой, сразу присмирел и покорно выполнил Митькину просьбу. А Лёшка уселся на Мишку — тот был повыше.

Натянули верёвку меж двух сосен, и палатка повисла на ней как большая простыня.

Потом нарубили еловых лап, выложили ими прямоугольник земли, раздёрнули над ним палатку и так забили колышки, что парусина аж зазвенела. Это было как чудо! Из морщинистой брезентовой простыни вышел дом!

Да какой! Просторный, под брезентовым полом еловые лапы пружинят, а внутри таинственный зелёный полумрак.

Три одеяла постелили вниз, три оставили, чтобы укрываться. Уютный получился дом, просто душа радовалась смотреть, просто вылезать из него не хотелось.

Лей, дождь! Дуй, ветер! Теперь всё нипочём!

Потом кто картошку чистил, кто воду носил, кто хвост собирал и костры разжигал, кто обед готовил.

Только запахло из двух больших котелков тушёнкой да картошкой, вдруг слышит отряд, голос из густого ельника хриплым басом говорит:

— Это что тут за люди бродят, тушёнку с картошкой варят, меня, оголодавшего, соблазняют так, что слюнки текут? Вот уж я вас сейчас пощекочу!

Не успел ещё никто как следует испугаться, как из ельника выходит долговязый худой дядька в берете с плоским фанерным ящиком на боку.

Кто это был, догадались? Ясное дело — он.

Вика как завизжит, как кинется к нему.

— Папка! — кричит. — Папка!

Викин папа остановился, поглядел на неё удивлённо, будто не узнаёт, и спрашивает:

— Кто это? Может быть, это та девочка, которая сегодня говорит одно, а завтра пишет в записках другое и кладёт их на видное место?

В отряде все с недоумением переглянулись. Все, кроме, разумеется, пятерых человек, которые глядели в землю, и выражения их глаз было не разобрать. Вдруг выходит вперёд Мишка и говорит:

— Это я, — говорит, — всё придумал. Вика тут ни при чём.

— Нет, это я придумал, — говорит Лёшка и тоже выходит.

А за Лёшкой и Мишкой вышли Митька, Нина и Колька. Они ничего не говорили, только стояли рядом, потому что один за всех и все за одного.

— Да в чём дело? Объясните наконец, что тут происходит, — говорит Таисия Петровна.

— Да! Объясните! — кричат все.

Викин папа поглядел внимательно всем шестерым в глаза и улыбнулся.

— Ладно, — говорит, — малолетние преступники, пусть это будет нашей тайной. Я картошки с тушёнкой хочу. Просто помираю.

И все повалили обедать.

— Папка, — шепчет Вика, — ты за нами следил?

— Ага, — отвечает, — моя фамилия Пинкертон, я знаменитый сыщик.

— А почему ж ты так долго не приходил?

— Как увидел, что вы в автобус сели, пошёл пешком, прогуляться, а не то что вы, лентяи, токари по хлебу.

Это был бесконечный и очень счастливый день.

А потом наступил вечер и озеро стало розовым от зари.

И тогда вспыхнул костёр. Костёр, к которому весь отряд шёл целый год.

Его сложили у самой воды, от кустов и деревьев, чтобы не наделать пожара. Вокруг костра уселся весь отряд, и первой спели самую лучшую пионерскую песню, которую знали:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи.
Мы пионеры,
Дети рабочих...

Ночь была синяя. Взивался костёр. И все они были детьми рабочих, инженеров, журналистов, полярников, моряков, художников, продавцов, лётчиков, а один даже сыном укротителя удавов.

Потом были другие песни, все, какие только знали. И конечно, любимая Митькина:

Там, вдали за рекой,
Засверкали огни,
В небе ясном заря догорала...

И Митька распевал во всё горло, и никто не сравнивал его с сиреной океанского буксира. И Лёшка пел, а не только открывал рот. Отблески костра металась по озеру, и любопытные рыбы время от времени выпрыгивали из воды, чтобы послушать и поглядеть.

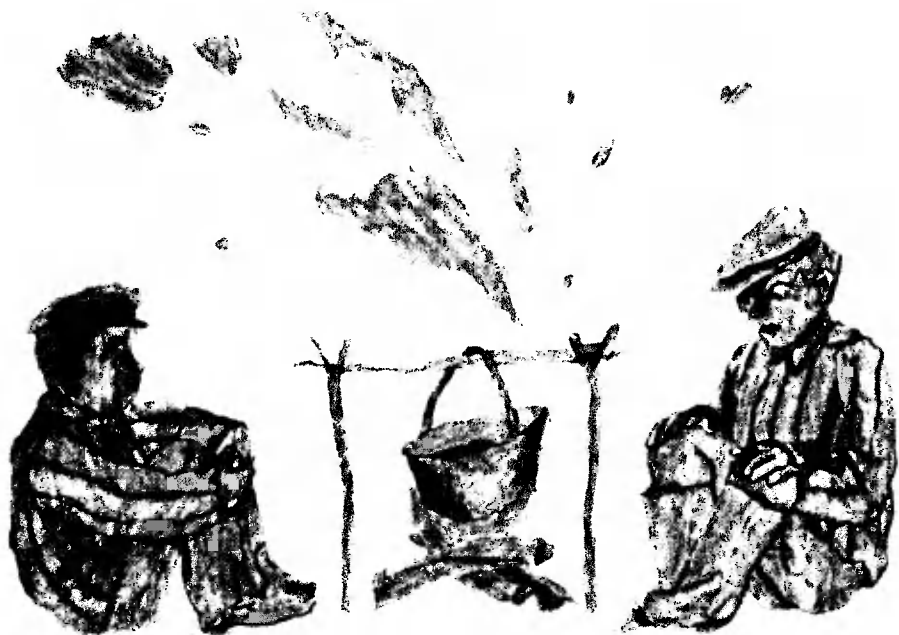
Густым басом пел Викин папа. Тоненько, как звонок, выводила Таисия Петровна. Пел весь отряд.

Это были их первые пионерские песни и первый пионерский костёр. Огромный, рыжий, лохматый, как Мишкина голова. Яростный костёр в сосновом бору, на берегу красивого озера Красавица. И сосны стояли вокруг, как литые из меди или как натянутые латунные струны. И была потом первая ночёвка в лесу.

И Митька, и Нина, и Лёшка, и Вика, и Мишка, и Колька, и все остальные запомнят этот костёр, и этот вечер, и эти песни на всю свою остальную долгую жизнь.

Они ещё не думали, что запомнят. Они просто пели, смеялись, и разговаривали, и глядели на огонь. Но они запомнят, вы уж мне поверьте.

ЛОСЬ

РАССКАЗ

В шхерах ни ветерка. Оловянная вода застыла. Изредка гулко плеснёт щука, медленно разойдутся круги, тускло блеснёт под сереньким небом пологая волна.

Десятки островов разбросаны в шхерах, продолговатые, лесистые, безлесые. Некоторые совсем голые, как горбушка хлеба, — сплошной гранит. Не острова, а громадные валуны в десятки, а то и сотни метров в поперечнике.

Митька и Гоша сидели у костра, ждали, когда поспеет уха.

Митька местный. Он всего года на два старше Гоши, ему тринадцать, но Гоше он кажется совсем взрослым.

Гоша считает, что нет такого на свете, чего бы не умел Митька. Руки у Митьки загрубелые, мозолистые; за что бы он ни взялся — за топор ли, за вёсла ли — всё становится лёгким и послушным.

А у Гоши нервная мама. Если Гоша опаздывает домой, она плачет и заламывает руки. И Гоше становится стыдно.

Когда Гоша попросил Митьку съездить на остров Игрий, Митька только буркнул:

— Не съездить, а сходить. По воде ходят.

В огороде он накопал червей, бросил в лодку удочки и два драных ватника — себе и Гоше.

И они поплыли.

Митька и не подумал спрашивать у отца разрешения. Просто оттолкнул лодку и взялся за вёсла.

Хорошо, что Гошина мама была в городе, а то бы они никуда не поплыли.

Гоша представил себе, как мама стала бы плакать, прижимать его к груди, — и ему пришлось бы остаться.

И всё на глазах у Митьки.

Хорошо быть самостоятельным! Просто двое мужчин собрались на рыбалку. Сели в лодку и поплыли. И ничего тут нет особенного.

На корме под скамейкой стоял закопчённый котелок. В нём, в бумажных пакетиках, соль, перец и лавровый лист. И две деревянные ложки.

— Уху станем варить, — сказал Митька, и у Гоши сладко ёкнуло сердце. Варить уху на необитаемом острове! Он хотел улыбнуться, но сдержался. Нахмурил брови и кивнул головой. Понятное дело — уху, подумаешь!

Отец у Митьки егерь. Он охраняет зверей, чтобы их не обижали. Отец высокий, бородатый. И всё время молчит. Только улыбается. Тогда его маленькие медвежки глазки под хмурыми бровями голубеют и становятся такими же, как у Митьки, — добрыми.

Остров был круглый. Будто специально сделанный — круглый-круглый.

Ялик вытащили на пологий гранитный натёк, привязали к берёзе.

Рыба клевала как сумасшедшая. Сначала Гоша боялся толстых, извивающихся червей. Он брезгливо брал их из консервной банки, черви крутились и никак не хотели насаживаться на крючок.

— Хорош червь. Злой, — говорил Митька и смачно плевал на червяка.

Но когда Гоша вытащил первого окуня — полосатого, упругого, с красными плавниками и нахальной пастью, — черви перестали его заботить.

Он лихо насаживал их, забрасывал удочку. Тотчас плавок вздрагивал и косо уходил вниз. Леска натягивалась, со звоном резала воду — жжик! Жжик! С чмоканьем вылетал очередной окунь, шлёпался на камни, бился там, колодил хвостом.

Гоша с хищным выражением лица хватал его, вытаскивал глубоко заглотанный крючок и сажал на кукан. Окунь соскальзывал по шпагату к другим своим собратям по несчастью, плескался, негодовал, потом успокаивался.

Изредка попадались серебристая плотва и маленькие жёлтые ерши — колючие большеголовые уродцы.

Митька складывал их отдельно.

— Сгодится по первому разу. Навар будет, — таинственно говорил он.

Сквозь прозрачные тучи проглядывало солнце. Оно медленно скатывалось к горизонту.

Гошу колотило от азарта, он нервничал, если леска запутывалась, топал нетерпеливо ногой. Митька поглядывал на него и усмехался.

— Заводной ты парень, горячий, — говорил он.

Гоша готов был удить хоть всю ночь, но Митька смотал удочку и сказал:

— Хватит. Нам больше не съесть.

— Ну ещё немножечко, Митька! Ещё парочку! — взмолился Гоша.

Но непреклонный Митька отобрал у него удочку и сказал:

— Нечего рыбу портить. Пусть живёт. Нам больше не надо.

Они стали потрошить рыбу. Вернее, потрошил Митька. Он ловко вспарывал окуням животы, чистил их, промывал в воде. Гоша тоже пробовал, но тут же уколол палец об острый плавник, отбросил рыбу и сунул палец в рот.

— Иди-ка лучше костёр запали, — сказал Митька и отобрал у него нож, — только раскладывай на камне, а то лес займётся. Здесь сухо.

Гоша натаскал хворосту и зажёг костёр с одной спички. Это он умел. В пионерлагере он был костровым. Гоша исподтишка взглянул на Митьку и заметил, как тот одобительно улыбнулся.

Гошу обдала горячая волна радости: впервые Митька так ему улыбался.

Он принёс воды, приладил палку на двух рогульках, подвесил котелок и устался на огонь.

Это так здорово — глядеть на огонь! Острые язычки пламени лижут ветки, будто маленькие пасти, ненасытные и жаркие, хватают, хватают... Глядишь, и ветка налилась малиновым жаром, потом по ней пробегают синие огоньки — и она рассыпается тугим пеплом.

Дома, в городе, у Гоши паровое отопление. Он завидует тем, у кого печки. И всегда удивляется, что люди мечтают сломать их и поставить пыльные чугунные батареи.

Вода вскипела.

Митька бросил в котелок ершей и плотву. Глаза у рыб сразу поблёкли, стали костяными. Митька подождал немного, потом ложкой выбросил рыбёшек из котла прямо на траву.

— Зачем ты их выкинул? — удивился Гоша.

— Затем, что это называется двойная уха. Сейчас мы туда окуней положим.

Он деловито, как опытная хозяйка, клал соль, подсыпал перец. Изредка черпал ложкой прозрачную жидкость, ожесточённо дул на неё, пробовал и причмокивал от удовольствия.

— Во какая уха, — он поднимал большой палец, — с дымком! Ты небось такую не едал.

— Не едал, — отвечал Гоша и глотал слюнки: уж очень Митька всё это аппетитно делал.

Вот это жизнь! Сидеть у костра, обжигаясь, глотать душистую уху и глядеть на тяжёлую стылую воду! А вокруг никого. И никто не делает замечаний, когда отщипываешь хлеб руками, и никто не велит сидеть прямо. Хоть лёжа ешь. Только лёжа неудобно.

Гоша расправил узкие плечи и почувствовал себя очень сильным. Выйди сейчас из лесу медведь, Гоша не испугался бы. Он бы поступил, как Митька.

— Митя, а медведи тут есть?

— Угу. Говорят, есть. Я сам не видел, но батя говорит — есть.

— А что будем делать, если сейчас медведь выйдет?

— Как «что»? — удивился Митька. — Удерём!

— Удерём! — весело согласился Гоша.

Необитаемый остров, уха, медведи! С ума сойти можно! Расскажи Гоша такое в школе — никто не поверит. Ну и пусть не верят.

— Хорошо тебе живётся, Митька, — вздохнул он.

— Угу, — согласился Митька.

Уху выхлебали до дна. Окуней обсосали до косточек. Костёр догорал.

Митька вынул из воды кукан с оставшейся рыбой, бросил её в лодку.

— Ну что, поплыли?

— погоди немножко, — попросил Гоша.

Он прилёг на густой, упругий мох и глядел в небо. Уезжать не хотелось.

Вдруг Митька прислушался.

— Моторка идёт, — сказал он.

Гоша услышал далёкое стрекотание и привстал. Моторка приближалась.

Мальчишки взобрались на высокий валун, огляделись.

Недалеко, метрах в пятидесяти от соседнего маленького островка, они увидели на воде что-то тёмное. Но это была не лодка. По проливу кто-то плыл.

— Лось плывёт, гляди! — крикнул Митька.

Гоша вгляделся и ясно увидел широкие плоские рога и длинную морду, торчавшие из воды.

И тут-то из-за мыса выскочила моторка. Дальше события разворачивались стремительно и непонятно.

В лодке были двое.

Они тоже заметили лося; моторка круто повернула и направилась к нему. Быстро догнала лося. Мальчишки увидели, как человек на носу взмахнул причальной цепью и ударил лося по голове.

Голова скрылась под водой и тут же показалась снова. Опять человек махнул цепью, и лось ушёл под воду.

— Что же они делают, Митька? — прошептал Гоша.

— Утопят сохатого, утопят ведь, гады! — бормотал Митька и пританцовывал на месте.

Лось вынырнул. Плыл он медленно, тяжело. Двое в лодке посовещались, и сидящий на носу петлёй набросил цепь на рога. Цепь соскользнула. Тогда человек поднял что-то со дна — верёвку или проволоку, — обмотал цепь вокруг рогов и привязал её.

Цепь натянулась и потащила лося к берегу.

— Бежим к лодке! — крикнул Митька и стал спускаться с валуна.

Но тут произошло такое, чего ни Гоша, ни Митька никак не ожидали.

Лось вдруг выпрыгнул из воды. Видно, он достал ногами дно. Он рванул лодку, подпрыгнул, лодка перевернулась, и двое очутились в воде.

А лось нёсся вперёд. Подвесной мотор обломил кормовую доску и утонул. Лодка выскочила на камни и с грохотом волочилась на боку за лосем. Он тащил её всё дальше, и лодка стала разваливаться на глазах.

От бортов отлетали крупные щепки, потом отвалились две доски.

А сохатый легко, казалось, без всяких усилий продолжал волочить её по камням.

Наконец измочаленную, разбитую лодку заклинило между двух валунов.

Лось напрягся, рванулся и вырвал цепь вместе с кольцом.

Он оглянулся, гневно, торжествующе протрубил и в два прыжка скрылся в густом сосняке. Цепь свисала с его рогов до земли.

Тогда только мальчишки опомнились. Они переглянулись и расхохотались.

Всё произошло мгновенно. Двое ещё барахтались в воде. Потом они выбрались, спотыкаясь о валуны, на берег и уставились друг на друга.

С них ручьём стекала вода, кепки обвисли. Они постояли немного, потом стали подпрыгивать, чтобы согреться.

Митька неторопливо слез с камня, направился к лодке. Гоша шёл рядом.

Когда двое увидели лодку, они радостно завопили, замахали руками. Они даже вошли по колено в воду.

Митька медленно грёб. Потом остановился метрах в двадцати от берега.

— Ну, что ж вы, ребята? Гребите сюда! Хо-олодно! — клацкая зубами, закричал тот, что стоял в воде.

Митька молчал и пристально разглядывал двух мокрых людей.

— Возьмём их, Митька, замёрзнут ведь, простудятся, — сказал Гоша.

— Ещё чего. Пусть замёрзнут. Запомнят лучше, — сквозь зубы ответил Митька.

Он развернул лодку и погрёб прочь.

С острова раздался отчаянный вопль. Митька оглянулся и крикнул:

— Эй, браконьеры! Вы тут попрыгайте! Или искупайтесь ещё. А я за вами батьку пришлю. Расскажите ему, как сохатого чуть не утопили.

И он налёг на вёсла. А Гоша притих и глядел на голосащих браконьеров.

Он вдруг почувствовал себя совсем маленьким рядом с решительным и непреклонным Митькой.

Потом Гоша вспомнил беспомощного лося, которого били цепью по голове, и отвернулся от тех двоих.

Совсем ещё детское, пухлощёкое лицо его неожиданно стало суровым и жёстким.

С ПАРУСОМ ЗА СПИНОЙ

РАССКАЗ

Хрустящий город

Вот это была зима! Две недели, не переставая, валил снег. Сухой, пушистый и лёгкий. А потом мороз поднажал — и весь город заскрипел, как тугой кочан капусты.

Одно удовольствие было бродить по такому городу. Под ногами сочно хрупало, на деревьях громоздились пушистые папахи; отряхнёшь ветку — и игольчатую пыль прорежет замороженная бледная радуга.

Неторопливо проезжали рыбацкие обозы. Мохнатые заиндевелые лошадёнки тащили широкие розвальни. В санях на охапках сена лежали неподвижные рыбаки с кирпичным румянцем и курили махорку. Сзади к розвальням были прибиты длинные шесты с толстой верёвочной сеткой между ними. Туда складывали улов.

Лёд в заливе был гладкий, полированный ветром. Только кое-где белели зализанные вытянутые островки снега.

Как-то так получилось, что, когда шёл снег, в заливе была вода — весь снег утонул. И теперь лёд был голый. Как на катке.

Мальчишки на санках вылетали по пологому спуску в залив и катились долго-долго.

У Володьки санок не было, зато были у Генки. Одних им вполне хватало.

Правили по очереди. Это было непростое искусство: вытянутая нога волочилась позади; повернёшь ногу вправо — санки влево, и наоборот. Одно плохо: из-за спины переднего ничего не видно. Иной раз нога не туда повернётся и оба ныряют с головой в сугроб. Зато если всё в порядке, санки бесшумно выпрыгивают на лёд и уносятся метров на двести от берега.

Только Генка каждый раз ворчал и ругался, когда шёл назад. Ему не нравилась пословица: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Он говорил, что сейчас XX век.

По этому же спуску шли обозы. Возницы привставали на колени. Туго натягивали вожжи. Лошадёнки пугливо прядали ушами, упирались, приседали и так, почти ползком, выбирались на лёд. Там белела накатанная дорога. Лёд был выщерблен копытами и скользкий. Узкая белая полоса, извиваясь, уходила к горизонту, рассыпалась чёрными точками — даже не верилось, что эти точки — тоже обоз.

Каникулы только начались. Снег вспыхивал под жёстким зимним солнцем, и стеклянно зеленел залив.

Мороз, будто грубой шерстяной рукавицей, обдирает щёки, и где-то в груди, распирая её, рвалась наружу весёлая сила.

Скорости летящих вниз санок не хватало. Володька и Генка подпрыгивали на ходу, старались подстегнуть санки и орали, орали во всё горло, потому что молчать было никак невозможно.

Потом, толкаясь, взбирались вверх и снова — холодящее сердце мгновение полёта. Вверх — вниз! Вверх — вниз!

Не успеешь оглянуться, а солнце раскалённой каплей уже скатилось по круглому небу — и надо идти домой.

Сизыми, одеревенелыми пальцами Володька долго растёгивал в коридоре пуговицы, стаскивал замороженные валенки и в одних носках бежал к печке. Обнимал горячий изразцовый бок, прижимался к нему по очереди твёрдыми, как яблоки, щеками и блаженно закрывал глаза.

Мама ворчала, говорила, что это кончится воспалением лёгких, и наливала полную тарелку густого, пахучего борща. Володька тянул носом, и у него от нетерпеливого голода начинали дрожать коленки. Пальцы ещё неуверенно держали ложку, но Володька в две минуты выхлёбывал борщ и просил добавки.

Мама добрела и улыбалась потихоньку. За котлетами глаза у Володьки слипались, и прямо от стола он брёл к постели.

Смутно, сквозь сон, слышал, как приходил с завода отец. Мама что-то говорила ему негромко, наверное, о нём, о Володьке, и папа гулко смеялся.

А потом сон наваливался мягкой подушкой, и Володька снова нёсся на санках, выбирался, хохоча, из сугроба, а Генка, сорвав с остриженной наголо головы шапку, орал что-то непонятное, и оттопыренные его уши пылали на морозе. Генка набегал, хватал за плечи и кричал прямо в ухо: «Володька-а!»

Володька просыпался и видел весёлую Генкину рожу, заляпанную расплывчатыми бледными веснушками.

А за окном горел уже и переливался новый день.

Изобретатель воздушного шара

Генку распирали идеи. Одна другой лучше. Но человечество почему-то относилось к ним недоверчиво. Находились даже такие типы, которые просто хихикали. Сёмка Харкевич, например.

Но не таков был человек Генка, чтобы обращать на это внимание. Если уж он вбивал себе в голову что-нибудь всерьёз, то становился таким напористым и красноречивым, что Володька только диву давался. А тем, кто раньше хихикал, было уж не до смеха. Они становились занятыми людьми. Они Генке помогали.

Так было осенью, когда он изобрёл воздушный шар. Ему полетать захотелось.

Не только лучший друг Володька, но и Серёга Трусов и даже Сёмка Харкевич слушали и вертели головами от Генкиного нахальства.

А Генка заливался соловьём. Он до того договорился, что пообещал обязательно открыть какой-нибудь неоткрытый

остров. Пусть самый маленький островочек, но неоткрытый. Он говорил, что самолёты очень быстро летают, могут и не заметить. А на воздушном шаре можно медленно полететь и всё высмотреть.

Из-за этого они чуть с Сёмкой не подрались. Сёмка сказал, что никаких неоткрытых островов нету. Не осталось таких островов. А Генка сказал, что есть. А Сёмка сказал, что нету.

— А я вот дам тебе разок, тогда узнаешь! — сказал Генка.

Володьке и Серёге пришлось их разнимать. Но всё равно Генка их уговорил. Все четверо утащили из дому скатерти из прозрачной плёнки и несколько дней склеивали их.

Генка сделал чертёж. Наверное, это был самый ясный и простой чертёж на свете: на листке в клетку был нарисован круг. И всё.

— Это шар, — сказал Генка, — надо клеить так, чтобы вышел шар.

Но сколько ни клеили, шар не получался. Из четырёх маленьких скатертей получалась одна большая. Плоская.

Тогда Генка взял её за углы, собрал края в складочку и привязал к бамбуковой палке.

— Теперь надо надувать дымом, — сказал он, — всё разгладится.

Раздобыли пачку «Беломора», стали надувать.

Через час их отыскал Сёмкин отец. Они лежали рядом с уродливым морщинистым мешком зелёненькие, как огурцы, и плевались жёлтой тягучей слюной. А вокруг валялись окурки.

Не разобравшись в Генкиной идее, родители высыпали всем четверым за папиросы. А когда разобрались, добавили ещё за скатерти.

Человек-буер

Гулко хлопнула дверь. Володька оглянулся и увидел Генку — красного и взъерошенного. И дышал он так, будто за ним гнались собаки.

— Ну, Володька! Ну, Володька, — только и сумел сказать он.

— Ты чего, Генка! Случилось что?

Генка рукой нарисовал в воздухе нечто неопределённое, потом, отдышавшись, сказал:

— Я, Володька, такое придумал — все ахнут! Уж теперь-то точно — ахнут!

— Воздушный шар? — спросил Володька.

— Брось ты! Я тебе серьёзно говорю.

— А тогда?

— Что «тогда»?

— Тогда ты несерьёзно говорил?

— Ну перестань, Володька. Что ты сравниваешь? Тут такое дело! Тут уж действительно — да! Я тебе сейчас чертёж покажу.

Володька даже отодвинулся немного. Если уж появился чертёж, — значит, дело серьёзное. Генка зря чертить не станет.

Не такой он человек, чтобы зря чертить.

Генка вытащил знакомый листок в клетку, развернул его, любовался немножко и протянул Володьке.

— Вот! — гордо сказал он.

Володька так и этак повертел бумажку, потом уставился на Генку. Его всегда поражала предельная простота Генкиных чертежей. Ничего лишнего.

— Что «вот»? — спросил он.

На бумажке был аккуратно начерчен квадрат. Ровненько так. Четыре угла. Квадрат как квадрат.

И больше ничего.

— Это что? — спросил Володька.

— Это — человек-буер, — сказал Генка.

Володька снова заглянул в бумажку.

— Где человек?

— Ты человек, и я человек, — сказал Генка.

— Правда? Всё-то ты знаешь, Генка. Умница ты. А буер где?

— Где, где! Что ты заладил! Это лист фанеры. Тут пробиваем две дырки и тут две. В эти дырки верёвку и в эти. Получатся лямки. Лямки на плечи, фанеру на спину — и готово! Надевай коньки — и ты человек-буер. Фьють! — Генка пронзительно свистнул. — Гони хоть через весь залив. Как на ракете. Понял?

— Понял. Как на воздушном шаре.

— Ты балда! — Генка разозлился. — Ты же знаешь, какой ветер в заливе! И лёд гладкий. А фанера будто бы парус. Понял?

Володька всё прекрасно понял. Это было здорово. Что ни говори, а Генка всё-таки голова! Человек-буер! Мальчишки всего города сбегутся смотреть. Но Володьке не понравилось слово «балда», и он упрямо покачал головой. И отвернулся. С равнодушным лицом. Будто ему всё равно.

— Ну, как хочешь, Володька, — Генка встал, — я тебя последний раз спрашиваю: будешь строить?

Он медленно пошёл к двери. Решительно взялся за ручку, но на пороге задержался и вопросительно взглянул на Володьку.

— А фанеру где возьмём? — деловито спросил Володька.

Генка просиял, подался к нему. Было видно, что ему очень хочется подбежать и всё поскорее выложить. Но он сдержался, подошёл не торопясь, будто бы нехотя.

— Всё продумано, — важно сказал он. — У нас в сарае стоит старый книжный шкаф, он, по-моему, никому не нужен. Иначе чего бы ему стоять в сарае? У него задняя стенка из фанеры. Как раз на двоих хватит.

Не простое это дело — приладить коньки к валенкам. Не всякий приладит. Очень даже просто запутаться в верёвках. Целая сложная система верёвок и палок. Надо, чтобы коньки были прикручены намертво. Палками стягивают верёвочные петли до тех пор, пока просторный валенок не станет совсем тесным. Сложное это дело.

Волоча листы фанеры, Володька и Генка появились на берегу, когда солнце уже садилось. В заливе было пусто — все разошлись по домам. Генка приуныл. Он жаждал признания и восторгов. Но Володька по горькому опыту знал, чем кончаются испытания новых изобретений. Особенно Генкиных. Поэтому он не очень-то печалился.

Спустились на лёд. Дул сильный и ровный низовой ветер с берега, по-местному — «гирловой».

— Ну и ветрище — без паруса несёт, — сказал Володька.

Генка уже возился с лялками.

— Да, здоровый, — рассеянно отозвался он. Володька попробовал приладить фанеру за спину. Как только он поднял её, ветер рванул, ударил тугим кулаком, крутанул Володьку на месте, и тот, не удержавшись, с размаху сел на лёд.

Протискиваясь сквозь ветер, к нему подошёл Генка, сел рядом, помог продеть руки в лямки. Потом Володька помог ему. Они ещё посидели немножко, не решаясь встать.

— Давай, Володька, чего тянуть, — сказал Генка, и они разом поднялись, держась за руки. И сразу же их понесло.

Ощущение было странное. Такое удивительное состояние: будто очень сильная рука ровно толкает в спину, всё быстрее, быстрее, быстрее, — кажется, вот-вот будет последний мощный толчок — и улетишь неизвестно куда. Страшновато и радостно.

Сначала они ехали, вцепившись друг в друга, напряжённые и испуганные. Но ничего не случалось, и постепенно страх проходил, а с ним и скованность. Они почувствовали, как плотно и мягко облепляет спину фанерный парус, будто он всегда был там.

Тело само собой откидывалось назад, опираясь, почти ложась, на плотную воздушную струю.

И от этого чувства могучей и бережной руки за спиной мышцы помягчели, расслабились — и пришло прекрасное ощущение полёта. Володька вспомнил, что такое с ним бывало во сне, и ещё он вспомнил, как всегда обидно было просыпаться.

Они попробовали опустить руки, чуточку разъехались, снова съехались, слегка оттолкнулись и, описав плавную дугу, сошлись далеко впереди.

Генка что-то орал, но Володька почти ничего не слышал: ветер уносил слова. Он разобрал только одну торжествующую фразу:

— Ну как, а?!

— Здорово! — прокричал Володька.

Лёд только издали казался совсем ровным. Да и вблизи не очень-то заметишь маленькие бугорки и складки. Но коньки довольно ощутимо потряхивало на них, и только это напоминало мальчишкам, что они ещё не поднялись на воздух.

Лёд рвался из-под ног, сливаясь в зеленоватую ровную полосу. Володька смотрел вниз, и ему казалось, что коньки застыли на месте, а под ним бешено крутится земной шар. Володька не знал, сколько прошло времени. И наверное, не очень бы удивился, если бы вдруг увидел белых медведей. И Северный полюс. Такой, каким его рисуют на картах, — красный флажок на самой макушке Земли.

А потом случилась беда.

Володька смотрел, как Генка, согнув ноги в коленках, выписывает замысловатую кривую. И вдруг Генка налетел на узкую полосу снега и упал, загремев примороженной фанерой. Володька засмеялся, но Генка почему-то не поднимался. Потом он закричал. Как-то странно закричал, не своим голосом.

Пока Володька сообразил хлопнуться на лёд, его отнесло метров на сто от Генки. Всё ещё улыбаясь, он обернулся и крикнул:

— Чего разлёгся? Кати сюда!

Генка попробовал подняться, но не сумел. Он снова закричал и свалился на лёд. Володька хотел подбежать к нему, привстал, но ветер толкнул его в грудь, рванул фанеру за спиной и потащил по льду. Тогда Володька лёг на живот, высвободил руки из лямок и на коленях пополз к Генке.

Только тут он заметил, как далеко их унесло. Берег был едва виден — рыжий глинистый обрыв желтел узкой полоской там впереди. Володька оглянулся и увидел, что багровое плоское солнце касается уже нижним своим краем залива.

А лёд стал розовым.

Страх толкнул холодной змейкой, и сердце забилося часто-часто где-то высоко, у самого горла.

Володька пополз изо всех сил. Фанера мешала ему, он её бросил. И тотчас она поползла назад, как живая.

Генка сидел, держась за ногу, раскачивался и тихонько стонал. Лицо у него было сморщенное и испуганное.

— Что с тобой, Генка? — спросил Володька и затряс Генкино плечо. Генка открыл глаза, помотал головой.

— Нога, — сказал он, — я встать не могу.

Володька молча стал раскручивать верёвки, снимать Генкин конёк. Потом потащил валенок. Генка охнул и вцепился в голенище.

— Потерпи, Генка! Потерпи, — попросил Володька.

Он осторожно снял шерстяной носок. Нога у Генки сильно распухла в подъёме и посинела.

Володька попробовал растереть её рукавицей, но Генка так заорал, что Володька отдернул руки, будто обжёгся. Кое-как снова натянули носок и валенок.

— Как же ты так, а? — тихо спросил Володька.

— Не знаю, — сказал Генка и отвернулся.

Володьке показалось, что он всхлипнул. И от жалости и какой-то непривычной нежности Володька весь сжался. Ему стало жарко.

— Ты не думай, Генка, я тебя дотащу, ты не бойся, — торопливо сказал он.

— Я не боюсь. Только до берега не дотащишь. Далеко.

— Подумаешь, далеко! Ты садись на фанеру — как на санках поедешь.

Генка покачал головой.

— Далеко до берега, надо туда, — он показал рукой направо, — там рыбацкая дорога. Там нас подберут.

Санки получились хоть куда. Володька связал свой и Генкин ремни, приладил их к одной из лямок фанерного паруса. Он снял коньки, отдал их Генке. Так было легче идти. Сначала показалось, что тащить совсем легко. Ветер дул сбоку, а шёл он по той самой злополучной полоске снега, о которую споткнулся Генка.

А потом снег кончился, начался гладкий лёд. Ноги скользили и разъезжались, и Володька почувствовал, что ветер медленно сносит его в сторону, в глубь залива.

Он перебросил пояс через плечо, согнулся в три погибели и пошёл, упрямо раздвигая плечом ветер, считая про себя шаги.

Генка притих. Он полулежал на фанере, нахохлившись и закрыв глаза.

Стало совсем темно. Берег исчез из виду, только острыми точками горела цепочка фонарей. Очевидно, на набережной.

Володька досчитал до тысячи, сбился, снова стал считать. Потом это ему надоело.

Несколько раз он падал. Снова поднимался и, как заведённый, шёл дальше. Горячий пот тёк по лицу, собирался на носу в большую каплю. Володька сдувал её и тряс головой.

Он думал о том, что десятки раз читал, как двое попадали в беду и один выручал другого. Но в книжках было хоть и жутковато, но понятно. Потому что там такие люди были. Герои. На войне или геологи. А тут — Генка и он. И неизвестно, что ещё будет. Может, рыбаки давным-давно уехали. Что тогда делать? Против ветра им не дойти. Это уж точно. Очень глупо получилось.

«А всё Генка со своими изобретениями, — беззлобно подумал он. — Хотя нет, Генка здорово придумал, как

вперёд ехать. Он только забыл придумать, как возвращаться. Самую малость недодумал... «Двадцатый век», — говорит. А получился девятнадцатый. «Бурлаки на Волге» получились. Из картины Репина».

Володька остановился. Он здорово устал. Пожалуй, никогда в жизни так не уставал. Он сел на фанеру рядом с Генкой и почувствовал, что тот дрожит.

— Замёрз, Генка? — спросил Володька. Он снял свою куртку, набросил Генке на плечи.

— Ты не думай, Генка, мы дойдём, — сказал он, — а если тебе холодно, помаши руками. Руки-то ты не вывихнул. И вообще, чего ты молчишь? Подумаешь, нога! Я три года назад с дерева свалился, руку совсем сломал — и то ничего.

Вдруг Генка резко обернулся. Лицо у него было обтянутое, с заострившимся носом. Он заговорил каким-то неестественным, замогильным голосом:

— Брось меня, Володька. Не дойдём мы. Иди один.

Володька так удивился, ну, просто обалдел от удивления. Сначала он хотел двинуть этого дурака по шее, но потом догадался, что Генка представляет, будто это кино. В кино всегда тот, кого волокут, просит, чтоб его бросили. Из благородства. Хотя по всему видать, что ему жутко этого не хочется.

— Хорошо, Гена, сейчас брошу, отдавай мои коньки, — сказал Володька, — надоел ты мне до смерти. Ты тут посиди один, про воздушные шары подумай, про буера.

— Ты что это, взаправду? — спросил Генка нормальным человеческим голосом.

Володька засмеялся и встал. И сразу же увидел совсем близко огни. С десятков жёлтых расплывчатых пятен двигались наперерез.

— Погляди-ка, Генка! Погляди туда! — крикнул Володька.

— Обоз, — прошептал Генка. Володька изо всех сил потащил санки. Он бежал задыхаясь, оскальзывался, падал, снова вскакивал и бежал, бежал по этому чёртову гладкому льду.

А огни, покачиваясь, медленно проплывали мимо. Совсем рядом. Один... второй... третий... седьмой.

И вдруг Володька с ужасом подумал, что не успеет. Что обоз уйдёт и они с Генкой останутся одни, в темноте, без надежды. А вокруг будет только лёд, и ветер, и ночь...

— Эй, подождите! — закричал Володька. — Эй!

Он обернулся к Генке, бросил ремень и пробормотал:

— Я сейчас. Я их догоню.

И кинулся со всех ног вперёд, к этим живым огням, к людям. У него кололо в боку, но Володька всё бежал и кричал что-то жалкое и совсем негеройское.

Казалось, до последнего огня рукой подать. Ну, вот же он, тут, совсем рядом! Но огонь почему-то не останавливался, а так же, как и другие, подрагивая, медленно уходил.

— Стой же! Эй! — отчаянно крикнул Володька и сел на лёд. Он больше не мог бежать. Ему было всё равно. Он сел на лёд и заревел. От злости, от бессилия, от жалости к себе и Генке. Он сидел на льду, уткнувшись в колени, и ревел, как маленькая девчонка.

А когда поднял голову, огонь был всего в нескольких шагах и двигался прямо на него.

Он остался сидеть. Ноги стали какие-то мягкие, чужие.

Потом к Володьке подошла лошадь, остановилась и ткнулась мягкими ласковыми губами в мокрое лицо. Володька тихо засмеялся и погладил лошадиную морду.

Из саней выпрыгнул громадный рыбак в гремящем брезентовом плаще поверх тулупа и высоко поднял керосиновый фонарь.

— Ты как это... Ты что здесь, пацан, делаешь? — спросил он. И лицо у него было такое изумлённое, что Володька снова засмеялся.

— Там Генка сидит. У него нога вывихнутая, — сказал он.

Рыбак ахнул и побежал, гремя плащом, в темноту и скоро вернулся с Генкой на руках.

— Ох, паршивцы! Ох, паршивцы! — сердито и испуганно говорил он. — Пороть вас, босяков, надо! Ишь затеяли, на ночь глядя! Я вам покажу буер! Я вас, чертей, отцам представлю и не уйду, пока не выпорют.

Он уложил обоих в сани на шуршащее сено, накрыл тулупом. Потом полез в какой-то дальний, внутренний карман, что-то вытащил оттуда и наклонился к мальчишкам. Володька почувствовал на губах бутылочное горлышко, хлебнул из него и, поперхнувшись, закашлялся. Водка резко обожгла горло, прокатилась горячим расплавленным комом в желудок и разлилась теплом по всему телу. Рядом закашлялся Генка.

— Что, босяки, — спросил рыбак, — заledenели совсем? Изобретатели сопливые. Это надо же придумать такое. — Он неодобрительно покачал головой, ещё что-то пробормотал и забрался в сани.

Володька обнял Генку, и они счастливо и немножко глупо заулыбались.

А сани, плавно покачиваясь, покатили по льду.

Над мальчишками в непостижимой вышине дрожала одинокая голубая звёздочка. На шесте, мигая жёлтым пламенем, качался фонарь.

Володька и Генка блаженно вытянулись под мохнатым, тёплым тулупом. Им было покойно и хорошо. Им крепко досталось сегодня, но они боролись до конца и не боялись. Ну может быть, самую малость.

Они прижались друг к другу; сани качались, как большая лодка, и мальчишки поплыли туда, где есть рыбаки в грохочущих плащах, тревожащиеся мамы и тёплый изразцовый бок печки.

ПЕРЛАМУТРОВАЯ РАКОВИНА

РАССКАЗ

Кешка-победитель

Кешка проснулся и резко сел на кровати. Сердце торопливо и гулко бухало на всю комнату. Он сидел оглушённый его ударами и не понимал, что случилось.

Было темно. В черноте комнаты выпукло выделялся тёмно-синий квадрат окна. В верхнем углу его, как жёлтый шмель, шевелилась мохнатая звёздочка.

Потом сердце притихло, затаилось, и Кешка услышал мягкое, усыпляющее тиканье ходиков. Он повернул голову туда, где они висели, и ясно представил себе голубой круглый циферблат с нарисованной кошачьей мордой. Глаза у кошки хитрющие, шмыгают вслед за маятником — кажется, вот-вот подмигнут. Круглые.

Кешка улыбнулся и совсем успокоился. Он снова лёг на подушку и провёл рукой по лицу.

Лицо было мокрое. Кешка удивлённо отдернул руку... и вдруг всё вспомнил.

Вспомнил то, что снилось ему уже вторую ночь подряд: высокую сквозную вышку, море далеко внизу, раскалённые, пахнущие солью доски площадки и весь этот знойный, томительный день. День его, Кешкиного, позора и унижения.

Дом спал. Мирно тикали ходики. И весь город тоже спал, и вся земля. А Кешка был совсем один. И ничего нельзя было вернуть, нельзя было исправить.

Кешка забился к стене, сжался калачиком, стараясь занимать как можно меньше места, и уже наяву заплакал яростными и бессильными слезами.

Он старался не думать, не вспоминать, забыть, но не умел. И думал, и вспоминал, и корчился от стыда.

Кешка приехал в этот южный город из Сибири. Семь дней он просидел, влипнув носом в стекло, — всё глядел, глядел и не мог наглядеться. За окном медленно вращалась Земля — огромная, разная. На седьмой день поезд, изогнувшись, как зелёная гусеница, запетлял между гор. Горы были крутые, и в окошко виднелись только унылые серые стенки, сложенные из косых плиток.

А потом настал час, когда поезд вдруг скользнул в один из бесчисленных дымных тоннелей, лихо свистнул и выпрыгнул в такой ослепительный мир, что Кешка зажмурился. А когда открыл глаза, в лицо ему выплеснулось что-то синее, живое, бесконечное. Это было море.

— Смотрите же! Скорее! — закричал Кешка, но все пассажиры и так уже облепили окна, причмокивали языками и говорили всякие красивые слова.

Море чуть заметно шевелилось, будто дышало, вспыхивало мгновенными иголками бликов и обдавало таким спокойствием, такой силой, что Кешка сразу почувствовал: здесь ему будет хорошо.

В новом городе дома были белые. Всюду росли невиданные деревья, а по улицам ходили необыкновенные люди — красивые и весёлые. Мужчины пускали зайчиков ослепительно белыми штанами, а женщины были такие разноцветные, что рябило в глазах.

Кешка шагал рядом с мамой, и рот его сам собой растягивался до ушей. Он видел, что мама тоже стала необыкновенной. У него была самая красивая мама на свете.

Поселились они в маленьком домике у самого моря. Толстая ласковая хозяйка хлопотала и так радовалась, будто Кешка и его мама самые близкие люди.

— Ох же ж ты мой беленький, худышечка ты моя! И что ж ты такой бледненький, что ж?! — говорила она и гладила Кешку по голове пухлой ладонью. — И какой же ты заморышек! Ну ничего, тётя Люба с тебя человека сделает.

Мама немножко смущалась. А Кешка даже на «заморыша» не обиделся. Ему здесь всё нравилось: и улица, и дом, и хозяйка.

В день приезда возились допоздна — переставляли мебель по маминому вкусу, разбирали вещи, мыли полы. Кешке не терпелось поскорее удрать из дому, сбегать к морю. Но так и не удалось: мама бы без него не справилась.

Легли поздно, и Кешка сразу же уснул как убитый.

Утром, ещё не совсем проснувшись, он почувствовал, как солнечный луч тёплым пальцем упёрся ему в подбородок и медленно пополз вверх. Кешка ждал. Луч шевельнулся, пощекотал губы и остановился на переносице.

Кешка чихнул и окончательно проснулся. Шлёпая босыми ногами, он прошёл на маленькую веранду, загрохотал умывальником, зафыркал колючей холодной струйкой.

Мамы не было. На столе стоял стакан молока, рядом лежали две ватрушки. Кешка наскоро перекусил и выскочил на улицу.

Он стоял на тротуаре и раздумывал. Это было замечательно: куда ни пойти, везде интересно, всё незнакомое.

Кешка поднял голову и обомлел — прямо перед ним торчала узкая, как башня, гора. Вся она была будто бы в кудрявой тёмно-зелёной шерсти, а белая верхушка игольчато вспыхивала на солнце, горела и переливалась.

— Эй ты, белобрысый, а ну-ка иди сюда, — сказал кто-то.

Кешка обернулся и увидел толстого загорелого мальчишку с громадным, лоснящимся носом. «Эк, носище-то какой!» — изумился про себя Кешка и подошёл, улыбаясь.

— Чего зубы скалишь? — крикнул мальчишка и сделал неуловимое, но явное враждебное движение. Он оглядел Кешку с ног до головы прищуренными глазами и сказал:

— Ты тётки Любы квартирант. Квар-ти-рант, — повторил он с таким выражением, что Кешка понял: быть квартирантом очень стыдно.

Кешка перестал улыбаться и стоял выжидая. Носатый хищно пригнулся и пошёл на него. Кешка попятился.

— Ага, удираешь, белобрысый! Боишься! — радостно завопил носатый. — Сейчас ты у меня схлопочешь, от меня не удерёшь! Не таких лупили!

— Ну? — тихо спросил кто-то.

Из соседней калитки вышел мальчишка в майке и синих трикотажных штанах. У него был облупившийся и короткий нос, выгоревшие до рыжины волосы и серые бесстрашные глаза.

— Кого же это ты лупил, Таракан? — спокойно спросил он.

Носатый сразу как-то сник и заискивающе заулыбался:

— Да это я так, Санька. Тут у тётки Любы квартирант объявился. Я к нему подошёл, а он испугался.

— Тебя?

— Ага, меня, — закивал носатый. — Такой пугливый квартирант.

Санька равнодушно оглядел Кешку, пожал плечами и неторопливо пошёл по улице.

Кешка хотел побежать за ним, догнать, объяснить, что это всё враки, ничего он не испугался, просто попятился от неожиданности. Пусть Санька не думает ничего такого, Кешка не трус. Он у себя дома, в Сибири, однажды три дня проплутал в тайге, заблудился. И совсем не боялся. Ну может быть, самую малость.

Но Кешка ничего этого не сделал. Ему было неловко. Он стоял и глядел, как медленно удаляется крепкая, решительная Санькина спина.

Потом Санька завернул за угол, а носатый мелкими шажками подошёл к Кешке и очень больно треснул его по шее. И сразу убежал. Кешка и опомниться не успел.

С этого дня у Кешки началась унылая жизнь. Всё получалось как-то не так, нехорошо. Помимо Кешкиной воли происходили разные неприятные события. Кешка делал глупости одну за другой и не мог остановиться. Будто кто-то посторонний — злобный и вздорный — двигал Кешкиными руками, ногами и языком.

А настоящий Кешка был заколдован. Он изо всех сил хотел освободиться и закричать всем, что он не такой, он хороший. Он же Кешка!

Ему казалось, что носатый Таракан раззвонил всем мальчишкам о том, как он треснул его, Кешку, и не получил

сдачи. «Струсил, струсил», — кривилась перед Кешкиными глазами ненавистная лоснящаяся рожа. А недосыгаемый мужественный Санька презрительно улыбался и отворачивался.

Кешка заходилась от этих мыслей. Он рыскал по улице худой, узкий, весь какой-то заострившийся и искал... «Я им покажу «струсил», — бормотал он, — они узнают!»

...Вот пятеро мальчишек играют в чижа. Подходит Кешка. Насторожённо осматривает компанию. Мальчишки переглядываются. Один что-то говорит. Смеются. «Надо мной», — решает Кешка и стискивает зубы. Лицо у него напряжённое, как сжатый кулачок. Он неторопливо подходит, берёт прямо из-под биты чижа и забрасывает его на крышу.

От такого невероятного нахальства мальчишки цепенеют, вытаращиваются на Кешку и бесшумно шевелят губами. Соображают.

Кешка длинно сплёвывает и усмехается. Тогда начинается драка. То есть дракой это назвать нельзя. Какая же это драка, если пятеро лупят одного? Но Кешка не удирает. Он вертится, отпрыгивает и умудряется каждому влечь хоть разочек... Потом кто-нибудь из взрослых разгонял мальчишек, и Кешка гордо шёл домой.

Когда мама глядела на Кешку, глаза у неё становились большими, печальными. И дрожали губы.

Тётя Люба мазала йодом ссадины, прикладывала примочки и причитала на весь дом:

— У, босяки! Шпана приморская! Ну погодите, я за вас примуся! Вы же ж, босяцкие морды, не знаете, что я с вами сделаю! Вы же ж будете рыдать от страшной боли! — Живот у неё колыхался, она потрясала громадным пухлым кулаком. — Нашли тихого мальчишечку и измываетесь, да? Безответного, да? Ну постойте, я уже выхожу, я иду!

Кешка вцеплялся ей в руку и умолял никуда не ходить. Только этого ему не доставало!

Кешка всюду искал своего главного врага — Таракана. Но тот как сквозь землю провалился. Кешка успел передраться со всеми мальчишками улицы.

Его дразнили, но побаивались, и Кешка чувствовал это. Когда он появлялся на улице, мальчишки сразу собирались кучкой.

— Псих белобрысый! Псих белобрысый! — кричали они.

А Кешка неторопливо подходил и затевал драку. Или не затевал. Это зависело только от него. Первый нападал он. И Кешка гордился этим.

Он бродил один по берегу. Купался, валялся на раскалённых камнях. Над морем дрожало знойное морево. Вдали качались косые дымы пароходов.

Только здесь, у моря, он успокаивался и снова становился прежним Кешкой — весёлым и добрым.

Он завидовал мальчишкам, которые сооружали плот, возились с парусом, сшитым из двух простынь.

Ему хотелось подойти к ним и быть таким же, как все, — орать команды, воображать себя капитаном, поднимать парус на кривой мачте.

Но когда он подходил, мальчишки настораживались, ошетинивались — и начиналась драка.

Однажды, когда Кешке пришлось особенно туго (он разорвал куском ржавой железки парус, и, разъярённые его дикой выходкой, мальчишки навалились на него, сбили с ног и нещадно колотили), появился Санька.

Он расшвырял мальчишек, поднял дрожащего от ярости Кешку и сказал:

— Тебя Кешкой зовут? Я слышал, ты со всеми дерёшься. Зачем? Тебя кто-нибудь обидел?

Кешка глядел на своего спасителя, на человека, за чью дружбу он бы, не задумываясь, отдал всё что угодно, всхлипывая, размазывал кровь из носа и тяжело дышал.

А отдышавшись, сказал совсем не то, что хотел.

— Чего пристал? — крикнул он. — Иди своей дорогой, рыжий, а то и тебе дам.

Мальчишки ахнули. Никто никогда не осмеливался так разговаривать с Санькой.

Они ждали, что всемогущий и отчаянный владыка улицы сейчас сотрёт в порошок нахала. Этого, неизвестно откуда взявшегося в их городе худущего, битого-перебитого мальчишку.

Но Санька ничего не сделал. Глаза его потемнели. Он постоял минуту, раздумывая, потом повернулся и ушёл, коротко бросив на ходу:

— Зря это ты.

Кешка, понурясь, брёл домой и проклинал себя, ругал последними словами. Ему хотелось реветь в голос.

Грудь его распирала любовь и признательность к Саньке. Кешка был противен сам себе.

И вдруг он увидел носатого толстого Таракана. Из-за кого всё началось. Из-за кого у Кешки не было ни одного друга, а одни только враги.

Борька Тараканцев, по прозвищу Таракан, ничего не подзревая, преспокойно шёл по другой стороне улицы. Он только что приехал из Батуми. Он там у тётки гостил. Целую неделю. Борька давным-давно уже позабыл и свою встречу с Кешкой, и то, как дал ему по шее. Он шёл, помахивая прутиком, и насвистывал. У него было прекрасное настроение. И вдруг увидел идущего навстречу мальчишку с распухшим носом и синяком под глазом.

Мальчишка шёл какой-то странной хищной походкой. Будто подкрадывался.

Борька почувствовал недоброе и остановился. Он вспоминал, где видел этого мальчишку. А когда вспомнил, улыбнулся и закричал:

— А, белобрысый, вот ты где! Давно я тебя не видел, квартирант.

Кешка молча подходил, наклонив голову, и не отрываясь глядел на Таракана.

Борька забеспокоился. Он ещё ничего не понимал. Он ни капельки не боялся — слишком уж щуплым по сравнению с ним был этот мальчишка.

Но видно, было что-то такое в Кешкином взгляде, отчего большой, толстый Борька Таракан заторопился на месте, оглянулся и забормотал:

— Ты чего? Чего ты?

Кешка подошёл и молча треснул Таракана по шее — раз! Раз!

Борька по-заячьи пискнул, присел и вдруг с рёвом побежал назад. Он бежал, втянув голову в плечи, и верещал:

— Ой-ё-ё-й!

Из-за дома вышел Санька. Он стоял, сунув руки в карманы, и хохотал. Это действительно было смешно: маленький, взъерошенный Кешка и улепётывающий здоровенный, толстый Борька, ревущий, как девчонка.

Санька постоял ещё немного, потом покачал головой и ушёл.

Счастливый и гордый, Кешка, Кешка-победитель, пошёл домой — навстречу ласковым рукам тёти Любы, навстречу примочкам и причитаниям.

Вышка

Жара плыла над морем. На голышах невозможно было лежать.

Люди выскакивали из тёплого рассола моря, ложились на гальку и тут же подсакивали, как рыбы на сковородке.

От солнца спасения не было. Вода не освежала.

Только нырнув так глубоко, что в висках начинало щёлкать и болели уши, — только там, в зелёном полумраке, человек чувствовал прохладу.

Солнечные лучи пронизывали прозрачную толщу, сходились под острым углом. Если посмотреть снизу, из-под воды, то казалось, будто солнце ровным слоем разлито по воде, а поверхность шевелится громадным искривлённым зеркалом.

Кешка выбирался из воды, пошатываясь от усталости. Он плюхался на камни, несколько секунд корчился, как на раскалённых углях, потом голыши чуть остывали, и он блаженно вытягивался, расслаблялся и жмурил глаза.

Тело мгновенно высыхало, покрывалось сероватым налётом соли. Вокруг гомонил пляж.

Прямо перед Кешкой в море уходил узкий пирс.

Стальные сваи были покрыты грубыми будовыми досками. Щелястыми и горячими.

На конце пирса стремительно возвышалась лёгкая семи-метровая вышка.

Отвесная лесенка вела на небольшую квадратную площадку, огороженную металлическими перилами.

Над морем покачивалась узкая доска трамплина.

Неожиданно сквозь ровный пляжный гул прорвались мальчишечьи голоса.

Рядом с Кешкой захрустела под чьими-то ногами галька.

Кешка открыл глаза и увидел Саньку в окружении пяти мальчишек. Среди них был и Таракан.

Не вставая, Кешка наблюдал, как они пошли по пирсу, взобрались на вышку.

Мальчишки потоптались по площадке, потом Санька легко прошёл на самый конец прогибающегося трамплина и стал раскачиваться.

Он подпрыгивал всё выше, выше, выше! Кешка привстал на локтях и следил за ним, сдерживая дыхание.

Потом лёгкая, ладная Санькина фигурка взметнулась в воздух, сложилась в упругий комочек, крутнулась два раза и без всплеска врезалась в море: перед самой водой Санька разогнулся и, как гвоздь, вошёл в гладкую синь.

На пляже захлопали в ладоши. Кешка выдохнул воздух и огляделся. Оказывается, не только он следил за Санькой.

— Какой смелый мальчик! — сказала высокая загорелая женщина своему соседу, заросшему густой шерстью толстяку.

— Ну, этим приморским ребятишкам проделать такое — раз плюнуть. Они с пелёнок в море бултыхаются. Им и не страшно ни капельки, — лениво ответил толстяк.

Женщина засмеялась.

— Жаль, что вы не приморский мальчишка и так боитесь высоты, — сказала она.

Толстяк запыхтел и обиженно отвернулся.

Из воды показалась Санькина голова. Он что-то крикнул и махнул рукой. Мальчишки посыпались с вышки.

Даже Таракан потоптался немного у края площадки, нелепо присел и раскорякой полетел вниз.

Кешка встал.

«Надо прыгнуть, — подумал он, — пойду».

Он ни разу ещё не прыгал с вышки, но мальчишки делали это так легко, что Кешка ничуть в себе не усомнился.

«Прыгну. Пойду, как Санька, на трамплин, раскачаюсь и прыгну. Пусть видят, какой я человек», — думал он, шагая по пирсу.

Санька и мальчишки были уже наверху.

Кешка медленно поднимался по крутым ржавым ступенькам.

Когда он появился на площадке, все замолкли.

Кешка сделал два неуверенных шага и остановился. Перед ним стоял Санька и улыбался. Хорошо улыбался.

— Здравствуй, — сказал Санька, — прыгнуть хочешь?

— Хочу.

— Ну давай. Ты прыгал когда-нибудь?

— Нет.

Санька перестал улыбаться. А Таракан захихикал и крикнул:

— Ну-ка поглядим, как сейчас белобрысый убьётся.

— Замолчи, — приказал ему Санька и повернулся к Кешке.

— Высоковато для первого раза. Может быть, попробуешь сначала с трёх метров?

Кешка упрямо мотнул головой и подошёл к краю площадки.

Он заглянул вниз и в ужас отпрянул, а руки сами судорожно вцепились в перила.

Кешка не думал, что это так страшно. Море шевелилось где-то далеко внизу, враждебное и жёсткое.

Рядом захохотал Таракан. Он просто корчился от смеха, захлёбывался, повизгивал.

И Кешка оторвал руки от перил. Ещё секунду назад ему казалось, что никакая сила на свете не заставит его больше подойти к краю площадки. Но он подошёл. Он не глядел вниз. Кешка подошёл на негнущихся ногах, сжал челюсти так, что зубы затрещали, и... он прыгнул бы! В мыслях он уже сделал это, назад пути не было, но в самый последний миг Кешка глянул вниз. Ноги его сами подогнулись, и он сел на площадку.

Это был такой позор, такой ужас, что Кешка готов был умереть. Это было бы лучше всего — умереть сейчас и не видеть себя со стороны — перепуганного, жалкого, вцепившегося мёртвой хваткой в доски площадки.

Сначала Кешка ничего не слышал. Он оглох от стыда. Ему казалось, что весь пляж, весь город, все люди на земле смотрят на него и смеются. Или — ещё хуже — жалеют.

Он ненавидел себя, презирал, но ничего не мог с собой поделать. Руки сами цеплялись за горячие, пахнущие солью доски, а ноги отказывались поднять его.

Потом, будто издалека, пробился противный смех Таракана, гул пляжа и плеск моря.

Кто-то поднялся на вышку. Знакомый голос той высокой женщины сказал:

— Действительно, очень страшно. Ужас какой! А вы зря смеётесь, мальчик. Не все люди переносят высоту.

Она присела рядом с Кешкой, положила ему на голову руку.

— Ты не расстраивайся. Ты ещё прыгнешь. Ты обязательно прыгнешь, — тихо сказала она.

Это было уже выше Кешкиных сил. Он вскрикнул, уткнулся лицом в свои острые колени.

— Пошли! — крикнул Санька.

И мальчишки все разом сиганули вниз.

Кешка поднялся, осторожно, ощупью спустился по лесенке и, пошатываясь, медленно пошёл по пирсу.

Он глядел прямо перед собой и всей кожей ощущал сочувственные или насмешливые взгляды свидетелей своего позора.

Он шёл всё быстрее, быстрее, потом побежал. Одна только мысль билась в мозгу: убежать, спрятаться, забиться куда-нибудь, где никого нет.

В море

Мягко тикали ходики. Ночь за окном поглубела. В комнате высунулись из темноты вещи. Кешка поглядел на мамину кровать. Мама спала очень тихо — не шевельнется, не кашляет.

Уже два дня он не выходил на улицу. Сидел дома, уставившись в одну точку, и молчал.

Кешка слышал, как мама говорила тёте Любе:

— Придётся, видно, уезжать отсюда. Что-то с Кешкой неладное творится. Теперь вот на улицу не хочет идти. Боятся, что ли? Работа у меня здесь интересная, но, наверное, придётся уехать. Жаль.

Кешке хотелось крикнуть:

«Да! Уедем скорее! Мне здесь невозможно больше жить!»

Но он ничего не крикнул, потому что тогда пришлось бы всё рассказать. Врать бы Кешка не стал. Но даже маме нельзя было рассказать о том, что с ним произошло. Никак невозможно.

Уснул Кешка только к утру, а когда проснулся, солнце стояло высоко и в комнате было душно.

Он вскочил с кровати, попрыгал по прохладному крашеному полу. Настроение непонятно отчего было прекрасное. Вдруг. Прекрасное — и всё тут. Хотелось немедленно сделать что-то такое, чтоб все ахнули, чтоб историю с вышкой сразу позабыли.

И вдруг его озарило. Конечно же! Как он раньше не подумал об этом?! Рифы! Надо сплавать к рифам и достать знаменитую перламутровую раковину!

Все мальчишки, когда разговор заходил о рифах, сразу серьёзнили и говорили тихими таинственными голосами.

Лёжа на пляже рядом с какой-нибудь компанией, Кешка наслушался столько разных историй о рифах, узнал столько жутких подробностей, что сейчас, вспомнив о них, почувствовал, как по спине забегали мурашки.

Говорили, что из всех мальчишек один Санька отважился подплыть к рифам, но и тот раковины достать не мог.

Он никому не рассказывал, что там видел, и это ещё больше распаляло воображение мальчишек.

Говорили, что там живёт здоровенный осьминог: попробуй только сунуться — утащит, и ахнуть не успеешь.

Рифы скрыты под водой в метре от поверхности. Над ними плавают яркие красные буйки, чтобы какое-нибудь судно не напоролось. Среди буйков стоит мигалка — маленький проблесковый маячок. Он подмигивает днём и ночью.

К рифам строго-настрого запрещено подплывать. На лодке и думать нечего. Запросто могут лодку отобрать.

Добраться туда можно только вплавь. Это около полукилометра от берега, может быть, и не заметят с пристани. Буйки качаются, среди буйков — голова. Пойди разбери издали, где буйек, а где голова.

Кешка ожил от этих мыслей, от неожиданно появившегося выхода.

Он стал готовиться.

Самое главное — достать хороший нож. Вдруг там и вправду осьминог? Да уж наверняка вправду — не зря все мальчишки так говорят. Без ножа нельзя.

С ножом-то что! Обхватил тебя осьминог, а ты его — чик! — и отрезал щупальце. Он тебя другим, а ты и другое — чик! Как капитан Немо.

Нож Кешка утащил у мужа тёти Любы, Лазаря Ефимыча. Отличный длинный охотничий нож в кожаных ножнах.

Кешка подпоясал трусики, на пояс повесил нож и мешочек, в который он когда-то клал галоши в школе. Мешочек нужен был для перламутровой раковины, потому что без неё Кешка не собирался возвращаться.

Мама была на работе, тётя Люба на базаре. Кешке никто не мешал.

Он обернул вокруг пояса махровое полотенце, прикрыл своё снаряжение и вышел.

Кешка был спокоен. Теперь перед ним была цель.

Конечно, это страшно — самому лезть к осьминогу в лапы! Но Кешка знал, что скорее утонет, чем повернёт назад.

Жаль только, что его никто не увидит. Но когда он добудет перламутровую раковину!..

Кешка представлял себе ослепительную картину: он идёт небрежной походкой по пляжу, усталый и спокойный, а в руках держит великолепную, закрученную в немыслимую спираль розовую раковину. Вокруг него собирается толпа, все хотят потрогать, погладить это чудо. Кешке не жалко — пожалуйста. И вот появляется Санька. Он протискивается сквозь кольцо любопытных и спрашивает:

«Кешка, неужели это ты, в одиночку, добыл её?»

Кешка улыбается, протягивает ему раковину и говорит: «Возьми. Это тебе. Я себе ещё достану».

Кешка шёл, никого не замечая, размахивал руками, улыбался, хмурился своим мыслям. Он перешагивал через загорающих, те глядели ему вслед и качали головами. Восточные люди цокали языками и крутили пальцем у лба.

Напротив рифов Кешка остановился. Снял полотенце. Закрутил мешочек вокруг пояса, чтобы не мешал плыть.

Кешка подошёл к воде и огляделся. Он очень нравился самому себе — суровый, строгий, с кинжалом на поясе. Он шёл на трудное дело и мог не вернуться назад.

Среди загорающих Кешка заметил Таракана. Таракан хихикнул было, но Кешка так на него посмотрел, что тот заёрзал на месте и отвернулся.

Кешка медленно вошёл в воду. В последний миг он быстро оглянулся на Таракана и с удовольствием заметил, что тот с изумлением, не отрываясь, смотрит на нож. Даже привстал немного.

Кешка глубоко вздохнул и нырнул в солёную податливую волну.

Плыл он неторопливо, экономил силы. Впереди были рифы, неизвестность, опасности. Нельзя было уставать раньше времени.

Буйки появились неожиданно. Закивали красными головами перед самым Кешкиным носом. Мигалка вблизи оказалась очень большой, высокой, как настоящий маяк.

Кешка медленно обогнул её, вглядываясь в воду. Под ним были рифы. Желтоватые, обросшие скользкими водорослями.

Кешка решился и встал. Вода была ему по грудь. Он изо всех сил сжимал рукоятку ножа, готовый мгновенно схватить его из ножен, если появится опасность.

Но осьминог не показывался. Выжидал, видно.

Кешка снял мешочек, положил его на основание мигалки.

Пора было нырять.

Кешка напрягся всем телом, стараясь унять дрожь. Его колотило так, что зубы стучали.

«Замёрз, наверное», — решил он и тут же подумал, что это ерунда: вода была как парное молоко — в такой не замёрзнешь. Он всё-таки здорово устал, хоть и старался не торопиться.

Кешка осторожно пошёл по рифам. Скалы были изрезаны трещинами, провалами. Некоторые были так велики, что приходилось переплывать их.

Осьминога всё ещё не было.

Кешка вынул нож, поглядел на высокое, выцветшее небо, на солнце и нырнул.

То, что он увидел, было так необычайно, так красиво, что Кешка застыл на месте.

В густую бездонную синь уходили отвесно стены, сплошь обросшие двустворчатыми раковинами — мидиями. Редкие длинные стебли водорослей мягко извивались. Между раковинами шмыгали разноцветные рыбёшки.

Но самое главное — ощущение страшной, головокружительной глубины. Казалось, нет дна, а рифы покачиваются и вот-вот всплывут.

Кешка поплыл вдоль стены, обшаривая её руками. От потревоженных мидий поднималась розоватая муть, завихрялась воронками, как пыль под ветром.

Перламутровых раковин не было. Кешка вынырнул, отдышался. Снова нырнул. И снова. И снова.

Нож давно уже был спрятан в ножны. Никаких осьминогов не было. Если они здесь живут, то это трусоватые осьминоги, — наверное, увидели, что человек вооружён, и испугались.

Кешка очень устал. Плечи ломило, икры покалывало, они будто окаменели. Он всё меньше времени мог пробыть под водой.

А раковина всё не попадалась. Это было ужасно. Всё рушилось.

Кешка прошёл на другой конец скал, высмотрел широкую расщелину и нырнул.

Он опустилсЯ вдоль стены и вдруг прямо перед собой увидел тоннель длиной два-три метра с круглым, правильной формы сводом. В конце тоннеля голубело отверстие — выход.

«Пройду по нему и вынырну через ту дырку», — подумал Кешка и втиснулся в тоннель.

Тоннель был узкий — не больше метра шириной. Кешка медленно двигался, ощупывая стены.

Вдруг рука его наткнулась на два больших нароста. В тоннеле был полумрак; Кешка вплотную приблизил лицо к стене и увидел две громадные спиральные раковины, сидящие вплотную друг к другу.

Кешка чуть не захлебнулся от радости. Они! Кешка вцепился в них, легко оторвал и ринулся к выходу.

Но... голова не пролезала сквозь отверстие. Это было так страшно и неожиданно, что Кешка бессмысленно тыкался головой в узкую неровную щель, терял зря драгоценные секунды. Ведь издали она казалась большой!

Наконец он опомнился. Дыхания не хватало.

Кешка почувствовал, как леденеет его голова. Мысли были чёткие и стремительные. Задом не выбраться. Слишком долго. Он захлебнётся. Развернуться в этой ловушке невозможно. Что ж делать?!

Воздух был на исходе. Кешка начал уже судорожно сглатывать — первый признак, что сейчас же, немедленно нужно вздохнуть. Иначе вода ворвётся в лёгкие, сомнёт их, задушит его, навсегда оставит здесь, в этой дурацкой дыре.

В последний миг, ничего не соображая, выпуская ненужный бесполезный воздух, Кешка сложился в немыслимый тугой комок, крутнулся, обдирая спину и плечи о шершавые стенки, оттолкнулся ногами и выскочил на поверхность.

Он задыхался. Ноги дрожали. Перед глазами качалась красная пелена.

Кешка добрался до мигалки, привалился к ней саднящим плечом. Из носа шла кровь. Частые капли шлёпались в воду, расплывались там красными облачками.

Кешка поднёс руку к носу, хотел утереться и увидел перламутровую раковину. Рука цепко держала её. Раковина была и в другой руке.

На розовой изогнутой поверхности белели круглые наросты. Нежный перламутровый зев закрывала коричневая перепонка, похожая на кусок кожи.

«Не бросил! — счастливо подумал Кешка и закрыл глаза. — Не бросил!»

Двигаясь как во сне, он положил раковины в мешочек, повесил его на пояс. Промыл горько-солёной водой нос.

Стоять было невозможно, ноги тряслись и подгибались. Кешка оттолкнулся от скал и поплыл. Спину и плечи нестерпимо щипало. Кешка как автомат размеренно загребал руками, отталкивался ногами. Он плыл брассом. Ему казалось, что он быстро и плавно движется вперёд, но когда он оглянулся, то увидел, что буйки совсем рядом. Он еле-еле двигался.

Мешочек наполнился водой и тянул вниз.

Солнце сильно пекло в затылок. Раз — руки загребают тяжёлую воду. Два — ноги вяло, как ватные, слабо толкают тело вперёд. Раз, два! Раз, два! Волна плеснула в лицо. Кешка хлебнул воды, закашлялся.

«Утону», — равнодушно подумал он.

Он барахтался на месте, в полукилометре от берега, и не было сил поднять голову, оглядеться, позвать на помощь.

Весло плеснуло у самого лица. Лодка описала плавный полукруг и подошла вплотную к Кешке.

Проворные руки подхватили его под мышки и втащили в лодку.

Кешка, как мешок, бессильно свалился на дно и лежал там, тяжело дыша и вздрагивая.

— Кто тебя так, Кешка?! — прошептал испуганный голос, и чей-то палец дотронулся до ссадины на плече.

Кешка поднял голову и увидел Саньку. Лицо у Саньки было перепуганное. Он часто моргал, и было удивительно видеть это решительное остроскулое лицо растерянным и испуганным.

— На рифах я был. Ободрался в какой-то дыре, — сказал Кешка.

— Что ж ты, балда чёртова, полез туда один?! — зло крикнул Санька. — Если бы Таракан мне не сказал, ты бы утонул как миленький.

— Я за перламутровой раковиной плавал, — тихо ответил Кешка.

— Нет там никаких раковин. Я знаю.

— Есть. Там очень красивые раковины, Санька, — сказал Кешка.

Он достал из мешка раковину, протянул её Саньке. Санька ошалело смотрел на неё. Вертел в руках, поглаживал.

— Ох ты, — выдохнул он, — значит, есть всё-таки! Ведь есть, а?! — Он поднял изумлённые глаза на Кешку и засмеялся.

— Есть, — Кешка кивнул, — хочешь, возьми себе.

— Мне?! И тебе не жалко? Кешка, тебе совсем не жалко?

— Не жалко, — ответил Кешка, — у меня ещё одна есть.

Он хотел добавить, что если бы у него не было второй, ему бы и тогда не было жалко, но он промолчал и счастливо засмеялся.

А Санька внимательно поглядел на него и взялся за вёсла.

И они поплыли к берегу.

ЧАЙНЫЙ КЛИПЕР

РАССКАЗ

1. «Братишка»

Попал туда Женька случайно. Из-за Балаги и черешневой трубки. Про трубку будет дальше. А Балагу зовут Петькой, только никто его по имени не называет, зовут по фамилии — Балага.

Он давно уже приглашал с собой Женьку, но тот только усмехался.

Женька был человек гордый. Он воспитывал в себе мужество и суровость, ему это очень было нужно. Для будущей жизни.

— Чем же вы там занимаетесь? Вяжете? Или, может, вышиваете, как моя тётка? Она целыми днями вышивает, — ехидно спрашивал он Балагу.

Балага от возмущения наливался тугим румянцем и начинал громко заикаться:

— Т-ты ведь не зна-а-ешь, а говоришь! М-мы там к-корабли строим, понимаешь? Разные, к-какие захотим. А ты г-го-воришь — вышиваем! А сам не знаешь!

— Заладил: понимаешь, не знаешь. Я тоже могу из газеты кораблики складывать.

— Мы из д-д-дерева делаем! — выкрикивал Балага.

— Что ж вы — садитесь в кружок и строгаєте по очереди чурку? — не унимался Женька.

Балага внимательно смотрел на него, понимал наконец, что Женька его поддразнивает, и махал рукой.

Балага удивлялся Женьке. Когда во Дворце пионеров открылся судомодельный кружок, он думал, что Женька первый туда побежит.

Уж кто-кто, а Женька в 5-м «а» знал о море и кораблях больше всех.

И у него была настоящая тельняшка. Женька носил её зимой и летом, сам стирал и гладил. Даже в мороз он ходил с расстёгнутым воротом, чтобы все видели его тельняшку.

Однажды Лев Григорьевич, учитель математики, назвал его в шутку «братишкой». Так во время революции звали матросов.

Слово это крепко прилепилось к Женьке и очень ему нравилось.

Тельняшку подарил Женьке дядька, бывший военный моряк. Он же заразил Женьку неистребимой, какой-то даже болезненной любовью ко всему морскому.

От города, в котором они жили, до моря — многие сотни километров, но это ни капельки не мешало Женьке считать себя будущим моряком. Это было дело решённое.

Он перечитал все книжки о море, какие были в городской библиотеке. Звонкие, яркие морские слова тревожили Женьку; он приставал к дядьке, заставлял по десять раз рассказывать о его моряцкой службе.

И дядька делал это с удовольствием. У них была такая игра: дядька задавал всякие каверзные вопросы, а Женька должен был без запинки отвечать.

— Что такое клюз?

— Отверстие в носу судна для якорь-цепи.

— А что такое тузик?

— Одноместная шлюпка.

— А кильсон?

— Это такой брус в трюме, который проходит над килем.

— А комингс?

Женька не знал. Он растерянно хлопал ресницами и морщил лоб.

А дядька хохотал, радостно потирал широченные тёмные ладони и гремел на весь дом:

— Ага! Не знаешь, братишка! Давай, давай докапывайся! Узнаешь — доложишь.

Тётя отрывалась от вышивания, качала головой и недовольно ворчала:

— Связался чёрт с младенцем. Что у старого, что у малого — одни глупости в голове.

Она не любила море. Радовалась, что оно далеко и дядька, как все люди, каждый вечер приходит домой. Женька всегда удивлялся, как она странно менялась, когда слышала о море. Обычно мягкая и добрая, тётя становилась злоющей и ехидной, едва только дядька вспоминал свою службу и корабли. Обязательно вставляла такую фразочку, что дядька смущённо затихал.

Комингс... комингс... Женька начинал докапываться.

Через несколько дней, перерыв кучу книг, он узнавал, что «комингс» всего-навсего высокая ступенька перед каютой. Чтобы туда в шторм не попадала вода.

А в судомодельный кружок Женька идти не хотел. Просто он считал, что все эти кружки-кружочки — занятие для девчонок.

2. Андреич

Ко дню рождения дядьки Женька решил подарить ему трубку. Решил сам сделать и подарить. Во всех книжках морские волки курят трубку.

Он отпилил засохшую ветку с черешни и стал вырезать из неё чубук. Нож был тупой. Он снимал тоненькую прозрачную стружку с розоватой, крепкой, как железо, древесины и всё время соскальзывал.

Через час на большом пальце правой руки Женька натёр здоровенный волдырь. А кончилась эта затея тем, что нож, в очередной раз соскользнув с упрямой чурки, с силой воткнулся в Женькину ногу чуть повыше колена.

Женька заорал, выдернул нож и увидел, как из дырки в брюках потекла кровь.

На крик прибежала из кухни тётя, заохала, запричитала и съездила Женьке по затылку. Потом стащила с него штаны, перевязала ногу и отобрала нож.

— Ах ты, байбак, наказание ты моё божье, — приговаривала она. — Была бы мать жива, так хоть выпорола бы тебя. Но ты погоди, я сама до тебя доберусь. Или дядьке скажу. Он тебе задаст.

Женька усмехнулся — дядька задаст. Никогда ему дядька не задаст, не такой он человек. Да и тётя тоже только притворяется, а у самой глаза смеются.

Нога-то ладно, нога не отвалится, но с трубкой надо было что-то придумать. Голыми руками, да ещё с волдырём на пальце её не сделаешь.

И тогда Женька вспомнил о Балаге.

Балага говорил, что у них в судомодельном инструментов — завались. И тиски, и рубанки, и свёрла — всё, что надо.

Когда Женька вошёл с Балагой в большую светлую комнату, он оторопел: прямо на него, чуть откинув назад мачты с упругими парусами, летела невиданной красоты бригантина.

Вся белая, как чайка, она неслась на Женьку, целясь ему острым полированным бугшпритом в грудь.

Это было так неправдоподобно, что Женька резко шагнул, почти отпрыгнул в сторону и только тогда разглядел, что бригантина стоит на прозрачной плексигласовой подставке.

В комнате засмеялись, и Женька увидел трёх незнакомых мальчишек и небольшого роста, почти квадратного, человека с красным лицом и совершенно лысой загорелой головой. Человек прогудел густым хрипловатым басом:

— Думал, столкнётесь, а? Молодец, что посторонился. Парусникам надо уступать дорогу.

— Это бригантина? — прошептал Женька.

— Ишь ты! Знаток! Угадал. А сам кто таков будешь? Женька сказал. Человек потёр узловатыми корявыми пальцами лысину и улыбнулся.

— Пришёл? Ну, ну! Молодец. Пётр о тебе рассказывал.

— Какой Пётр? — удивился Женька.

— Да вот этот. Дружок твой.

— Ах, Балага, — догадался Женька.

— Балага. А меня зовут Андреич. Евлампий Андреич Лигубин. Для вас, пацанов, просто Андреич. А теперь говори, что ты будешь строить.

Женька растерялся, хотел сказать про трубку, но взглянул на бригантину и раздумал. В комнате радостно пахло сухим звонким деревом. Женька потоптался на месте, оглядел верстаки, аккуратно развешанные инструменты и тихо спросил:

— А я сумею?

— Научим, — коротко ответил Андреич.

Женька умолк и задумался. Андреич и мальчишки куда-то отодвинулись и исчезли.

Остался только изящный со стремительными обводами парусник.

Он слегка покачивался на синих пологих волнах и нёсся вперёд, навстречу тяжёлому нездешнему солнцу.

У штурвала, до блеска отполированного моряцкими руками, нёс вахту он, Женька.

Чуть расставив ноги, он стоял на выскобленной добела палубе и курил черешневую трубку.

А позади маячили плоские оранжевые острова. Почему-то совсем оранжевые, наверное коралловые.

Он взглянул на компас и слегка повернул штурвал, выправил курс. Позор для моряка, если на его вахте судно начнёт рыскать.

— Так что же ты будешь строить?

Женька очнулся, посмотрел в глаза Андреичу и твёрдо сказал:

— Чайный клипер.

— Вот это да!

Андреич даже крикнул от удовольствия и весь прямо-таки засветился.

— Вот это да! И откуда только такие образованные салажата берутся!

3. Мой сладенький

До того как появились первые пароходы, да и много лет после этого, чайные клиперы были верхом корабельного искусства.

Узкий и длинный, как клинок, с тремя высокими мачтами и громадным количеством парусов, чайный клипер развивал неслыханную по тем временам скорость: пятнадцать узлов в час.

Из Индии в Европу возили эти суда чай. Чай и только чай. Чтобы никакие другие запахи не смели осквернить их трюмы.

Белоснежные, благоухающие клиперы бесшумно носились по океанам, и нипочём им были ни ревущие сороковые широты, ни Бискайский залив, названный кладбищем кораблей, ни грозный штормовой мыс Горн.

Потому что делали их с великой любовью и старанием люди с золотыми руками — голландские и английские корабельных дел мастера.

А водили эти суда самые лучшие моряки со всех стран мира.

Служить на них было очень почётно и трудно.

Только самые ловкие, сильные и смелые люди могли в любой шторм взлетать по верёвочному трапу на рей, болтаться там, стоя на скользких тросах над взбесившимися волнами, и работать страшную работу: ставить и убирать тяжёлые, мокрые паруса.

Они были настоящие моряки. Так говорил Андреич, а он знал в этом толк.

Слова Андреича терпко пахли солью и ветрами.

Андреич где-то раздобыл большущую старинную книгу с рисунком чайного клипера. И началось! Никогда ещё в своей маленькой жизни Женька ничем так не увлекался. Он просто заболел парусником.

Сразу после школы, наскоро перекусив, он бежал в мастерскую и до глубокого вечера пилил, строгал, сверлил и шлифовал.

Каждый день. Неделя за неделей.

Андреич тоже загорелся и ревниво следил за Женькой.

Иногда он не выдерживал, сам брал инструменты и ворчал:

— Умные вы больно. Всё знаете, а руки у вас дурные.

Деревянные у вас руки. Ну как ты рубанок держишь? Дерёшь против шерсти, только дерево портишь.

Рубанок у Андреича становился живым и лёгким. Он послушно снимал ровную, хрусткую стружку, и брус делался как отполированный.

Теперь, когда прошло столько дней, Женька стал просто профессором — всё научился делать.

А сначала-то! Даже Балага и тот не мог удержаться — хихикал. Он бы, может быть, и не смеялся — приятель всё-таки, — но очень уж небрежно, как-то непочтительно взял у него Женька в первый раз рубанок, взвесил его на ладони, усмехнулся и... всадил со скрежетом в доску.

Женька так изумился, такое у него стало растерянное лицо, что Балага не выдержал — захохотал. Это Балага-то! Чистенький, аккуратный маменькин сыночек, которого Женька частенько называл белоручкой. Этот самый Балага только что на глазах у Женьки ловко и легко, будто бы без всяких усилий, строгал ту же доску.

Женька побагровел и снова упрямо взмахнул рубанком. И опять ничего не вышло. Такой послушный в Балагиных руках, инструмент втыкался в гладкую доску, будто на ней внезапно выросли корявые сучки.

Да что там рубанок! Самое уж простое, казалось бы, дело — выстрогать девять ровных круглых палочек разной толщины, для мачт. Мачты склеивались из трёх частей, суживающихся к вершине. Три мачты, каждая из трёх палочек, — всего девять.

И вот эти несчастные девять палочек Женька делал целую неделю. Он совсем с ними извёлся.

Делает, делает — кажется, ровные, как лучинки. Склеит, посмотрит издали — дуга и всё тут, хоть плачь.

Наконец Андреич сжалился, взял три самых кривых из забракованных Женькой, повертел их над горящей свечкой, подогрел, поколдовал и протянул Женьке — мачта была ровнёхонькая.

Такой он был — Андреич! Чего он только не знал и не умел!

Иногда он собирал вокруг себя мальчишек и рассказывал об инструментах, о краске, дереве или морских узлах.

— Вот скажи мне, Женька, какое дерево лучше всего для нашего дела годится? — спрашивал он.

Женька и остальные ребята выжидающе глядели на него.

— Для нас первое дерево липа. Её вы и строгаετε. Самое мягкое дерево и самое вязкое. Лёгкое оно, не колетса и шлифуется отлично. А скажем, на вёсла, на настоящие вёсла, какое дерево пускать? Только ясьнь, Пружинит он и не ломается. А вот уж, кажется, проще пареной репы: из какого дерева лучше всего сделать рукоятку для молотка или, допустим, для кувалды? Не знаете? Так я вам скажу: только из рябины. Дольше всего будет служить. Да что там толковать — каждая вещь, каждый материал, если его с умом приспособить, может себя так обозначить, что ахнешь. Разгадать их только надо. Казалось бы, ольха — самое бросовое дерево — ни в поделку, ни строить из него нельзя, а вот если, к примеру, надо рыбу коптить или мясо, то лучше ольховых дров нет. Дым у них особый. Так-то, салажата! Учитесь, пока жив Андреич!

И мальчишки учились.

Женька ходил с исцарапанными, порезанными руками, вечно в опилках и стружках, но такой счастливый, что тётя ругала его вполголоса.

— Женечка, чертёнок ты этакий, ты только погляди на себя! Вчера только рубашку тебе выстирала. Ты что, в стружках валялся? — всплёскивала она руками.

Женька усмехался:

— Уж ты скажешь, тётя! В стружках валялся! Я работал! Сегодня корпус закончил.

— Ну и я работала. Полы натирала. Так что возьми щётку и приведи себя в порядок. Таковую чушку я в комнату не пущу.

Тётя не терпела беспорядка. Всюду у неё были разложены накрахмаленные вышитые салфеточки, скатерти, дорожки, и попробуй только что-нибудь запачкай или даже просто сдвинь с привычного места — тогда держись.

Дядьке вообще-то нравилась вся эта чистота.

— Морской порядочек, — говорил он.

Но иногда он жаловался Женьке, что устал от всех этих дорожек.

— Лишнее это. На корабле ни одной салфеточки не увидишь, а не хуже. Лучше даже. Просторнее.

Балагина мама пришла однажды в мастерскую, поговорила с Андреичем, потрогала мизинцем сверло и осталась довольна. А уходя, сказала:

— Петенька, ты работай, только эти острые штуки, мой сладенький, лучше не бери. Ты крась лучше. Кисточки — они такие мягкие.

Пухлые Балагины щёки медленно залило румянцем, он с ужасом глянул на ребят и опустил голову. А Андреич отвернулся и гулко раскашлялся.

Потом, когда мать ушла и Балага взял стамеску, Женька сделал испуганное лицо, бросился к нему и закричал:

— Положи скорее, брось её, мой сладенький! Возьми лучше кисточку.

Ребята засмеялись, но Андреич ужасно рассердился и коротко сказал:

— Прекрати. Ещё раз услышу — выгоню. Тоже мне, мастер — золотые руки.

Балага ожил, а Женьке стало как-то не по себе.

Он представил на месте Балаги себя и даже головой замотал.

Потом они шли с Балагой домой и молчали. А у Петькиного дома Женька сказал:

— Слышь-ка, Балага... Это... Хочешь, давай вместе клипер делать станем?

Балага счастливо улыбнулся и ответил:

— Не. Я эсминец делаю. С электромотором.

Они постояли ещё немного, поковыряли землю носками ботинок, потом Балага сказал:

— Вот видишь, я же тебе г-говорил, а ты не хотел. Андреич-то, а?

— Да-а, — сказал Женька и побежал домой.

4. Позвольте вам сказать, сказать...

— Как дела, братишка? — спросил дядька.

— Кончаю. Сегодня мачты установил. Завтра прилажу марсы, салинги — и можно будет красить.

— Соображаешь! Значит, паруса после окраски?

— Не имеет значения, можно и до. Палуба и рангоут полированные.

— Верно, Женечка. Верно.

Дядька каждый вечер расспрашивал Женьку о клипере. Говорил он с ним серьёзно и уважительно.

Тётя поглядела насмешливо на обоих и покачала головой.

— Эх, бездельники вы, бездельники! Мне бы ваши заботы, — сказала она. — Женьке-то хоть простительно — малец, а тебе-то уж... Всё в бирюльки играешь. Что это там за сало ты хочешь прилаживать, Женька?

Дядька промолчал, а Женька ответил нарочито спокойным голосом:

— Не сало, а салинги, тётя. Это такие площадки на мачтах. Самые высокие. Сначала идёт площадка — марс называется, потом салинг, а выше уж только конец мачты — клотик.

Дядька снова оживился.

Когда он думал или говорил о море и кораблях, лицо у него преображалось, молодело. Он даже выше ростом становился.

Но если тётя замечала это, она тут же говорила что-нибудь обидное, и дядька сникал, хмурился.

Никак Женька не мог понять тётю. Что она каждый раз взывается, как только услышит о море?

Порой ему казалось, что тётя чуть ли не насильно привезла дядьку в этот город, спрятала, схоронила его от моря и теперь всё время боится, что он сбежит отсюда к любимым своим кораблям.

— Дядя, а помнишь, мы читали книжку писателя Грина про моряков и разные весёлые города?

— Помню, Женька, — дядька задумчиво улыбнулся.

— Там есть песенка про салинг.

— Есть. А ты её помнишь?

— Ага. Тётя, послушай:

Позвольте вам
Сказать, сказать,
Позвольте рассказать,
Как надо паруса вязать,
Да, паруса вязать!
Позвольте вас
На салинг взять,
Да, вас на салинг взять
И мокрый шкот
Вам в руки дать,
Вам мокрый шкотик дать!

А дальше я не помню.

— Славная песня, — тихо сказал дядька.

Тётка быстро вскинула на него глаза и сказала:

— Чушь какая-то. Ни понять, ни разобрать. Как только не стыдно писать такое. Я бы...

Тр-р-рах! — дядька треснул кулаком по столу так, что стаканы зазвенели в буфете. Потом медленно встал. Он посмотрел на тётку хмурым тяжёлым взглядом, и она замолчала.

Женьке стало неловко. Он поднялся из-за стола, зачем-то подошёл к окну, подышал на замёрзшее стекло и пошёл в ванную умываться перед сном.

5. Что из этого всего получилось

Клипер был готов. Андреич собственноручно выпилил лобзиком подставку из толстых пластин плексигласа.

Женькин парусник стоял теперь рядом с бригантиной.

Мальчишки окружили оба корабля и молчали.

Бригантина, такая лёгкая и подбористая раньше, рядом с клипером казалась пузатой и неуклюжей.

Они были одинаковой длины — метровые, но клипер выглядел гораздо больше. Несущийся на всех парусах, он казался таким хрупким и невесомым, что до него страшно было дотронуться.

— Мда-а... — протянул Андреич, — а ведь парень рубанка в руках держать не умел... Да ты ли это сделал, Женька?

Женька потупился, счастливый и сам немножко ошарашенный красотой сделанной им вещи.

Балага ткнул Женьку в бок и радостно засмеялся. Будто это его хвалили.

«Славный парень Балага. И Андреич славый. И все», — растроганно подумал Женька.

А Андреич всё ходил вокруг клипера, всё разглядывал.

— У тебя, Женька, руки. Были чурки, а теперь руки. Не зря, значит, Андреич небо коптит, — сказал он и поскрёб лысину. — Ну, что глаза опустил? Небось хочется перед своими похвастать? А? Ладно, забирай. Только краску возьми, дома подмажешь. Красить ты ещё не научился — на корме дерево просвечивает.

Женька торопливо схватил баночку с краской, кисти и осторожно, не дыша поднял клипер.

Он торопился: хотел принести парусник до прихода дядьки, чтобы тот вошёл в дом и сразу увидел клипер. Весь. От киля до клотика.

Тёти дома не было. Видно, ушла в магазин.

Женька поставил модель на буфет, на чёрную шёлковую дорожку с вышитыми пунцовыми розами, и стал красить.

Кипенно-белый крылатый клипер на блестящем чёрном шелку — это было красиво.

Женька последний раз провёл кистью по плавно изогнутому борту и отошёл.

Он сел в уголок дивана, затаился там и стал смотреть на парусник.

Снова закачались пологие синие волны, и стали уходить вдаль, сливаясь с водой полыхающие светом ночные порты.

Снова у штурвала стоял Женька-братишка, морской волк. Только на этот раз он вёл судно, выстроенное своими руками, самое красивое на свете, на котором он знал каждый парус, каждый выступ, каждый гвоздь. Они — Женька и клипер — могли положиться друг на друга.

Дядька вошёл незаметно. Только когда резко заскрипел стул, Женька оторвался от клипера и увидел его.

Дядька как был, в пальто и шапке, опустился на стул и, не замечая Женьки, глядел на парусник.

Лицо у него было растерянное и какое-то незнакомое. Он всё глядел и что-то шептал тихонько — Женька видел, как у него шевелятся губы.

Через несколько минут пришла тётя. Она посмотрела на дядьку и нахмурилась.

А потом произошло невероятное. Тётя стремительно бросилась к буфету и закричала:

— Что же ты сделал?!

— Это... чайный клипер, — растерянно ответил Женька.

— Клипер? Это клипер, да?

И тут Женька увидел на чёрном шелку дорожки пятна белой краски. Да, видно, красить он ещё не научился. Женька хотел сказать, что он нечаянно, что он выведет пятна бензином, но... не успел. Тётя резко рванула конец дорожки, и клипер с грохотом полетел на пол.

Женька обомлел. Он стоял прижав кулаки к груди и переводил взгляд с поломанного клипера на медленно багровеющего дядьку, с дядьки — на притихшую, перепуганную тётю и снова на клипер.

Потом коротко вскрикнул и выбежал. Как пойманный зверёныш, он бился о входную дверь и никак не мог отомкнуть замок.

«Зачем она так?! Ну зачем она так?!» — горячечно думал он, и вдруг вспыхнула пронзительная мысль: «Она нарочно. Никто меня не любит. Уйду. Убегу. Буду жить один, один, один!» — уже кричал он и как слепой толкался в запертую дверь.

Здесь его и поймал дядька. Женька отбивался, царапался, но дядька сгрёб его в охапку, взял на руки и, как маленького, стал носить по квартире.

Как сквозь туман, Женька видел плачущую, ставшую некрасивой и совсем старой тётю, и ему почему-то вдруг стало жалко её. Никогда он не видел, чтобы она плакала.

Дядька что-то говорил, говорил; голос его журчал добро и покойно.

Клипер снова стоял на буфете, на той же злосчастной дорожке, и Женька заметил, что у него сломаны только две мачты — фок и бизань — и, кажется, больше ничего.

Женька ещё долго, уже без слёз, всхлипывал, содрогаясь всем телом. А потом он неожиданно уснул. Прямо на руках у дядьки.

Проснулся Женька уже ночью. Он лежал на своей раскладушке тихо-тихо и слушал голоса за перегородкой.

Слов было не разобрать, только слышались всхлипывания тёти да погромыживание дядькиного голоса.

Дядька утешал тётю, и Женька подумал, что это правильно. Пусть утешает. Она не злая. Просто она любит свои дорожки и боится моря.

Потом он разобрал слово «Севастополь» и ещё два: «Женька обрадуется». Сказала это тётя. И за перегородкой замолчали. Заснули, наверное.

А Женька лежал и думал. Он вдруг вспомнил двух малышей. Первоклашек, наверное. Они строили во дворе город из песка. Большой город. С башнями, дорогами и тонелями.

А он бежал в школу. И по дороге, походя, прошёлся по их городу. Просто так. Смеха ради. Напоследок он наподдал ногой самую высокую башню с зубцами.

Мальчишки горестно ахнули. А один из них, чёрный такой, с раскосыми глазами, встал и пошёл на него, сжав кулаки и что-то шепча злыми, побелевшими губами.

Женька вспомнил, как он удивился тогда и подумал, что надо бы этому чёрному дать по шее, чтоб не забывался.

Но ему было некогда, его Балага ждал, и он побежал в школу. Не оглянулся даже.

В комнате было тихо и темно. Только напротив, у входа в кинотеатр, вспыхивали красные буквы.

Свет на минуту выхватывал из темноты белые паруса клипера и снова гас.

Раненый парусник тихонько стоял на буфете, ждал осторожных, бережных Женькиных рук.

Потом мягкой, тёплой волной накатился сон.

В последнюю минуту Женька увидел чёрного раскосого мальчишку и пробормотал:

— Не сердись. Я тебе клипер подарю.

Потом он уснул.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСТЁР В СОСНОВОМ БОРУ. *Повесть* 5

Рассказы

Лось 118
С парусом за спиной 126
Перламутровая раковина 140
Чайный клипер 160

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Дворкин Илья Львович

КОСТЁР В СОСНОВОМ БОРУ

Ответственный редактор О. Т. Ковалевская. Художественный редактор В. П. Дроздов.

Технический редактор Т. С. Тихомирова. Корректоры Н. Н. Жукова и Т. Г. Янина.

ИБ 11398

Литературно-художественное издание

Сдано в набор 25.08.87. Подписано к печати 03.11.88. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3. Усл. кр.-отт. 59,15. Уч.-изд. л. 11,02. Тираж 150 000 экз. Заказ № 267. Цена 90 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Дворкин И. Л.

Д24 Костёр в сосновом бору: Повесть и рассказы/Рис. Е. Маршаковой. — Л.: Дет. лит., 1989. — 176 с., ил.

ISBN 5—08—000133—X

В этом сборнике переизданы самые любимые детьми повесть и рассказы писателя. Издаются по просьбе читателей.

Д 4803010102—105 186—89
M101(03)—89

P2

90 коп.

